

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2023 г., том 30, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Ромодановская В.А. Священное Писание и система жанров древнерусской литературы: к постановке проблемы	5
Панич Т.В. Спор о вере в книге «Увет духовный» Афанасия Холмогорского	14
Демидова Л.Д. Рукописный цикл раннестарообрядческих сочинений инок Авраамия и дьякона Федора: некоторые вопросы происхождения, состава, бытования и места в полемике.	22
Титова Л.В. О некоторых особенностях включения сочинений дьякона Федора в «Христианопасный щит веры» инок Авраамия	31
Гурьянова Н.С. Сюжет о митрополите Исидоре в системе аргументации старообрядцев	36
Юхименко Е.М. Филипповский наставник Симеон Гаврилов как книжник	44
Есипова В.А. Библиотека старообрядцев из Белобородовской пустыни: проблема реконструкции	52
Шереметьева Д.Л. Газета штаба Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами России «Русская армия» в контексте установления военной диктатуры адмирала А.В. Колчака осенью 1918 г.	58
Яранцев В.Н. Протосамиздат в Западной Сибири в предреволюционные годы и в период белогвардейской власти (на примере творчества Вс. Иванова).	66

ОСВОЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИИ

Кебак Т.А. Деятельность сибирских отделов Императорского Русского географического общества в мемуарах политических ссыльных второй половины XIX – начала XX в.	74
Шиловский М.В. П. П. Семенов-Тянь-Шанский и Г.Н. Потанин: роль наставника в становлении ученого	80
Пшеничная Е.В., Лизунова И.В. Научная деятельность великого князя Н.К. Романова и его личный вклад в исследование Туркестанского края на рубеже XIX–XX вв.	86
Золотова Т.Н. Историко-культурное наследие России в региональном научно-коммуникационном пространстве Сибири	94
Ермакова Е.Е. Почитаемые водные источники в региональном сакральном ландшафте: кризис веры, проблемы здравоохранения и последняя надежда.	102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Томилов Н.А. Краеведение в истории и история в краеведении. Рец. на кн.: Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития. Сб. науч. тр. / под ред. П.П. Вибе. Омск: Омск. гос. ист.-краевед. музей, 2022. 248 с.	110
Яранцев В.Н. Три века эволюции сибирского сборника. Рец. на кн.: Макарова Е.А. Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX вв. в аспекте формирования регионального книгоиздания. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та. 236 с.	113

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, профессор *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашидэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингдаус* (Германия), д-р ист. наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН, профессор *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреев*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук, профессор *А.В. Горбатов* (Кемерово), д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекебай*, канд. ист. наук *В.В. Журавлев* (Новосибирск), д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р ист. наук, профессор *М.К. Чуркин* (Омск), д-р ист. наук *Д.Н. Шевелев* (Томск), д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.09.23. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 219.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2023, vol. 30, N 3

CONTENTS

BOOK LITERATURE

Romodanovskaya V.A. The Holy Scripture and the system of genres of Old Russian literature: To the problem statement	5
Panich T.V. The dispute about faith in the book “Spiritual Uvet” of Afanasy Kholmogorsky	14
Demidova L.D. A manuscript sequence of early Old Believer polemical works by monk Avraamii and deacon Fyodor: some issues of its origin, composition, being and place in polemic	22
Titova L.V. On some peculiarities of inclusion of deacon Fyodor’s writings in «The Christian Secure Shield of Faith» by the monk Avraamy	31
Guryanova N.S. The plot about Metropolitan Isidor in the system of the Old Believers’ argumentation	36
Yukhimenko E.M. Filippovsky mentor Simeon Gavrilov as a scribe	44
Esipova V.A. Library of Old Believers from Beloborodovsky Hermitage: problems of reconstruction	52
Sheremeteva D.L. The newspaper of the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief of all the armed forces of Russia «The Russian Army» in the context of the establishment of the military dictatorship of admiral A. V. Kolchak in the autumn of 1918	58
Yarantsev V.N. Protosamizdat in Western Siberia in the pre-revolutionary years and during the period of the White Guard power (1916–1919) (on the example of Vs. Ivanov’s work).	66

DEVELOPMENT OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF EURASIA

Kebak T.A. The activities of the Siberian branches of the Imperial Russian Geographical Society in the memoirs of the political exiles of the second half of 19th – early 20th centuries	74
Shilovskiy M.V. P.P. Semyonov-Tyan-Shansky and G.N. Potanin: the mentor’s role in the formation of a scholar	80
Pshenichnaya E.V., Lizunova I.V. Scientific activity of Grand Duke N.K. Romanov and his personal contribution to the study of the Turkestan region at the turn of the XIX–XX centuries	86
Zolotova T.N. Historical and cultural heritage of Russia in the regional scientific and communication space of Siberia.	94
Ermakova E.E. Revered water sources in the regional sacred landscape: crisis of faith, health problems and last hope.	102

SCIENTIFIC LIFE

Tomilov N.A. Local lore studies in history and history in local lore studies. Book review: State local history in the Russian Federation in the late 20th – early 21st centuries: the main problems and development prospects : collection of scientific papers / ed. by P. P. Vibe. Omsk: Omsk gos. ist.-kraeved. muzey, 2022. 248 p.	110
Yarantsev V.N. Three centuries of evolution of the Siberian Miscellany. Book review: Makarova E. A. Literary and art miscellanies of Siberia of the late 18th – first third of the 20th centuries in the aspect of regional book publishing formation. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 2020. 236 p.	113

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
(“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

Founders: **Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *M.K. Churkin* (Omsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.V. Gorbatov* (Kemerovo), Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences *D.N. Shevelev* (Tomsk), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*, Candidate of historical Sciences *V.V. Zhuravlev* (Novosibirsk)

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090
Russian Federation
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russian Federation

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20230301

УДК 821.161'01

EDN: VKFKHF

В.А. РОМОДАНОВСКАЯ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ И СИСТЕМА ЖАНРОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
РФ, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Система жанров древнерусской литературы, по словам Д.С. Лихачева, определялась христианским мировоззрением средневекового человека, причем формальные признаки жанров были строго регламентированы особенностями их церковного употребления. Кроме структурной характеристики жанра могут быть определены его способности к развитию и трансформации. Развитие жанра – создание новых произведений по образцу существующих, причем развитием жанра обусловлено появление и новых литературных направлений, что, в свою очередь, приводит к трансформации жанра – такому его видоизменению, когда при сохранении формальных признаков одного жанра произведение несет функциональную нагрузку другого жанра. Однако способностей развития и трансформации в древнерусской литературе лишены тексты Священного Писания, поскольку они закреплены устоявшимся христианским канон. Будучи литературой в широком смысле, памятником письменности, Священное Писание выпадает из литературного процесса и в этом отношении литературой не является.

Ключевые слова: Система жанров древнерусской литературы, развитие и трансформация жанра, литературный процесс, Священное Писание, христианский канон.

Для цитирования: Ромодановская В.А. Священное Писание и система жанров древнерусской литературы: к постановке проблемы // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 5–13.

V.A. ROMODANOVSKAYA

HOLY SCRIPTURE AND THE SYSTEM OF GENRES OF OLD RUSSIAN LITERATURE: TO THE PROBLEM STATEMENT

Institute of Russian literature (Pushkin House) RAS,
4, nab. Makarova, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

The Christian worldview of a medieval person, according to D.S. Likhachev, determined the system of genres of Old Russian literature, and the formal signs of genres were strictly regulated by the peculiarities of their church use. In addition to the structural characteristics of the genre, its ability to develop and transform can be determined. The development of the genre is the creation of new works on the model of existing ones, and the development of the genre causes emergence of new literary trends, which, in turn, leads to the transformation of the genre – such a modification when the work carries the functional load of another genre, while preserving the formal characteristics of original genre. The texts of Holy Scripture could develop and transform only at the initial stage of their existence – the desire to record the words of eyewitnesses of Christ in the first centuries of Christianity gave rise to an extensive literature of gospels and acts, new literary genres that generated new and new works. The rapid development of

Варвара Андреевна Ромодановская – канд. филол. наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, e-mail: romodan@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2028-4533>.

Varvara A. Romodanovskaya – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Russian literature (Pushkin House) RAS.

Christian literature, which took place in accordance with general literary laws, was interrupted in the middle of the 4th century with the emergence of the concept of the Christian canon, which fixed the definition of sacred only for some books of new and old, Jewish, religious literature, and attributed the rest to the number of apocrypha. In Old Russian literature, the texts of Holy Scripture are devoid of the ability to develop and transform, since they are fixed in the canon. Being literature in a broad sense and a monument of writing, the Holy Scripture falls out of the literary process and in this respect is not literature. The consequences of this position are a controlled textological tradition, codification of biblical texts, a strict attitude to quoting texts of the Holy Scripture. The change in this situation became possible only at the end of the Russian Middle Ages, with the secularization of the society.

Key words: *The system of genres of Old Russian literature, the development and transformation of the genre, the literary process, the Holy Scripture, the Christian canon.*

ВВЕДЕНИЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Понятие системы жанров древнерусской литературы (и литературы вообще) было введено Д.С. Лихачевым в докладе на V съезде славистов [Лихачев, 1963]. Ученый очень образно сравнил систему жанров с видами оружия в войске, причем это «литературное оружие» в Древней Руси было чрезвычайно богато и разнообразно [Там же, с. 63–64]. Специфика русской средневековой литературы, по мысли исследователя, состоит в том, что жанр определяется его назначением, тем, для чего пишется то или иное произведение: для церковной службы, чтения в церкви, келейного, домашнего чтения, деловой документации или в познавательных целях. Кроме узкого понятия жанра произведения, выделяются также жанры сборников различного состава; в древнерусской литературе часто происходит взаимопроникновение жанров [Там же, с. 51–53]. Определяло систему жанров христианское мировоззрение средневекового человека [Там же, с. 59].

Традиционно литературный жанр определяется как «тип поэтической структуры, выражающий собой ту или иную сторону социальной психоидеологии на определенной стадии ее исторического развития и обнимающий собой более или менее значительное количество литературных произведений. Для жанра обязательны, следовательно, три структурных признака: органичность всех компонентов жанра, образующих собой поэтическое единство, бытование этого единства в определенных исторических условиях и широкое его распространение, типичность вида для массовой литературной продукции» [Цейтлин, 1930, стб. 109–110]. У письменных памятников Древней Руси, связанных так или иначе с богослужением, «формальные признаки жанров были строго регламентированы особенностями их употребления и внешними традиционными признаками» [Лихачев, 1986, с. 80]. Однако кроме структурной характеристики литературного жанра, посредством которой произведение относится к тому или иному жанру, последний обладает, на мой взгляд, еще двумя особенностями: способностью *развития* и способностью *трансформации*.

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА

Что такое развитие жанра? – Создание новых произведений по образцу существующих. Так, по образцу летописей старшего периода создавались более поздние летописи, причем сохранение структуры летописного жанра не позволяет усомниться в том, что перед нами именно летопись. Пожалуй, наиболее активно развитие жанра проявляется в агиографии, где создаются жития новым святым каждый раз в строгом соответствии с утвердившимся образцом, пришедшим на Русь с переводными житиями из византийской литературы [Лопарев, 1911]. Жанровую структуру посланий регламентируют многочисленные древнерусские письмовники. Во время Смуты сформировался особый жанр – жанр видений. В средневековой анонимной русской литературе роль литературного жанра была более важной, чем в литературе Нового времени, жанровая форма произведения как бы принимала на себя и авторские функции. Очевидно, с этим связано и множество произведений, как считается, приписанных Иоанну Златоусту, – а фактически не приписанных, а озаглавленных: «Златоуст». Вероятно, «Златоуст» воспринимался древнерусским читателем не как автор, а как название книги, как обозначение ее *жанра*¹. Единичные жанровые образцы, как, например, «Моление» Даниила Заточника, подписаны именем конкретного автора и находятся на стыке литературы и фольклора [Лихачев, 1986, с. 83]. Такой же пример единичного жанрового образца, хотя и с сохранением элементов традиционной жанровой структуры, – Житие протопопа Аввакума, также имеющее конкретного автора.

Развитием жанра в древнерусской литературе обусловлено и появление демократической сатиры. «В произведениях демократической пародии пародируется не автор, не авторский стиль, а форма и содержание, жанр и стиль делового документа. Новое содержание не вкладывается в деловые жанры, как это было раньше, а взрывает эту форму, делает ее пред-

¹ См.: [Творогов, Черторицкая, 1988]. Ср. с этим наблюдение Д.С. Лихачева относительно того, что «древнерусские жанры... обычно декларативно обозначались в самих названиях произведений» [1963, с. 62].

метом осмеяния, как и ее привычное содержание. Жанр приобретает здесь не свойственное ему значение» [Там же, с. 90]. Примеры тому, приведенные Д.С. Лихачевым, – «Служба кабаку» и «Калязинская челобитная». Подчеркну, что в первом случае – «Служба кабаку» – пародируется не «деловой документ», а церковная служба. Именно пародия стоит на стыке развития жанра и его трансформации.

СПОСОБНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА К ТРАНСФОРМАЦИИ

Вторая не отмеченная ранее характеристика литературного жанра – его способность к трансформации. Под трансформацией жанра я понимаю такое его видоизменение, когда при сохранении формальных признаков одного жанра произведение несет функциональную нагрузку другого жанра. Такова, например, Большая челобитная Ивана Пересветова, сохраняющая форму документа, а фактически являющаяся политической декларацией [Лихачев, 1956, с. 52–53; Лурье, 1989, с. 180]. Яркий пример трансформации жанра – послания Максима Грека, например, Послание к Николаю Немчину, фактически представляющее собой антилатинский полемический трактат. В средневековых литературах послания вообще более других жанров подвержены трансформации – и часто представляют собой поучения или полемические сочинения. В литературе Нового времени наиболее яркие примеры трансформации жанра – *роман в стихах* «Евгений Онегин» и *поэма* «Мертвые души». Складывается, правда, впечатление, что к трансформации более склонны произведения авторской литературы. Во всяком случае, если развитие жанра представляется обязательной его характеристикой, то о трансформации следует сказать, что жанр «может подвергаться трансформации». В определенном смысле к этому понятию в древнерусской литературе относится и выявленное Д.С. Лихачевым взаимопроникновение жанров.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ: КАНОН И СИСТЕМА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вынося в название этой статьи понятие *системы жанров* литературы Древней Руси, я предполагаю рассмотреть, в какой степени в нее входят тексты Священного Писания, которые Д.С. Лихачев определил как «жанрово не повторяющиеся типы» [Лихачев, 1986, с. 80].

Священное Писание, которое в полном виде принято называть Библией, – основная книга всех христианских конфессий, включающая книги Ветхого и Нового Заветов, т.е. имеющая иудейскую и христианскую составляющие. Современный состав книг Священного Писания утвердился лишь к середине III в.,

в то время как сами тексты имеют более древнюю историю. Христианские тексты в начале своего существования восходили к устной традиции и были записаны лишь в середине I в., однако долгое время приверженцы новой религии предпочитали устные рассказы и воспоминания людей, знавших апостолов. Так, около 130 г. Папий, епископ Иераполя, признавался: «Если же приходил кто-нибудь, бывший некогда со старцами, я тщательно расспрашивал о словах старцев... Ибо я понимал, что из содержащегося в книгах получу не столько пользы, сколько от живого голоса» (цит. по: [Хосроев, 1991, с. 11]).

Стремление записать слова очевидцев Христа в первые века христианства породило обширное количество евангелий и деяний, новые литературные жанры, которые порождали новые и новые произведения. Сформировавшийся к рубежу эпох новый жанр апокалипсиса был принят и молодой христианской литературой, в которой известны не только вошедший в Новый Завет Апокалипсис Иоанна, но, к примеру, и Апокалипсис Петра, и Апокалипсис Павла. Быстрое развитие христианской литературы, происходившее в соответствии с общими литературными законами, прервалось в середине IV в. с возникновением понятия *христианского канона*, закрепившего определение *священных* лишь за некоторыми книгами новой и старой, иудейской, религиозной литературы, а остальные отнесшего к числу апокрифов². В 367 г. Афанасий Александрийский пишет Пасхальное (39-е) послание, в котором перечисляет вошедшие в христианский канон сочинения. «С этого момента книги, не вошедшие в канон Афанасия, окончательно становятся вне закона» [Там же, 1991, с. 24], а развитие библейских литературных жанров прекращается³. Земли, принявшие христианство после IV в., таким образом, познакомились со Священным Писанием как с текстом, жестко запертым в рамки церковного христианского канона. Если в литературах Ближнего Востока и христианского Средиземноморья, породивших библейские жанры, с появлением канона прекращается создание произведений определенных жанров, то в странах, принявших крещение позднее, в том числе и в Древней Руси, канонический текст воспринимается как священный и неприкосновенный, жизнь его в

² Начальный период становления христианского канона не исследован. Отдельные упоминания о ветхозаветном каноне имеются у Мелитона (ок. 170 г.) и Оригена. Четыре канонических Евангелия впервые названы Иринеем Лионским в конце II в.: «Почему же число евангелий не больше и не меньше? Ибо, поскольку четыре стороны света, в котором мы живем, и четыре основных ветра, а церковь рассеяна по всей земле, “столп же и утверждение” церкви – это евангелие и Дух жизни, то необходимо ей иметь четыре столпа». Цит. по: [Хосроев, 1991, с. 22].

³ Однако сохраняется интерес к апокрифической литературе, чем вызвано большое число переводов на разные, в том числе славянский, языки.

жанровой системе ограничена. Если общелитературные жанры совпадают с библейскими (каковы, например, исторические книги или послания, то ограниченность и изолированность жанра относятся только непосредственно к текстам Писания). Собственно же библейские жанры, евангелия, деяния, апокалипсис, в средневековых литературах теряют свою жанровую наполненность, лишаются развития (трудно себе представить созданное на русской почве евангелие!) и собственно как *жанры* перестают существовать, будучи предметом религиозного культа и поклонения. То есть оставаясь литературой в широком смысле, памятником письменности, Священное Писание, в своем стремлении к законсервированности, сохранении основных христианских устоев, словно бы выпадает из литературного процесса и в этом отношении литературой не является.

Д.С. Лихачев отметил, что средневековый человек отличается от современного не мышлением, а мировоззрением. «В области же мировоззрения, конечно, следует в первую очередь иметь в виду, что средневековая христианская эстетика отрицала искусство как источник эстетического наслаждения. Поэтому христианская эстетика в значительной степени прикладная» [Лихачев, 1963, с. 50]. В отношении Священного Писания прикладной характер работы древнерусских – да и вообще средневековых – книжников выразился в особом отношении к тексту, которое в науке получило определение *контролируемой текстологической традиции*. Стремясь к абсолютной правильности воспроизводимого текста, переводчик или переписчик библейских книг использовал несколько антиграфов – это «представляет собою форму сознательного контроля над “правильностью” и, тем самым, стабильностью текста: обнаружив ошибку в одном антиграфе, переписчик мог исправить ее по другому антиграфу» [Там же, с. 50]. Этот метод свойствен работе как переводчика, так и копииста. Его использовал еще блаженный Иероним при переводе Вульгаты, сверяя еврейские тексты Ветхого Завета с греческими и переводя на латынь своего рода компиляцию, об этом он сам пишет в предисловии к Вульгате («*Latina quam graeca, graeca quam Hebraea!*»). Нередко записи о сопоставлении текстов и выправлении их по наиболее авторитетным спискам встречаются и в древнерусских рукописях [Алексеев, 1999, с. 50]. Не случайно и процесс исправления церковных книг и книг Священного Писания по одноязычным или оригинальным источникам (в Древней Руси – греческим) называется *справой*.

Религиозное мировосприятие средневекового человека было таково, что перевод Библии или исправление ее текста могли спровоцировать глобальный раскол. Так произошло после перевода Библии Мартином Лютером и после sprawy XVII в. в России.

Правильность и стабильность текста достигались созданием *кодексов*, т.е. отдельных томов, содержащих либо Евангелие-апракос, либо Евангелие-тетр, либо Псалтирь (в нескольких видах), Пятикнижие, Толковые пророчества и т.д. Действительно, библейский текст не был рапространен в сборниках, а всегда существовал как самостоятельная единица. К XIV в. на Руси появляется потребность в библейских кодексах большого масштаба – и под покровительством митрополита Алексия создается Чудовский Новый Завет. На рубеже XV–XVI вв. появляются еще два крупных библейских кодекса: Супрасльский сборник Матфея Десятого (в единственном авторском списке, БАН, 24.4.28, 1502–1507 гг.) и выстроенная по образцу Вульгаты Геннадиевская библия (древнейший полный список 1499 г., ГИМ, Синодальное собр., № 915). Именно Геннадиевская библия, как наиболее полный свод библейских книг, стала прообразом всех последующих русских изданий Библии. И вместе с тем переведенные для нее с латыни 14 книг – это счастливый для исследователя случай, когда можно проследить особенности библейского текста в разных комбинациях: в составе полной Библии, сборника исключительно библейских книг, в Толковых пророчествах, включающих переведенные для Геннадиевской библии с латыни главы Иеремии и Иезекииля, сборников пестрого состава и Великих Миней Четых.

На текстологическом уровне эта работа дает наиболее неопровержимые данные. Более детально она представлена в моей статье [Ромодановская, 2013], поэтому в контексте настоящей статьи я ограничусь общими выводами, подчеркнув еще раз, что они – результат текстологической сверки 34 рукописей. Наиболее близкий к первоначальному текст содержится в тетрадах, отправленных из Новгорода Иосифу Волоцкому; очевидно, тексты пересылались для ознакомления с новыми переводами, сделанными для кодекса. Пять полных библейских сводов (два XV и три XVI в.) содержат предельно стабильный текст с элементами явной архаизации; списки XVI в. – с изменениями орфографии в соответствии со временем. К ним по стабильности и степени архаизации примыкают вставки в Толковые пророчества, однако вставки эти делались с большой поспешностью, и в них находится много писцовых огрехов.

В сборниках пестрого состава, куда включены отдельные книги и главы Геннадиевской библии, а также список с первоначального перевода (рукопись РНБ, Погодинское собр., № 84, 1560-х гг.), также входящий в сборник пестрого состава, в текст внесена значительная редакторская правка, порой меняющая его до неузнаваемости. Вместе с тем тексты в составе сборников сохраняют и множество первоначальных чтений, а это позволяет сделать вывод, что перед

нами не выписки из кодекса, а самостоятельное пространство текстов. Выдержек из кодекса в сборниках обнаружить не удалось, за одним исключением: это тексты 1–2 Мак., Иеремии и Иезекииля, вошедшие в Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Они содержат те же самые элементы архаизации, что и полные своды, однако дополнительно отредактированы для Великих Миней. При этом редакторская правка вносилась последовательно для каждого следующего комплекта: Софийский комплект > Успенский > Царский. То есть для включения в другой кодекс книги могли быть извлечены из кодекса, но их языковые особенности подчинялись уже законам того кодекса, куда их вставляли.

После закрепления русского канонического кодекса библейских книг изданием Острожской Библии 1581 г. распространение рукописной Библии прекращается. Таким образом, напрашивается вывод, что кодификация – это способ сохранения наиболее исправного и устойчивого текста. К такому же выводу относительно текстов литургий в результате также текстологической работы пришла и Т.И. Афанасьева [2013]⁴.

Кодификация библейских текстов привела к тому, что они бытовали в рамках *книги*. Поясню это на примере Евангелия. Существовали книги Евангелие-апракос, Евангелие-тетр, Толковое евангелие и книга Библия, включающая Четвероевангелие. Если в старшем периоде славянской книжности тексты всех этих типов Евангелия были соотносимы и возможно было провести их текстологическое изучение⁵, то к XVII в. тексты перечисленных четырех типов Евангелия настолько разошлись, что, начав заниматься текстологией русских печатных Евангелий, я остановилась только на тетрах, поскольку привлечение других типов загроздило бы исследованием массой разночтений, а в ряде случаев и чрезвычайных изменений текста. Объяснить сложившуюся ситуацию можно лишь тем, что каждая из этих *книг* развивалась независимо друг от друга, проще говоря, тетры переписывались с тетров, а апракосы – с апракосов и не сверялись между собой. Подобная же ситуация, по наблюдению Ф. Вигзелл, сложилась уже к концу XIV в. и с различными типами Псалтири [Вигзелл, 1971]. Таким образом, сохранение «правильного» текста в кодексе оказалось превалирующим над правильностью его содержания.

Нужно заметить, что кодификация и стабильность библейского текста не препятствовали развитию стойкого интереса к библейской истории и философии. Он удовлетворялся посредством множества переводных памятников на библейские сюжеты: хронографы, палеи, флорилегии, отеческие сочинения и т.д., которые в свою очередь оказывали большое влияние на развитие русской литературы.

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В ЛИТЕРАТУРЕ

Еще один важный вопрос, который нужно затронуть, – это проблема цитации библейских текстов в памятниках древнерусской литературы. В последние годы эта тема стала одной из наиболее популярных в отечественной филологии, что естественно, поскольку древнерусские произведения изобилуют библейскими образами, сравнениями, реминисценциями, прямыми и скрытыми цитатами. В контексте настоящей статьи я хочу сказать только о способе цитирования как введения библейского текста в контекст другого литературного произведения⁶. В качестве примера приведу наиболее точные цитаты из нескольких текстов. Так, в «Слове к келарю» Феодосия Печерского: «щадить ти ся праведный венец» – 2Тим. 4:8: «прочее щадит ми ся праведный венец» [Новак, 2009, с. 57], в «Слове о терпении и о любви и о посте» Феодосия Печерского: «туне хлѣба не ядох» – 2Фесс. 3:8: «ни туне хлѣба ѣдохъ» [Новак, 2009, с. 58]. В Житии Стефана Пермского Епифания Премудрого: «Хлѣб сердце челоуѣку укрѣпит, а вино возвеселит» – Пс. 103:15: «Вино възвеселит сердце челоуѣку, умасти лице олѣмь и хлѣб сердце челоуѣку укрепить» [Вигзелл, 1971, с. 239], в том же Житии: «Яко же не пусти Господь жезла грѣшных на жребий праведных» – Пс. 124:3: «Яко не оставитъ Господь жезла грѣшных на жребий праведных» [Вигзелл, 1971, с. 238]. Далее – в Житии протопопы Аввакума: «Обьяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя, скорбь и болѣзнь обрѣтох» – Пс. 114:3: «Обьяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обрѣтоша мя, скорбь и болѣзнь обрѣтохъ» [Герасимова, 1993, с. 316], там же: «Согрешил, окаянный, пролил неповинную кровь» – Мф. 27:4: «Согрѣших, предавъ кровь неповинную» [Герасимова, 1993, с. 315]. Подобные отклонения наблюдаются во всех цитатах, даже наиболее близко соотносимых с библейскими текстами. Ф. Вигзелл дала им такую классификацию: «Ошибки обычно следующих типов:

1) Ошибки в формах глаголов, например, *сказав – сказал*.

⁴ Следует отметить, что кодификация как способ сохранения наиболее исправного текста применяется не только средневековыми книжниками. Именно этой цели служат и академические собрания сочинений писателей Нового времени.

⁵ См.: [Евангелие, 1998; Евангелие, 2005]. К изучению не привлекалось Учительное евангелие, переведенное в XIV в.

⁶ Нужно разграничивать цитирование Священного Писания и переводных памятников, содержащих в той или иной степени библейские сюжеты, каковы, например, хроники и палеи.

2) Пропуски, перенос или добавление союзов (особенно союза и) или местоимений (особенно я).

3) Перенос слов.

4) Замена слова синонимом.

5) Модернизация текста с архаическими чертами. <...>

6) Незнакомые фразы заменяются более знакомыми или клише» [Вигзелл, 1971, с. 237].

Объясняются такие отклонения обычно тем, что автор «знал текст Библии наизусть и писал по памяти». Ф. Вигзелл развивает эту тему: «Библия являлась руководством во всех сферах жизни, и поэтому каждая строка в ней была очень значительна. Было большим грехом изменить ее текст. В XIV–XV вв. такие взгляды еще более усилились среди православных славян, поэтому естественно считать, что Епифаний прилагал много усилий к тому, чтобы его цитаты были точными. Таким образом, большое число ошибок в цитатах свидетельствует, что он цитировал по памяти, увлекаемый благоговением перед святым и не сознавая, что цитаты неточны... Поскольку в средние века с такими традиционными и священными текстами, как Библия, обращались с большим уважением, то лишь факт, что Епифаний писал по памяти, объясняет присутствие большого числа серьезных отклонений от первоисточника псалмов» [Вигзелл, 1971, с. 237–238]. Интересно между тем, что не только Епифаний Премудрый, но и все древнерусские авторы цитировали Священное Писание исключительно по памяти и при этом всегда «ошибались».

Думаю, что разрешить эту загадку поможет обращение к более позднему памятнику, представляющему уже литературу переходного периода, – к пьесе пастора И.Г. Грегори «Иудифь»⁷. В основе пьесы – библейская книга Иудифь, причем текстологически доказывается, что автор писал ее на Руси и использовал при этом Московскую библию 1663 г. По сравнению с Писанием в пьесе много дополнительных сцен, введены новые персонажи, но зачастую приводится и библейский текст, при этом всегда в несколько искаженном виде, с изменениями, подобными только что рассмотренным. Приведу несколько примеров. «Откуда и камо грядеши?» (с. 430) – «Откуда грядеши и камо идеши?» (Иуд. 10:11, МБ); «Воспойте Богу в тимпанех» (с. 456) – «Начните Господу в тимпанѣх» (Иуд. 16:2); «Приими словеса рабыни твоя, господине мой! Яко аще сотвориши по словеси сем рабыни твоя, и Господь Бог сотворит совершенно дело с тобою» (с. 434) – «Приими словеса рабыни твоя, господине мой! Яко аще сотвориши по словесем рабыни твоя, и Господь Бог сотворит совершенно дѣло с

тобою» (Иуд. 11:4). Ни одна из цитат не передана без изменений, так что текст остается узнаваемым (и выделяется в пьесе стилистически!), но все же не абсолютно совпадает с опубликованной Библией. То есть ситуация точно такая же, как и в традиционных памятниках древнерусской литературы, библейская же книга Иудифь во время церковной службы никогда не читалась, и ее явно не знали наизусть. Мельчайшими изменениями, исключением или вставкой отдельных слов или частиц авторы добиваются намеренного изменения, *порчи* текста, в результате чего текст остается узнаваемым, но тем не менее это не канонический текст Библии, «очень похожий, но *другой*»; к цитатам подобного рода действительно весьма подходит предложенное Рикардо Пиккио определение «тематического ключа» [Пиккио, 2003]. В точном виде библейские цитаты не бытовали и в фольклоре, что было замечено В.П. Адриановой-Перетц [1971].

Точные библейские цитаты появляются в относительно позднее время, с *обязательным указанием источника*, причем приводится либо название Евангелия и номер зачала, либо, позднее, название книги и глава, а еще позднее – и номер стиха. Как пример можно привести наполненное библейскими цитатами Предисловие к Вкладной книге Троице-Сергиевой лавры (XVII в.) или многочисленные старообрядческие сочинения позднего времени. Очевидно, принцип подобных ссылок на источник цитирования происходит из лемм – отсылочных маргиналий к параллельным местам Священного Писания.

Возвращаясь к взаимоотношениям Священного Писания и системы жанров древнерусской литературы, обращаю внимание еще на одну интересную ситуацию. В Библию входят два типа *притч*: это Притчи Соломона, представляющие собой притчи-афоризмы, и нарративные притчи Евангелий. Последние оказали большое влияние на притчи, содержащиеся, в частности, в Повести о Варлааме и Иоасафе, которые И.Н. Лебедева определила как самостоятельный жанр: «Притча – небольшая самостоятельная новелла, из которой, аллегорически истолковывая ее образы, извлекают назидательный смысл» [Повесть, 1985, с. 72]. Повесть о Варлааме и Иоасафе была переведена на Руси очень рано, по наблюдениям И.Н. Лебедевой, не позднее начала XII в. – и именно притчи Повести на протяжении столетий были образцом для древнерусской притчи, входили в состав Пролога, были использованы Кириллом Туровским в «Притче о белоризце», являлись источником других древнерусских притч, в то время как собственно евангельские притчи из текста не извлекались и не переделывались (подробно см.: [Ромодановская Е.К., 1998]).

Как мы видим, Священное Писание могло привлекаться для самых разнообразных жанров литера-

⁷ См. подробно: [Ромодановская В.А., Ромодановская Е.К., 2011].

туры Древней Руси (из приведенных примеров – поучения, жития, драматургия, притчи), но всегда в измененном, искаженном виде; оно было отграничено от собственно литературы и не входило в литературную систему жанров, а та, в свою очередь, привлекала его, но не включала в себя.

Если я смогла показать, что тексты Священного Писания, будучи предметом христианского культа и поклонения, представляли собой в Древней Руси замкнутую в литературном отношении систему, то моя задача уже во многом выполнена. Отношение к библейским текстам меняется в переходную эпоху, в XVII в., когда начинаются различные переделки текста («Псалтирь стихотворная» и пьеса «Притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого), переводятся иллюстрированные Библии, как, например, Библия Пискарева, к которой пишет вирши Мардарий Хоников, ставятся в придворном театре Алексея Михайловича пьесы «Комедия о Товии младшем», «Иудифь» и «Артаксерово действо». Это все уже явления новой эпохи, нового времени, не свойственные русской средневековой культуре. Задержусь лишь на одном из них – на возможности постановки на театральных подмостках пьес на библейские сюжеты. В основу их сюжета был положен текст книг Ветхого Завета: соответственно, Иудифи, Эсфири и Товита. Внимание немецкого драматурга эти книги привлекли вследствие двух фактов: они были рекомендованы для постановки на сцене Мартином Лютером⁸, а в православной Руси тому не было препятствий, поскольку они не задействованы в богослужении. Сходную ситуацию отметил А.М. Панченко в отношении «Пещного действия»: почти одновременно с отменой *службы* появляется *пьеса* Симеона Полоцкого «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отрочех, в пещи не сожженных»; как пишет исследователь, «на смену вере приходит культура» [Панченко, 1979, с. 196]. Здесь важно то, что церковная служба и сценическая драма разводятся не только жанрово, но и во времени. Как параллель наблюдениям А.М. Панченко можно привести тот факт, что не были инсценированы динамичные и близкие драме сюжеты Маккавейских книг, возможно, вследствие того, что 1 августа церковь отмечала и отмечает память мучеников Маккавейских. Исключение составляет лишь опера А.Г. Рубинштейна «Маккавеи» (1874), написанная после публикации перевода Маккавейских книг на русский язык (1873). Оговорюсь, что сейчас я намеренно не

затрагиваю литургических аспектов темы, поскольку это еще более усложнило бы задачу; в идеале тема должна была бы быть представлена как трехчастная: литература – литургия – канон.

БИБЛИЯ ВНЕ ЛИТЕРАТУРЫ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Но если канонические книги в Средневековье не поддаются *развитию*, которое я рассматриваю как одну из характеристик литературного жанра, то как быть с другой, не обязательной, но возможной жанровой особенностью – *трансформацией*? В литературном плане она невозможна, но если вывести Библию за рамки литературы (или поднять ее над литературой), то может ли трансформация жанра иметь внелитературное проявление? Возможно, в случае текстов культовых, сакральных, религиозных и может, но это будет проявление действием, фактически спровоцированным текстом. Назову несколько определяющих проявлений подобной «трансформации» для Священного Писания, не ограничиваясь только русским Средневековьем. Текст Библии воспринимается не как рукотворное произведение, но как Истина, и это приводит к следующему: 1) попытке сохранения библейских святынь – деятельность в Палестине царицы Елены, воздвигшей храмы на местах Рождества и Распятия Господня; 2) попытке защиты святынь от неверных – средневековые крестовые походы и русские походы на освобождение Царьграда; 3) познанию святых мест – паломничества и хождения в Святую Землю, результатом чего, в свою очередь, стал уже литературный жанр хождений; 4) попытке перенесения святых мест в свою землю либо топонимически (гора Голгофа на Анзерском острове), либо копированием (строительство патриархом Никоном Нового Иерусалима); 5) приобретению святых мест и жизнеобитанию на них – деятельность с середины XIX в. Русской Духовной Миссии в Палестине. В литературном отношении Священное Писание может подвергаться трансформации лишь при одном условии – возвращении его на Ближний Восток, в места, откуда оно произошло и где оно в начале своего бытия уже подвергалось законам общелитературного развития. Именно на Ближнем Востоке, в библейских землях, эта книга может читаться не только с глубоким религиозным чувством, но и в чисто прагматических целях, как путеводитель по Святой Земле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адрианова-Перетц В.П. Библейские афоризмы и русские пословицы // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26. С. 8–12.
Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 254 с.

⁸ См. об этом: [Морозов, 1889, с. 155]. После рекомендации М. Лютера в европейской литературе был всплеск обращений к сюжету библейской книги Иудифь; К. Гюнтер попытался и древнерусскую пьесу поставить в общеевропейский контекст [Günther, 1970]. Возможно, в выборе сюжета сказались и протестантское образование И.Г. Грегори.

Афанасьева Т.И. Толкование на литургию как разновидность толковых текстов в древнеславянской письменности и его история в славянской рукописной традиции XII–XVI вв. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Междунар. съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: доклады российской делегации. М., 2013. С. 37–51.

Вигзелл Ф. Цитаты из книг Священного Писания в сочинениях Епифания Премудрого // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1971. Т. 26. С. 235–238.

Герасимова Н.М. О поэтике цитат в «Житии» протопopa Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48. С. 314–318.

Евангелие от Иоанна в славянской традиции / изд. подг. А.А. Алексеев, А.А. Пичхадзе, М.Б. Бабицкая, И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Е.И. Вансеева, А.М. Пентковский, В.А. Ромодановская, Т.В. Ткачева. СПб., 1998. 232 с.

Евангелие от Матфея в славянской традиции / изд. подг. А.А. Алексеев, А.А. Пичхадзе, М.Б. Бабицкая, И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Е.И. Вансеева, А.М. Пентковский, В.А. Ромодановская, Т.В. Ткачева. СПб., 2005. 182 с.

Лихачев Д.С. Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 28–56.

Лихачев Д.С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы: V Междунар. съезд славистов. София, сент. 1963 г. М., 1963. С. 47–70.

Лихачев Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 79–95.

Лопарев Х.М. Византийские жития святых VIII–IX веков // Византийский временник. СПб., 1911. Т. 17 (1910). С. 1–224.

Лурье Я.С. Пересветов Иван Семенович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2: Л–Я. С. 180.

Морозов П.О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. IX, 398, XL с.

Новак М.О. Древнерусские поучения: Интерпретация апостольского текста // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (39). С. 57–60.

Панченко А.М. История и вечность в системе русского барокко // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 34: Куликовская битва и подъем национального самосознания. С. 189–199.

Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 431–466.

Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / подг. текста, исслед. и коммент. И.Н. Лебедевой. Л., 1985. 296 с.

Ромодановская В.А. Геннадиевская библия: Основные задачи и перспективы изучения // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Междунар. съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации. М., 2013. С. 266–287.

Ромодановская В.А., Ромодановская Е.К. О библейской основе пьесы XVII в. «Иудифь» // Библистика. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011. С. 267–289.

Ромодановская Е.К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. С. 73–111.

Творогов О.В., Черторицкая Т.В. Златоуст // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1: А–К. С. 358–363.

Хосроев А.Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг Хаммади (II, 7, VI, 3, VII, 4, IX, 3). М., 1991. 276 с.

Цейтлин А. Жанры // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1930. Т. 4. Стб. 109–154.

Günther K. Das Moskauer Judithdrama von Johann Gottfried Gregorii // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1970, Bd 4. S. 133–152.

REFERENCES

Adrianova-Peretts V.P. (1971). Biblical aphorisms and Russian proverbs. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, vol. 26, pp. 8–12. (In Russ.)

Afanas'eva T.I. (2013). Interpretation of the Liturgy as a kind of explanatory texts in the Old Slavic script and its history in the Slavic manuscript tradition of the 12th – 16th centuries. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki: XV Mezhdunar. s'ezd slavistov (Minsk, 20–27 avg. 2013 g.). Dokl. ros. delegatsii*. Moscow, pp. 37–51. (In Russ.)

Alekseev A.A. (et al.) (eds.) (1998). The Gospel of John in the Slavic tradition. Saint Petersburg, Ros. bibleyskoe o-vo, 233 p. (In Russ.)

Alekseev A.A. (et al.) (eds.) (2005). The Gospel of Matthew in the Slavic tradition. Saint Petersburg, Ros. bibleyskoe o-vo, 182 p. (In Russ.)

Alekseev A.A. (1999). Textology of the Slavic Bible. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 254 p. (In Russ.)

Gerashimova N.M. (1993). On the poetics of quotations in “The Life” of archpriest Avvakum. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Saint Petersburg, vol. 48, pp. 314–318. (In Russ.)

Günther K. (1970). Das Moskauer Judithdrama von Johann Gottfried Gregorii. *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts*. Berlin, Bd. 4, S. 41–207. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783112554920-003>.

Khosroev A.L. (1991). Alexandrian Christianity according to the texts from Nag Hammadi (II, 7; VI, 3; VII, 4; IX, 3). Moscow, Nauka, 276 p. (In Russ.)

Tvorogov O.V. (ed.) (1985). The Saga of Barlaam and Josaphat: a monument of Old Russian translated literature of the 11th – 12th centuries. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 296 p. (In Russ.)

Likhachev D.S. (1956). Ivan Peresvetov and his literary modernity. *Sochineniya I. Peresvetova*. Moscow, Leningrad, pp. 28–56. (In Russ.)

Likhachev D.S. (1986). The origin and development of genres of Old Russian literature. *Issledovaniya po drevnerusskoy literature*. Leningrad, pp. 79–95. (In Russ.)

Likhachev D.S. (1963). The system of literary genres in Ancient Russia. *Slavyanskoe literaturnoe: dokl. sovetskoy delegatsii, V Mezhdunar. s'ezd slavistov (Sofiya, sent. 1963 g.)*. Moscow, pp. 47–70. (In Russ.)

Loparev Kh.M. (1911). Byzantine Lives of Saints of the 8th – 9th centuries. *Vizantiyskiy vremennik*. Saint Petersburg, vol. 17 (1910), iss. 1/4, pp. 1–224. (In Russ.)

Lur'e Ya.S. (1989). Peresvetov Ivan Semyonovich. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Leningrad, iss. 2, pt. 2, p. 180. (In Russ.)

Morozov P.O. (1889). The history of the Russian theater up to the mid-18th century. Saint Petersburg, Tip. V. Demakova, IX, 398, XL p. (In Russ.)

Novak M.O. (2009). The interpretation of Acts and Epistles of the Apostles in Old-Russian sermons. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 1, pp. 57–60. (In Russ.)

Panchenko A.M. (1979). History and eternity in the Russian Baroque system. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, vol. 34, pp. 189–199. (In Russ.)

Picchio R. (2003). The function of Biblical thematic clues in the literary code of «Slavia Orthodoxa». *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk*. Moscow, pp. 431–466. (In Russ.)

Romodanovskaya V.A. (2013). Gennady's Bible: the main tasks and prospects of study. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki: XV Mezhdunar. s'ezd slavistov (Minsk, 20–27 avg. 2013 g.). Dokl. ros. delegatsii*. Moscow, pp. 266–287. (In Russ.)

Romodanovskaya V.A., Romodanovskaya E.K. (2011). On the biblical basis of the play of the 17th century "Judith". *Bibleistika. Slavistika. Rusistika: k 70-letiyu zav. kaf. bibleistiki prof. Anatoliya Alekseevicha Alekseeva*. Saint Petersburg, pp. 267–289. (In Russ.)

Romodanovskaya E.K. (1998). The specifics of the genre of parables in Old Russian literature. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*. Petrozavodsk, iss. 2, pp. 73–111. (In Russ.)

Tseitlin A. (1930). Genres. *Literaturnaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 4, col. 109–154. (In Russ.)

Tvorogov O.V., Chertoritskaya T.V. Zlatoust. (1988). *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Leningrad, iss. 2, pt. 1, pp. 358–363. (In Russ.)

Vigzell F. (1971). Quotations from the books of the Holy Scripture in the writings of Epiphanius the Wise. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, vol. 26, pp. 232–243. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.05.2023

Дата рецензирования 30.05.2023

Статья принята к публикации 01.06.2023

DOI: 10.15372/HSS20230302

УДК 821.161'01(470)'16

EDN: YKKLYW

Т.В. ПАНИЧ

СПОР О ВЕРЕ В КНИГЕ «УВЕТ ДУХОВНЫЙ» АФАНАСИЯ ХОЛМОГОРСКОГО

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматриваются особенности отображения в книге Афанасия Холмогорского «Увет духовный» одного из эпизодов в истории Русской Православной Церкви – Спора о вере между ее иерархами и старообрядцами, состоявшегося 5 июля 1682 г. в Грановитой палате московского Кремля. Описание прений входит в состав введения книги, представляющего важную часть ее композиционной и смысловой структуры. В результате анализа данного текста определяется специфика авторской интерпретации событий, выявляются приемы и средства их описания и оценки старообрядческого движения. Анализируется центральный эпизод прений – конфликт Никиты Добрынина с Афанасием Холмогорским – в сопоставлении с другими сочинениями, освещающими Спор о вере. Показано влияние текста «Увета духовного» на сочинения современников автора книги.

Ключевые слова: Афанасий Холмогорский, книга «Увет духовный», старообрядцы, прения в Грановитой палате.

Для цитирования: Панич Т.В. Спор о вере в книге «Увет духовный» Афанасия Холмогорского // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 14–21.

T.V. PANICH

THE DISPUTE ABOUT FAITH IN THE BOOK «SPIRITUAL ADMONITION» OF AFANASY Kholmogorsky

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

«The Dispute about Faith» between church hierarchs and Old Believers, which took place on July 5, 1682 in the Faceted Chamber of the Moscow Kremlin, is one of the brightest and most dramatic episodes in the history of the Russian Orthodox Church. The event was reflected in the polemical and publicistic book «Spiritual Admonition» («Uvet dukhovnyy»), written by the dispute participant Afanasy Kholmogorsky on behalf of Patriarch Joachim. The book was published in September, 1682. The description of the Dispute about faith is included in the introduction of the book, which represents an important part of its compositional and semantic structure. The purpose of the article is to reveal how the Dispute about faith was represented in the book «Spiritual Admonition».

Recreating the picture of the events that took place on the eve and during the dispute, Afanasy Kholmogorsky applied certain compositional techniques for constructing the text, employed a number of imaginative means from the arsenal of poetics of traditional bookishness. Using rhetorical techniques, vivid images and metaphors, the writer eloquently expressed his attitude to the events that took place, depicted the situation in Moscow that developed as a result of Old Believers' actions, gave his assessment to the defenders of the «old faith». The author of «Spiritual Admonition» managed to give the reader an idea of how events unfolded, the intensity of the Old Believers' movement gradually increased and the Dispute about faith became a moment of its highest tension. The scene of a collision between Nikita Dobrynin and Archbishop Afanasy Kholmogorsky is a central episode of the dispute. This episode was reflected in several writings of the contemporaries of the author of «Spiritual Admonition», which covered the events of the Moscow Time of Troubles of 1682. Based on the comparison of the episode of the collision between Afanasy Kholmogorsky and Nikita Dobrynin in «Spiritual Admonition» with the description of this event in the writings of their contemporaries, a different approach of the

Статья выполнена по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

Тамара Васильевна Панич – д-р. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: tvpanich@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6223-7615>.

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Institute of History SB RAS.

authors to its representation is noted. The text of «Spiritual Admonition», describing the events of the Old Believers' revolt and the Dispute about faith, had a direct or indirect influence on some works of the author's contemporaries («Brief Contemplation» («Sozertsanie kratkoe») by Sylvester Medvedev, «Siberian Epistles» by Ignatius Rimsky-Korsakov, «Notes» by A. A. Matveev). This indicates that the authors of these works appreciated the text of «Spiritual Admonition» and perceived it as reliable eyewitness testimony.

Key words: Afanasy Kholmogorsky, the book «Spiritual Admonition», Old Believers, debates in the Faceted Chamber.

ВВЕДЕНИЕ

Спор о вере между церковными иерархами и защитниками «древлего благочестия», состоявшийся 5 июля 1682 г. в Грановитой палате московского Кремля, – один из драматичных эпизодов в истории Русской Православной Церкви, ставший кульминацией старообрядческого движения. Это событие сопровождало Стрелецкому восстанию и достигло высочайшей активности ко времени прений. Одним из первых сочинений, отразивших спор, была книга «Увет духовный»¹, созданная непосредственным его участником – холмогорским архиепископом Афанасием². Он описал в книге Спор о вере, а также события накануне и после прений³. И хотя данный текст занимает здесь сравнительно небольшое место, он представляет собой значимую часть структуры книги, так как именно диспут в Грановитой палате послужил, думается, базовым мотивом ее написания. Ведь основной целью автора «Увета духовного» было опровержение челобитной старообрядцев, фигурировавшей в прениях 5 июля⁴. Важное значение этой части книги связано также с тем, что здесь от имени патриарха

Иоакима выражено отношение Церкви к защитникам «старой веры» и старообрядческому движению в целом. Воссоздавая картину произошедших событий, Афанасий Холмогорский применил определенные композиционные приемы построения текста, использовал целый ряд образных средств из арсенала поэтики традиционной книжности, что определило характер данного текста, отразившего основные черты публицистики второй половины XVII в. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы определить особенности освещения Спора о вере в «Увете духовном»; раскрыть характер отображения отдельных эпизодов прений в книге Афанасия Холмогорского в сравнении с их описанием в сочинениях современников писателя.

АФАНАСИЙ ХОЛМОГОРСКИЙ О СОБЫТИЯХ НАКАНУНЕ ПРЕНИЙ

Текст, посвященный Спору о вере, входит в состав вводного раздела «Увета духовного» и представляет собой логически выстроенную композицию, хотя и не имеющую четко обозначенных границ в общей структуре введения. Однако эти границы определяются (хотя и условно) на основе темы повествования, которая последовательно развивается автором книги. В экспозиции этой части текста Афанасий Холмогорский излагает обстоятельства, предшествовавшие диспуту, рассказывает об активизации в Москве выступлений противников церковной реформы, требовавших восстановления «старой веры» (при этом обходит полным молчанием восстание стрельцов, составной частью которого, как известно, был бунт старообрядцев), представляет будущих участников прений, характеризует их образы, взгляды и действия. Затем следует развернутое описание событий 5 июля, в том числе прений в Грановитой палате. Завершает композицию поучение патриарха Иоакима. Оно же заключает вводный раздел книги в целом. Текст поучения не имеет заглавия и структурно не разграничен с предыдущим текстом, будучи тематически связан с ним. Однако по форме и содержанию – это отдельное сочинение учительного характера, с присущими ему жанровыми особенностями. Поучение обращено ко «всем людям Божиим благословенным христианом». В нем обличаются поборники «старой веры», высказывается предостережение паствы от их «прелестного» учения и обосновывается идея непобедимой Церкви.

¹ Увет духовный. М., 1682.

² В это время Афанасий находился в Москве. Его посвящение в архиепископа Холмогорского и Важского состоялось 19 марта 1682 г., незадолго до летних событий. Однако в связи со сложившейся ситуацией (смерть царя Федора Алексеевича, Стрелецкий бунт, восстание старообрядцев), а также с работой над «Уветом духовным» он еще несколько месяцев оставался в столице. В свою епархию Афанасий отправился только 10 сентября [Верюжский, 1908, с. 31–32, 46]. Книга вышла из печати 20 сентября, т.е. уже после его отъезда.

³ Спор о вере нашел отражение также в сочинениях некоторых современников Афанасия Холмогорского. Например, в «Созерцании кратком» Сильвестра Медведева (издание текста, подготовленное А.П. Богдановым, см.: [«Созерцание краткое»..., 1990, с. 45–200]); в «Истории о вере и челобитной о стрельцах» Саввы Романова – участника диспута 5 июля, представлявшего сторону старообрядцев (см.: [Савва Романов, 1863, с. 111–148; Бубнов, 1995, с. 174–181]); в «Сибирских посланиях» Игнатия (Римского-Корсакова), направленных против раскола в Сибири (см.: [Панич, 2019, с. 229–232; 2020, с. 21–32]); в «Записках» А.А. Матвеева (см.: [Записки..., 1841, с. 58–60]).

⁴ Челобитная в защиту «старой веры», «от лица всех православных христиан, на 20 столпцах писана», была подготовлена монахом Сергием и Никитой Добрыниным (Пустосвятом). Об истории составления челобитной см.: [Усенко, 1999, с. 385–395]. Ее текст сохранился во фрагментах в «Увете духовном». Критике основных положений челобитной посвящена основная часть книги (л. 84–246 об.), где автор обличал идеологов раскола, опровергал их взгляды и высказывания относительно книжной sprawy и обрядовых нововведений патриарха Никона [Панич, 2008, с. 34–38; 2014, с. 124–130].

Все происходившее накануне диспута автор «Увета духовного» описывал как большую смуту, грубо нарушившую привычный уклад жизни. В самой резкой форме Афанасий Холмогорский обличал «злых раскольников», нелюбезно отзывался об их «самозаконных» действиях, представлявших угрозу Церкви, наделял их предельно отрицательными характеристиками. Писатель начинает свое повествование так: «И нынешняго 7190-го лета... злии расколники возбеснеша. Паки из кустов и от ветров, их же собра сатана, на непорочную Церковь в царствующем зде граде востаха. Паки невежды восхрпеша злодыжущими усты вредотворныя хулы и поношения... И грех ради наших такову дерзость онии псы беснии на ся взяша, яко не токмо по дворах тайно, но уже с буюстию проклятою по улицах, по торжищах, по корчмах, пьянствующе по погребам, людей божиих ядометными своими словесы прелщаху, вещающе странная ушесам человеческим»⁵.

Текст на всем протяжении насыщен резко негативными оценочными характеристиками, звучащими в адрес ревнителей «старой веры». Применяя риторические приемы, яркие образы и метафорические обороты, писатель в экспрессивной форме выражает свое отношение к происходящим событиям, воспроизводит тревожную обстановку в Москве, сложившуюся в результате «бесчинного» поведения «грубых мужиков»; рассказывает о том, как старообрядцы, пользуясь невежеством людей, прельщали «невегласов», «нося с собою богомерзкия писанныя тетратки своих мрачных прелестей»; называет их «бесными псами», богоотступниками и еретиками. Среди «раскольников», которые «во всем царствующем граде по улицах и по торжищах бродиша со иконами и с книгами дни многия», распространяя свою «погибельную злобу», писатель особо выделяет их лидера – Никиту Добрынина: «В них же первый треклятый изверженный бывый поп Никита и с ним пять человек или болши бродяг чернцов, и безумнии невегласи мужики, иже не знают истинно и аза, с ними же» (л. 57 – 58 об.).

Автор книги говорит о «буйствах» мятежников, о том, что они использовали силовые методы в достижении своих целей, жестоко расправлялись с теми, кто оспаривал их взгляды: «И они злии человецы оных священников и иеромонахов, и иных благочестивых биша смертно и едва в живых оставиша и не дающе никому же глаголати правды и истины» (л. 57 об. – 58). В его изображении старообрядцы – это «самые худые люди», «грубые мужики», невежды, «невегласы», воры, пропойцы и ярыги (бродяги).

Среди мятежников упоминаются также «волочаги» «чернецы» (монахи), забывшие свое предназначение, своевольно покинувшие монастыри и бродившие по мирским домам.

Восстанавливая хронологию событий накануне прений, автор рассказывает о том, как вошедшие в Кремль старообрядцы, расположившись вблизи Архангельского собора, читали свои «бесовские прелестные тетрадки» «людям на погибель». А позднее обратились с просьбой к великим государям о том, чтобы устроить публичный диспут («о вере стяжати от книг») со священством у Лобного места на Красной площади. Но получили отказ («великия государи возбраниша начинания их»). Как полагает автор «Увета духовного», – из-за коварного замысла «раскольников» устроить расправу с представителями патриаршей Церкви: «Мысль же их бе камением нас побити тамо, яко свидетельствоваша нецыи, изшедше бо из государевы палаты, камение, держимое в пазухах и в карманах, меташу вон на землю» (л. 59 об.).

В описании событий, предшествовавших Спору о вере, упоминается «Увещательное поучение к народу» патриарха Иоакима, которое должен был огласить перед бунтовщиками спасский протопоп Василий, посланный к ним по распоряжению патриарха⁶. Однако, как утверждает автор «Увета духовного», «они не токмо даша ему читати, но и убити хотеша, и едва убеже к нам в великую церковь, книги же у него отъяша» (л. 60).

Описывая обстановку на Соборной площади, Афанасий Холмогорский отмечает продолжавшиеся бесчинства мятежников, их дерзкое, бесцеремонное и грубое поведение. Опираясь на свидетельства тех, кто находился вне храма («яко мнози свидетельствоваша»), сам он в это время присутствовал на литургии в Успенском соборе, писатель рассказывает: «И в той, месяца иулиа день пятый слушающим нам последи молебнаго пения божественныя литургии, расколником же и мятежником тамо вне церкви кличи бесчинныя деющим и прелестным басням учащим без всякаго страха и опасения и к пролитию крове готовящимся, яко мнози свидетельствоваша тогда» (л. 60–61 об.).

Далее сообщается о том, что царские власти, наблюдая такую «погибельную дерзость и наглость, еже

⁵ Увет духовный. Л. 53 об. – 54 об. Далее при цитировании текста ссылки на листы данного издания приводятся в скобках после цитаты.

⁶ В «Созерцании кратком» в изложении сюжета с протопопом Василием речь идет о «печатном увещательном поучении» (выделено нами. – Т.П.), которое, как уточняет Сильвестр Медведев, «в той день издано печатным тиснением» [«Созерцание краткое»..., 1990, с. 107]. В.И. Буганов, рассматривая «Созерцание краткое», сделал вывод о том, что упоминаемое автором «увещательное поучение» представляет собой «Слово на Никиту Пустосвята», «специально приуроченное к диспуту о вере» [Буганов, 1969, с. 222]. Оно, как известно, было издано Московским печатным двором в июле 1682 г.

никогда в царствующем граде тако бе», распорядились собраться в Грановитой палате.

Таким образом, писатель последовательно воспроизводит в книге ход событий, предшествовавших диспуту, за счет использования различных литературных приемов и средств создает у читателя представление о том, как разворачивались события, как постепенно нарастал накал старообрядческого движения, достигший наивысшего напряжения ко времени Спора о вере.

СПОР О ВЕРЕ

Афанасий Холмогорский писал свою книгу по горячим следам событий 5 июля как их очевидец. К тому же он был не просто одним из архиереев, присутствовавших в Грановитой палате, он находился в эпицентре всего происходившего. Ему пришлось вступить в словесную схватку с Никитой Добрыниным (Пустосвятом) во время чтения челобитной старообрядцев. Возникший бурный спор между ними, по свидетельству автора книги, сопровождался рукоприкладством со стороны Никиты Пустосвята. Писатель так передает этот яркий эпизод прений (напомним, что он говорит о себе в третьем лице, так как повествование в «Увете духовном» ведется от лица патриарха Иоакима): «И чтена бысть в то время пред царским их величеством при всех челобитная, и убо ни единого слова, праведно писаного, не обретется тамо. И егда чтяшеся их челобитье, нача той проклятый Никита, напився пьян, кричати и досаждати словесы нашей мерности и всему освященному собору, яко бесноватый. Ему же, яко блядословцу и досадителю, воспрети архиепископ Афанасий Колмогорский. Он же окаянный пред их царским величеством при всех, сущих тамо, вержеся его, архиепископа, бити и терзати. Видевше же сие его Никитино беснование, всех полков выборныя люди его, архиепископа, оборонили» (л. 66 – 66 об.). Затем следует рассказ о том, как патриарх пытался урезонить бунтовщиков, предоставив им «свидетельства древних книг», на что они, «крыя свое безумство», упорствуя в своих представлениях, подняли вверх руки с двуперстным сложением и принялись громко кричать («бесовски вещающе»): «Сице, сице! Тако, тако!», «яко диаволом подвижны».

Такие «безчинныя кличи глупых мужиков, и буйность, и невежество» возмутили царей, и они в гневе решили покинуть палату, но возвратились из-за настойчивой мольбы присутствовавших. Было продолжено чтение челобитной, и, как замечает писатель, по ее прочтении не последовало никаких распоряжений от властей: «Не бысть им никоего слова от царскаго величества, ни указу, бе бо день уже к вечеру преклонился, и время наста вечерняго пения» (л. 69). Не-

смотря ни на что, старообрядцы чувствовали себя победителями, выходя из Грановитой палаты, они воодушевленно, громким криком оповестили своих сторонников: «Победихом! Победихом!»

Диспут продолжался в течение всего дня. Любопытно, что автор, как умелый и опытный писатель, проявляет интерес к деталям. Примером может служить его фраза, характеризующая состояние Никиты и его сподвижников после «стызаний о вере»: «Оный проклятый Никита и инии чернцы, лукавым духом томимы, беху тогда на Лобном месте и во иные дни, обмирающе падаху, точаще пены» (л. 69 об.–70). Афанасий Холмогорский рисует здесь образы предельно возбужденных, опустошенных и истощенных физически и психически в ходе прений людей, как он считает, одержимых «лукавым духом».

Центральным эпизодом прений 5 июля стал конфликт Никиты Добрынина с холмогорским архиепископом. Этот эпизод, очевидно, в силу его скандального характера произвел сильное впечатление на присутствовавших в Грановитой палате, впоследствии он приводился в воспоминаниях некоторых участников прений в разных вариантах. Например, Савва Романов, наблюдавший за происходящим со стороны старообрядцев, представил свою интерпретацию эпизода в своей «Истории о вере и челобитной о стрельцах». Поведение и образ действий Никиты Добрынина он изобразил в значительно смягченном виде. По его словам, Никита не бросился «бити и терзати» холмогорского архиепископа, как рассказал в «Увете духовном» сам участник конфликта, а лишь отодвинул его от себя: «отведе его мало рукою». Хотя описанная им далее гневная реакция царевны Софьи Алексеевны на случившееся указывает на то, что Никита бил Афанасия. Софья, как пишет Савва Романов, «скочи с престола и воскрича: “Видите ли, что Никита делает, в наших очах архиерея бьет, а без нас и давно убьет”» [1863, с. 138].

Любопытно, что Савва Романов, воспроизводя этот инцидент, случившийся, по его рассказу, во время диалога-спора между патриархом Иоакимом и Никитой, пишет, что не помнит имени холмогорского архиепископа и не мог расслышать его речи в защиту патриарха: «Патриарх же против Никитиных речей ничего не отвеща; и бросился из кута холмогорский епископ пустобородый, а имя ему не в памяти учинилося, и нача громко говорить, а речей не слышать» (выделено нами. – Т.П.). При этом, однако, Савва Романов хорошо расслышал и запомнил слова Никиты Добрынина, обращенные к Афанасию: «Что ты, нога, выше главы ставишися, я не с тобою говорю, но с святейшим патриархом, – и отведе его мало рукою» [Там же, с. 138].

Свою трактовку эпизода столкновения Никиты Добрынина с холмогорским архиепископом оставил

также Игнатий (Римский-Корсаков) – близкий друг Афанасия Холмогорского. Он привел этот скандальный случай в своих «Сибирских посланиях» в главе «О ревности на соборе Афанасия, архиепископа Холмогорского, на Пустосвята», спустя четырнадцать лет после событий. По его версии, Афанасий во время словопрений получил удар в грудь («в перси») от Никиты. Он вспоминал: «Вящше же всех обличаше его (Никиту Пустосвята. – Т.П.) по ревности православный кир Афанасий, архиепископ Холмогорский, его же обличения не може убежати, сиречь словопрения, Пустосвят зелне поскрежета на нь зубы своими и ринуся на архиепископа, и удари его в перси» (цит. по: [Панич, 2019, с. 231]).

По всей видимости, митрополит Игнатий, как и Афанасий Холмогорский, воспроизводил события на основе собственных воспоминаний и впечатлений. Во время московской смуты 1682 г. он находился в столице и в числе других представителей духовенства мог присутствовать в Грановитой палате и быть свидетелем драки, затеянной Никитой Добрыниным в ответ на какие-то замечания холмогорского архиепископа, касавшиеся содержания челобитной. Не исключено также, что Игнатий в качестве источника мог использовать и освященный авторитетом патриарха «Увет духовный». Хотя прямые текстуальные заимствования из книги отсутствуют в «Сибирских посланиях», но имеются ситуативно близкие эпизоды. Например, в описании состояния Никиты после прений, одержимого «скверным духом»: «Дух бесовский порази онага проклятого Пустосвята. И пад на землю, яко бесноватый, оцепене» [Панич, 2019, с. 232]. Как мы помним, в «Увете духовном»: Никита с подвижниками, «лукавым духом томимы... обмирающе падаху» (л. 69 об.–70).

Интересно, что созданная Афанасием Холмогорским в «Увете духовном» картина Спора о вере в Грановитой палате привлекла впоследствии внимание автора «Созерцания краткого», в котором, как извест-

но, широко и подробно освещались события Стрелецкого восстания и старообрядческих выступлений 1682 г. Впервые на близость обоих текстов, описывающих бунт староверов, обратил внимание И.П. Козловский, предположив, что «этот рассказ для “Увета” и для “Созерцания” писал Карион Истомин» [Козловский, 1895, с. 115], хотя исследователь не проводил сопоставительного анализа текстов.

И.П. Козловский считал, что Карион Истомин принимал участие в подготовке «Созерцания краткого», редактировал его текст. При этом нельзя исключать того, что Карион Истомин участвовал в работе над «Уветом духовным» (например, в написании отдельных частей или в редактировании книги), о чем писал С.А. Белокуров [1886, с. 176–177]. Этот вопрос требует своего исследования.

Действительно, как показало сравнение, многие фрагменты, содержащие описание прений 5 июля (и некоторых моментов происходившего накануне и после диспута), были использованы автором «Созерцания краткого» из книги Афанасия Холмогорского почти дословно, с некоторыми разночтениями. «Увет духовный» был хорошо известен Сильвестру Медведеву, книга была несколько раз упомянута им в «Созерцании кратком». Например, в том месте, где речь идет о подаче староверами челобитной: «Таже подаша ей, государыне, писанную великим государем челобитную, глупства своего и лживословия полну, самую воровскую, безимянную и беззаручную. И то их челобитье и противу того увещательныя главы печатаны суть, и о их раскольничестве и прелести объявлено пространно во книзе Увете» (цит. по: [«Созерцание краткое»..., 1990, с. 115]). Характеристика челобитной в процитированном отрывке представляет собой заимствование из «Увета духовного». Для сравнения привожу соответствующий фрагмент из книги: «Подаша они великим государем царем челобитную, глупства своего и лживословия полну, самую воровскую, безимянную и беззаручную» (л. 65 об.).

Текстуальные совпадения отмечаются и в описании сцены конфликта между Никитой Добрыниным и Афанасием Холмогорским во время чтения челобитной старообрядцев (разночтения здесь и далее выделены курсивом):

«Увет духовный»

И егда чтяшеся их челобитье, нача той проклятый Никита, напився пьян, кричати и досаждати словесы *нашей мерзости* и всему освященному собору, яко бесноватый. Ему же, яко блядословцу и досадителю, воспрети архиепископ Афанасий Холмогорский. Он же, окаянный, при всех сущих тамо, вержеся его, архиепископа, бити и терзати. Видевше же сие его Никитино беснование, всех полков выборные люди его, архиепископа, *оборонили* (л. 66–66 об.).

«Созерцание краткое»

И егда чтяшеся их челобитье, нача той проклятый Никита, напився пьян, кричати *тамо* и досаждати *хулительными* словесы *святейшему патриарху* и всему освященному собору, яко бесноватый. Ему же, яко блядословцу и досадителю, воспрети архиепископ Афанасий Холмогорский. Он же, окаянный, при всех сущих тамо, вержеся его, архиепископа, бити и терзати. *И некто стрелецких* полков *выборный тогда человек*, *видевый бывающее зло*, *вержеся на того Никиту и отторже его от архиепископа прочь* (цит. по: [«Созерцание краткое»..., 1990, с. 116]).

Для наглядности можно также сравнить и другие фрагменты. Например, где говорится о приходе делегации старообрядцев во главе с Никитой Добрыниным в Грановитую палату

«Увет духовный»

И оныя враги Божии и расколники... со оной площади новыя иудеи, со светилы и свечами, со аналогиями и скамьями, со иконами и с тетратками, и книгами – Никита проклятый, суждалец, изверженный, да бродяги и ростриги чернцы: Сергей Нижегородского уезда, Савватий рострига, боярской холоп, москвитин, и другой Савватий, костромитин, пострижен в Ярославле в мирском дому таким же волочагою чернцом, Дорофей поселянин, Гавриил поселянин же, – вси по мирских дворах волочащиеся и по многих монастырех бродящие своевольно, отнюд не ведят, что есть монашество или отсечение воли своя, яко под началом в монастыре нигде не живяху [сие убо их распросныя речи свидетельствуют]. И инии невежди миряне и неукы, самыя худыя люди и ярыжныя, с кабаков пропойцы, нагло пришедше с велиим буйством, безчинием же и невежеством пред их царское величество и пред наше архиепископское пастырство в палату (л. 63–64).

Уход старообрядцев из Грановитой палаты с их ощущением мнимой победы и то, что происходило с ними дальше, показаны в «Созерцании кратком» также с использованием текста «Увета духовного». Привожу с сокращениями:

«Увет духовный»

И тако онии злии расколники, изшедше из государевы палаты, идуще во граде Кремле путем с богомерзскою сонмицею своею, кричаще: “Победихом, победихом!” А что, неведомо что. И воздвигше руки горе, всем вопияху: “Тако слагайте персты!” ... И тако весь путь идя до сквернаго соборища своего и пребывалища твориша. Им же не стерпе Божий суд, ибо оный проклятый Никита и инии чернцы, лукавым духом томими беху тогда на Лобном месте и во иныя дни, обмирающе, падаху, точаще пены (л. 69–69 об.).

Займствования прочитываются на протяжении всего текста, однако, внесенная в исходный текст правка позволяет увидеть существенные расхождения в освещении событий, включая разногласия идейного плана. Так, в «Созерцании кратком» прослеживается особое отношение Сильвестра Медведева к царевне Софье: будучи ее адептом, он пишет, что челобитная, обращенная к «великим государям», вручается ей, а не «великим государем», как в «Увете духовном»; Софья Алексеевна проявляет также большую активность во время диспута («многажды вещала»). Кроме того, в тексте Сильвестра Медведева события старообрядческих волнений тесно переплетены со Стрелецким восстанием – здесь действует главный персонаж бунта князь Иван Хованский, «отец стрелецкий». Афанасий Холмогорский, как уже было отмечено, ничего не пишет о бунте стрельцов. Он, в отличие от автора «Созерцания краткого», только один раз упоминает царевну Софью, использует безличные именованья представителей царской власти: («великие государи», «благочести-

«Созерцание краткое»

А оныя враги Божии и расколники... со оной площади яко злии звери, новыя иудеи, со светилы и свечами, со аналогиями и со камнями, со иконами, и с тетратками, и книгами – Никита проклятый, суждалец, изверженный, да бродяги и розстриги чернцы: Сергей Нижегородского уезду, Савватий рострига, боярской холоп, москвитин, другой Савватий, костромитин, пострижен в Ярославле в мирском дому таким же волочагою чернцом, Дорофей поселянин, Гавриил поселянин же, – вси по мирских домах волочащиеся и по многих монастырех бродящие своевольно, иже отнюд ничтоже знают. Инии невежди миряне и неукы, самыя худыя люди и ярыжныя, с кабаков пропойцы, нагло с велиим буйством, безчинием же и невежеством вшед в палату пред их царское величество и пред весь освященный собор (цит. по: [«Созерцание краткое»..., 1990, с. 113–114]).

«Созерцание краткое»

И тако они злии расколники, изшедше из государевы палаты, идуще во граде Кремле путем с богомерзскою сонмицею своею, кричали: “Победихом, победихом!” А что, неведомо что. И воздвигше руки горе, всем вопияху: “Тако слагайте персты! ... И тако весь путь идуще до сквернаго соборища своего и пребывалища твориша. Им же не стерпе Божий суд, яко видевиши поведаша, ибо оный проклятый Никита и инии чернцы, лукавым духом томими беху тогда на Лобном месте и во иныя дни, обмирающе, падаху, точаще пены (цит. по: [«Созерцание краткое»..., 1990, с. 119]).

вые самодержцы»). А что касается Стрелецкого мятежа и стрельцов, то о них говорится лишь в качестве присутствовавших в Грановитой палате их представителей – «выборные люди всех полков», которые и защитили Афанасия Холмогорского от нападения Никиты Добрынина, как об этом сообщается в «Увете духовном», и в несколько иной форме – в «Созерцании кратком» («некто стрелецких полков выборный тогда человек»).

Таким образом, автор «Созерцания краткого» отредактировал текст источника в соответствии с собственными взглядами и восполнил недостающие в «Увете духовном» звенья событийного ряда, перемежая заимствуемые из книги фрагменты описанием фактов и событий Стрелецкого восстания⁷. Как видим, полученные нами результаты сравнительного

⁷ Как было установлено А.П. Богдановым, при описании событий Стрелецкого восстания Сильвестр Медведев привлек большое количество документальных источников [Богданов, 1983, с. 127–161; 1987, с. 121–125].

анализа текстов «Увета духовного» и «Созерцания краткого», повествующих о старообрядческом движении и в частности о прениях в Грановитой палате, опровергают высказанное И.П. Козловским предположение о том, что они могли быть написаны одним автором.

Приведенные примеры текстуальной зависимости указывают на то, что Сильвестр Медведев рассматривал текст книги «Увет духовный» как надежное и авторитетное свидетельство очевидца, а также как источник «готового» слова. К тому времени, когда шла работа над «Созерцанием кратким»⁸, «Увет духовный», очевидно, был единственным источником, который содержал наиболее полные сведения о прениях 5 июля и старообрядческих выступлениях в целом. Кроме того, книга, написанная от лица патриарха, отражала официальную позицию Церкви относительно этого движения и его лидеров. По-видимому, Сильвестру Медведеву также оказались близки острый полемико-публицистический стиль автора «Увета духовного» и его образные оценочные характеристики защитников «древлего благочестия», которые вошли в «Созерцание краткое». О том, что автор «Созерцания краткого» ценил «Увет духовный», свидетельствует и то, что он сообщает в своем сочинении о его издании как о событии, достойном летописной фиксации («В тья же дни печатным тиснением издадеса книга “Увет духовный”»); он также пишет об отправке книги «в подношение» царям в Троице-Сергиев монастырь («великим государем в поход от святейшаго патриарха... послашася. И епистолия писася о “Увете”») [«Созерцание краткое»..., 1990, с. 150]. Позднее информирует об ответном царском послании «О приятии же книги “Увета” к святейшему патриарху великие государи... писаша сице» [Там же, с. 157]. В обоих случаях прилагаются грамоты: сопроводительная «епистолия» от патриарха и ответная – от царей.

В качестве источника «Увет духовный» также использовал А.А. Матвеев в своих «Записках» о восстании стрельцов, бывший в юности свидетелем Московской смуты 1682 г. Повествуя о выступлении старообрядцев (в весьма лаконичной, даже схематичной форме), А.А. Матвеев опирался на соответствующий текст книги Афанасия Холмогорского [Записки..., с. 79]. Правда, А.А. Матвеев привлек лишь общие сведения источника, обошелся без текстуальных заимствований. При этом он изложил свое видение центральной сцены прений в Грановитой палате, акцентируя все внимание на фигуре Афанасия Холмогорского, дав высокую оценку личности архиепис-

копа, восхищаясь его смелым поведением во время диспута и талантом умелого полемиста. В его рассказе Афанасий не вступает в словесную схватку с Никитой Добрыниным, а противостоит сразу всем мятежникам, которые в ярости набрасываются на него. А.А. Матвеев писал: «Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, муж слова и разума зело доволен... явился крепкий православия защитник и тотчас начал их капитонов лживых изобретении и уничтоженные забобы изобличать и яко стрелами уязвлять. Они же, не могшие истиннаго изобличения его стерпеть, на него устремилися неистово убить его» [Записки..., 1841, с. 40]. Такой «неукротимый мятеж раскольников», по свидетельству автора «Записок», вызвал гнев царей, и они покинули место прений. Стрельцы же, «познав неправду раскольников», изгнали их из палаты, а Никита Добрынин вскоре был казнен.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что текст «Увета духовного», в котором освещались события старообрядческого движения весной – летом 1682 г. и прения в Грановитой палате, в разной степени оказал свое влияние на тематически близкие сочинения авторов XVII – первой четверти XVIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воссоздавая картину Спора о вере между церковными иерархами и поборниками «старой веры» и ход событий накануне диспута, автор «Увета духовного» привлек целый ряд литературных приемов и образных средств, характерных для церковной публицистики второй половины XVII в. Используя эмоционально окрашенные метафорические обороты, экспрессивные восклицания, сравнения и эпитеты, Афанасий Холмогорский выразил свое отношение к происходившим событиям, описал обстановку в Москве, сложившуюся в результате бунта противников церковной реформы, требовавших восстановления «старой веры», от имени патриарха выразил позицию Церкви относительно происходивших событий. Автор «Увета духовного» сумел показать, как нарастал накал старообрядческих волнений, наивысшим моментом напряжения которых стал Спор о вере. Описывая его, писатель опирался на собственный опыт участника данного события, что объясняет факт прямого или косвенного влияния «Увета духовного» на отдельные сочинения его современников (на «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева, «Сибирские послания» Игнатия Римского-Корсакова и «Записки» А.А. Матвеева). Текст «Увета духовного», отразивший события старообрядческих волнений 1682 г. и их кульминационный момент – Спор о вере, оценивался авторами указанных сочинений как авторитетный источник, как достоверное свидетельство очевидца.

⁸ А.А. Прозоровский полагал, что создание «Созерцания краткого» относится ко времени не позднее второй половины 1684 г. [1894, с. 35]. И.П. Козловский относил окончание работы над этим сочинением к 1689 г. [1895, с. 102].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белокуров С.А. Кто автор Увета духовного? // Христианское чтение. 1886. Т. 2. С. 163–177.

Богданов А.П. К истории текста «Созерцания краткого» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 127–161.

Богданов А.П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 114–146.

Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: источники, типы и эволюция. СПб., 1995. 433 с.

Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. 440 с.

Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. 683 с.

Записки Андрея Артамоновича Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 21–90.

Козловский И.П. Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895. 362 с.

Панич Т.В. «Увет духовный» Афанасия Холмогорского и «Жезл правления» Симеона Полоцкого: особенности полемики с идеологами староверия в условиях старообрядческого движения 1682 г. // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.). Новосибирск, 2008. С. 34–38.

Панич Т.В. «Увет духовный» Афанасия Холмогорского: структура и идейная проблематика книги // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. К юбилею члена-корреспондента РАН Елены Константиновны Ромодановской. Новосибирск, 2014. С. 124–130.

Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С. 220 // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 156–247.

Панич Т.В. Афанасий Холмогорский в сочинениях Игнатия Римского-Корсакова (формирование образа интеллектуального лидера) // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 21–32. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2.pdf>.

Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве / С предисл. и примеч. А. Прозоровского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1894. Кн. IV, отд. II. С. 1–198.

Романов Савва. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5, отд. 2. С. 111–148.

«Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / сост. А.П. Богданов. М., 1990. С. 45–200.

Усенко О. Г. О челобитных в защиту «старой веры» (лето 1682 г.) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51. С. 385–395.

Sylvester (Medvedev S.A.). (1990). Brief Contemplation of the years 7190, 91 and 92, in them what is done in citizenship. *Rossiya pri tsarevne Sof'e i Petre I: zapiski russkikh lyudey*. Moscow, pp. 45–200. (In Russ.)

Bogdanov A.P. (1983). To the history of the text of «Brief Contemplation». *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda*. Moscow, pp. 127–161. (In Russ.)

Bogdanov A.P. (1987). To the question of authorship of «Brief Contemplation of the years 7190, 91 and 92, in them what is done in citizenship». *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda*. Moscow, pp. 114–146. (In Russ.)

Bubnov N.Yu. (1995). The Old Believer book in Russia in the second half of the XVII century: sources, types, and evolution. Saint Petersburg, 433 p. (In Russ.)

Buganov V.I. (1969). Moscow uprisings of the late XVII century. Moscow, 440 p. (In Russ.)

Kozlovsky I.P. (1895). Sylvester Medvedev: an essay from the history of the Russian enlightenment and public life at the end of the XVII century. Kiev, 362 p. (In Russ.)

Matveev A.A. (1841). Notes by Count Andrey Artamonovich Matveev. *Zapiski russkikh lyudey. Sobyitiya vremen Petra Velikogo*. Saint Petersburg, pp. 21–90. (In Russ.)

Panich T.V. (2020). Afanasy Kholmogorsky in the works of Ignatius Rimsky-Korsakov (creating an image of an intellectual leader). *Istoricheskiy kur'er*, no 2, pp. 21–32. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-2. (In Russ.)

Panich T.V. (2019). Siberian Epistles of Ignatius (Rimsky-Korsakov) according to the manuscript of RASL, Arkhangelsk collection, C. 220. *Istochniki po istorii Rossii: problemy obshchestvennoy mysli i kul'tury*. Novosibirsk, pp. 156–247. (In Russ.)

Panich T.V. (2014). «Spiritual Admonition» of Afanasy Kholmogorsky: structure and ideological issues of the book. *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur: ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: sb. trudov Vseros. nauch. konf. (Novosibirsk, 3–6 iyunya 2012 g.)*. Novosibirsk, pp. 124–130. (In Russ.)

Panich T.V. (2008). «Spiritual Admonition» by Afanasy Kholmogorsky and «The Rod of Government» by Simeon Polotsky: features of the polemic with the ideologists of the Old Belief in the conditions of the Old Believer movement of 1682. *Adaptatsionnye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh: opyt osvoeniya Aziatskoy Rossii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Novosibirsk, Nov. 17–18, 2008)*. Novosibirsk, pp. 34–38. (In Russ.)

Sylvester (Medvedev S.A.). (1894). Brief Contemplation of the years 7190, 91 and 92, in them what was done in citizenship. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete*. Moscow, bk. 4, sect. 2, pp. 1–LII, 1–197. (In Russ.)

Romanov S. (1863). A story about faith and a petition about streltsy. *Letopisi russkoy literatury i drevnosti, izdavaemye Nikolaem Tikhonravovym*. Moscow, vol. 5, sect. 2, pp. 111–148. (In Russ.)

Usenko O.G. (1999). On petitions in defense of the «old faith» (summer 1682). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Saint Petersburg, vol. 51, pp. 385–395. (In Russ.)

Veryuzhskiy V.M. (1908). Afanasy, the archbishop of Kholmogory. His life and works in connection with the history of Kholmogory Diocese during the first twenty years of its existence and the Russian Church in general at the end of the XVII century. Saint Petersburg, 683 p. (In Russ.)

REFERENCES

Belokurov S.A. (1886). Who is the author of the «Spiritual Admonition»? *Khristianskoe chtenie*, vol. 2, pp. 163–177. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.05.2023

Дата рецензирования 22.05.2023

Статья принята к публикации 01.06.2023

DOI: 10.15372/HSS20230303

УДК 801.8(470)"16"

EDN: QOVOJS

Л.Д. ДЕМИДОВА

РУКОПИСНЫЙ ЦИКЛ РАННЕСТАРООБРЯДЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ ИНОКА АВРААМИЯ И ДЯКОНА ФЕДОРА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ, СОСТАВА, БЫТОВАНИЯ И МЕСТА В ПОЛЕМИКЕ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена выявленному в рукописях XVII–XIX вв. устойчивому циклу из пяти сочинений раннестарообрядческих авторов – инока Авраамия и дьякона Федора. Хотя сочинения цикла достаточно хорошо знакомы исследователям, ранее признавалась связь только между отдельными его частями, принадлежащими тому либо другому полемисту. В работе показано, что эта связь не ограничивается фактом принадлежности авторов к числу идейных основателей старообрядческого движения. Все сочинения связаны как тематически, так и текстуально, а главным связующим звеном между ними является Челобитная инока Авраамия (1670 г.), остальные произведения дополняют и иллюстрируют ее основные идеи. На основании изучения рукописей цикла и идейного содержания текстов сделан вывод о раннем (конца XVII в.) его происхождении: предположительно он появился в московской старообрядческой общине через некоторое время после казни инока Авраамия (1672 г.).

Ключевые слова: рукописный цикл, инок Авраамий, дьякон Федор, Челобитная 1670 г., «Послание к боголюбцу», «Прение дьякона Федора с митрополитом Афанасием Иконийским», «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании», «Повесть о мучении старец Петра и Евдокима».

Для цитирования: Демидова Л.Д. Рукописный цикл раннестарообрядческих сочинений инока Авраамия и дьякона Федора: некоторые вопросы происхождения, состава, бытования и места в полемике // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 22–30.

L.D. DEMIDOVA

A MANUSCRIPT SEQUENCE OF EARLY OLD BELIEVER POLEMICAL WORKS BY MONK AVRAAMII AND DEACON FEODOR: SOME ISSUES OF ITS ORIGIN, COMPOSITION, BEING AND PLACE IN POLEMIC

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The task of studying both individual works belonging to the founders of the Old Believer movement, and the totality of the heritage of each of them, still remains relevant. The manuscript surroundings of specific polemical works, as well as the origin and evolution of the collections in which they have survived until nowadays, make it possible to understand better the origin of the author's text, and in some cases, to trace the stages and methods of work of the Old Believer ideologists. Preliminary results of the search and work on the systematization of the copies of one of the fundamental works for the Old Believer tradition – the Petition of the monk Avraamii (d. 1672) – allow us to state quite definitely that in a number of cases the manuscript surroundings of the Petition has a stable character, repeating from copy to copy. One of the versions of such surroundings is a sequence of five works by the monk Avraamii and his associate and co-author deacon Fyodor. In addition to the general handwritten history (at least 10 manuscripts are known), the sequence of five works has a well-defined logic of construction. Previously, the thematic connection was noted only

Статья выполнена по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

The article was made on the topic of the state assignment "Memory of the Past in Written Sources of the 16th–20th Centuries: Updating Events, Broadcasting Cultural Traditions, Research Practices" (FWZM-2021-0005).

Лариса Денисовна Демидова – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: lardem.nsk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7552-6822>.

Larisa D. Demidova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of history SB RAS.

in relation to its individual parts belonging to one or another polemist. However, a comparative analysis shows that all five works of the sequence are connected and complement each other, while the Petition of Avraamii is the central, organizing text. The existence of the five-part manuscript sequence by the end of the 17th – early 18th century is confirmed by the dating of the earliest manuscripts containing it. However, the monk Avraamii himself could hardly have been its author. Most likely, the closest associates of the monk could have compiled the sequence, and this happened not before the completion of work on the Petition, or even after his death, in the 70–90s of 17th century.

Key words: *manuscript sequence of polemical works, Old Believer collections, monk Avraamii, deacon Fyodor, Petition 1670, “Epistle to the God-lover”, “Deacon Fyodor’s debate with metropolitan Athanasius of Iconium”, “The tale of Avvakum, Lazar and Epiphaniy”, “The tale of the interrogation of some elders Peter and Evdokim”.*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение раннестарообрядческих сочинений за свою более чем полутравековую историю проделало огромный путь от поиска и публикации отдельных произведений, извлеченных из случайных списков (метод, на основе которого выполнены все известные дореволюционные публикации памятников раннестарообрядческой полемики), к систематическому описанию и анализу состава рукописных сборников, содержащих эти сочинения. Важной вехой на данном пути стало появление обобщающей монографии Н.Ю. Бубнова, где он представил результаты своей многолетней работы по выявлению рукописных комплексов – «книг», которые были созданы в трех ранних старообрядческих центрах до начала XVIII в. Исследователю удалось показать, что основатели движения выступали не только в качестве полемистов-идеологов, повлиявших на дальнейшую судьбу движения, но и как составители различного типа сборников, надолго определив основные формы, в которых будет существовать вытесненная за рамки официального культурного поля старообрядческая литература [Бубнов, 1995].

Однако задача изучения как отдельных сочинений, принадлежащих основателям движения, так и совокупности наследия каждого из них по-прежнему остается актуальной. Собственно, возникновение археографического интереса к составу сборников во многом связано с тем, что рукописное окружение конкретных памятников, равно как и происхождение, и эволюция сборников, позволяют лучше понять происхождение авторского текста [Демкова, 1998, с. 242–252], а в некоторых случаях проследить этапы и методы работы старообрядческих идеологов (см. напр., [Гурьянова, 2017, с. 116–137]).

Челобитная инока Авраамия, созданная не ранее 1670 г., в этом отношении предоставляет богатый материал. Сочинение аккумулировало основные полемические аргументы раннего старообрядчества, оформленные к тому же в достаточно непротиворечивую идеологическую концепцию. Благодаря этому Челобитная получила очень широкое распространение в рукописях XVIII–XIX вв., даже несмотря на свой внушительный объем. В списках она нередко встречается в окружении других раннестарообрядческих сочинений, принадлежащих как

самому Авраамии, так и другим защитникам «правой веры» – протопопу Аввакуму, дьякону Федору, священнику Лазарю, Спиридону Потемкину. Предварительные результаты поиска и работы по систематизации списков Челобитной позволяют вполне определенно утверждать, что в ряде случаев рукописное окружение Челобитной имеет устойчивый характер, повторяясь от списка к списку. Это наблюдение дает дополнительные возможности для изучения истории текста Челобитной, известной в двух основных редакциях (о редакциях см. подробнее: [Демидова, 2022а, с. 12–19]), а также позволяет уточнить наши представления о том, как происходило формирование старообрядческих рукописных комплексов на начальном этапе движения.

СОСТАВ ЦИКЛА

В свое время на основе изучения более 30 списков XVII–XIX вв. Н.Ю. Бубнов выделил повторяющуюся группу из трех сочинений – «Прения дьякона Федора с митрополитом Афанасием Иконийским», «Сказания об Аввакуме, Лазаре и Епифании» и «Повести о мучении Петра и Евдокима». Исследователь считал, что эти три сочинения некогда составляли сборник (он дал ему название «Прение»), происхождение которого он отнес к 1670-м гг. и связал с именем Авраамия. В представлении Н.Ю. Бубнова, инок, выступив как составитель обширного авторского сборника «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения» (1667–1669 гг.) и будучи своего рода «доверенным лицом» пустозерских узников в Москве, приложил руку к появлению еще нескольких циклов. Они включали как сочинения, посланные из Заполярья «братии», так и его собственные. Древнейший список сборника «Прение» является одной из частей сборной рукописи БАН 4.7.1 и датируется 1690-ми гг. По мнению Н.Ю. Бубнова, этот цикл из трех сочинений, написанных между 1668–1670 гг., «призван был объяснить “верным”, как следует достойно отстаивать свои убеждения перед никонианским “немилостивым судилищем”» [Бубнов, 1995, с. 168]. Помимо широкого распространения в рукописях цикл из трех сочинений вошел в два старообрядческих печатных сборника, изданных в Супрасле не ранее 1789 г. и в типографии Ф. Карташева в Клинцах не ранее 1795 г. [Вознесенский, 1996, с. 102–103].

Устойчивость трехчастного цикла способствовала тому, что, по-видимому, и в старообрядческой среде и, затем, в среде исследовательской, начиная с А. Бровковича [1861, с. 29], все три сочинения приписывались дьякону Федору, хотя лишь первые два содержат прямые или косвенные указания на это.

Анализируя трехчастный цикл, Н.Ю. Бубнов не только поставил под сомнение авторство «Повести о мучении старец Петра и Евдокима» и выдвинул гипотезу о принадлежности повести Авраамия [Бубнов, 1995, с. 158–159, 164], но и отметил, что во многих списках к этим трем сочинениям присоединяется Авраамиево «Послание к боголюбцу», его Челобитная к царю Алексею Михайловичу, другие сочинения, а также сочинения дьякона Федора. В качестве примера исследователь привел еще два списка конца XVII в. – начала XVIII в. – РНБ, собр. ОЛДП О № 72 и РНБ, О.І.285, в которых три сочинения скопированы сразу после Челобитной Авраамия и его «Послания к боголюбцу». Состав рукописей выглядит следующим образом:

- 1) Челобитная Авраамия (1670 г.);
- 2) «Послание инока Авраамия страдальца к некоему боголюбцу» (1670 г.);
- 3) «Прение священнодьякона Феодора с митрополитом Афанасием Иконийским о сложении перст в знамении крестном. Се же бысть в лето 7176» (1667–1668 гг.);
- 4) «Священнодьякона Феодора» («Сказание дьякона Федора об Аввакуме, Лазаре и Епифании») (1667–1668 гг.);
- 5) «7177 году, февраля в 17 день, на память святого мученика Феодора Тирона, приведены быша мужа два честна зело и стара, за проповедь креста истиннаго знамения Христова» («Повесть о мучении старец Петра и Евдокима») (не ранее 1670 г.).

Такое соседство исследователь рассматривал как случайное, полагая, что Челобитная являлась главным сочинением в раннестарообрядческих циклах с другим, двучастным составом: в древнейших списках ее сопровождает либо «Послание к боголюбцу», либо «Послание к дочери Христовой» (боярыне Морозовой), также авторства инока Авраамия [Бубнов, 1995, с. 146–147]. При этом исследователь считал, что разновидность «конвоя» связана с одной из двух редакций Челобитной, однако это не так: все упомянутые им списки, как и рукописи, о которых далее пойдет речь, принадлежат к 1-й редакции сочинения.

Однако цикл из пяти сочинений встречается не только в указанных двух рукописях. Он был достаточно популярен и копировался вплоть до XX в. В настоящий момент удалось выявить 10 содержащих его списков:

РНБ, собр. ОЛДП О 72, XVII в., 8°, 171 л. (далее – ОЛДП О 72);

РНБ, О.І.285, конец XVII – начало XVIII в., 8°, 259 л. (далее – О.І.285);

РГБ, ф.310 (Ундольский В.М.), оп. 1, № 501, начало XVIII в., 4°, 155 л. (далее – Унд. 501);

ГИМ, собр. А.С. Уварова, № 499 (720), XVIII в., 4°, 115 л. (далее – Ув. 720);

РНБ, собр. Волковского молитвенного дома, № 93, XVIII в., 4°, 403 л. (далее – Волк. 93);

БАН 33.17.16 (Нов.), XVIII в. (50–60-е гг.), 8°, 206+III л. (далее – 33.17.16 (Нов.));

РГБ, ф.173.3 (МДА), № 57, XVIII в. (вторая половина), 8°, II+160 л. (далее – МДА. 57);

РГБ, ф. 17 (Е.В. Барсов), № 800, конец XVIII – начало XIX вв., 8°, 259 л. (далее – Барс. 800);

БАН, собр. В.Г. Дружинина, № 6 (13), XIX в. (вторая половина), 2°, 478 л. (далее – Друж. 6(13));

ГИМ, собр. А.С. Уварова, № 500 (138), XIX в., 8°, 241 л. (далее – Ув. 138).

Нельзя сказать, что сходство рукописей этой группы до сих пор оставалось незамеченным. На близость отдельных списков указывали археографы, составлявшие каталожные описания собраний либо привлекавшие рукописи для публикации сочинений инока Авраамия и дьякона Федора. Составитель описания собрания ОЛДП Х.М. Лопарев отмечал, что список ОЛДП О 72 близок спискам Ув. 720, Ув. 138 и Унд. 501, «хотя и правильнее их» [Лопарев, 1899, с. 83]. На близость списков Ув. 720 и Унд. 501 ранее также указывал Е.Е. Замысловский, опубликовавший Челобитную Авраамия и «Послание к боголюбцу» (по этим спискам подведены варианты текста к основной рукописи в обеих публикациях) [Замысловский 1877, 1884]. Н.Ю. Бубнов отметил близость сборников БАН 33.17.16 (Нов.) и Друж. 6 (13) [Бубнов, 1984, с. 388].

Точное соотношение списков еще предстоит установить, но уже сейчас можно определенно утверждать, что, судя по определенным текстологическим признакам, они связаны между собой, т.е. имеют общее происхождение. Наибольший материал для такого заключения дает в первую очередь Челобитная Авраамия, которая занимает примерно 5/6 объема цикла. В списках этой группы имеется около 9–12 (это число варьируется, так как в некоторых рукописях отмечается утрата фрагментов) особенностей текста, отличающих его от списка 1-й редакции ГИМ, собр. Уварова, № 719 (вторая половина XVII в.), который на данный момент считается основным (по нему текст был опубликован Е.Е. Замысловским). Отмечу три из них, наиболее интересных. Во фрагменте: «По сих же и преподобный Григорий Синаит в крестодневном каноне творения своего, во многих местах, воспоминает о истинном тричастном кресте» вместо «Григорий Синаит» стоит неверное – «Иоанн Дамаскин». Во фрагменте: «Чти, государь, “Книгу о пра-

вой вере», главу первую о Сионе», напротив, правильное чтение – «о Сионе», тогда как в основном списке: «о Никоне». Во фразе: «И святой великомученик Орест крест на себе носил, и о сем свидетельствует житие его» имеется уточнение: «ноября 12 день», служащее отсылкой к соответствующему месту Пролога. Остальные сочинения цикла имеют более мелкие отличия, среди них можно отметить два стабильно встречающихся гаплографических пропуска в «Послании к боголюбцу» (в начале и в конце сочинения).

Следует отметить, что несмотря на указанные особенности, текст списков достаточно вариативен: так, в части из них (О.І.285, Унд., 501, МДА, № 57) допущена ошибка в заглавии «Прения» дьякона Федора: его оппонент обозначен как «Афанасий *Инокийский*». Большую изменчивость демонстрирует заголовки Челобитной Авраамия. В ряде рукописей она не имеет заглавия перед текстом: О.І.285, 33.17.16 (Нов.), Ув. 138, МДА 57, Барс. 800. В ОЛДП О 72 сочинение озаглавлено: «Челобитная Соловецкого монастыря к московскому царю Алексею Михайловичу, писанная иноком Авраамием и о обличении Никона еретика та же», в Унд. 501 – «Книга Авраамия старца», в Друж. 6(13) и Ув. 720 – «Челобитная Авраамия старца». Вместе с тем в заголовках других четырех сочинений подобной вариативности не наблюдается; изменения, как в случае с заглавием «Прения», носят характер описок, ошибок внутреннего диктанта и т.п.

Из сказанного следует, что цикл из пяти сочинений вряд ли является случайно повторяющимся соединением отдельных раннестарообрядческих сочинений в разных по происхождению и времени создания рукописях. Судя по текстологическим данным, объединение текстов произошло однократно, и далее

текст копировался, неизбежно меняясь, но сохраняя особенности, присущие протографу группы.

СТРУКТУРА ЦИКЛА

Такая устойчивость цикла вряд ли случайна. Кроме общей рукописной истории цикл из пяти сочинений имеет вполне определенную логику построения. Ранее тематическая связь неоднократно отмечалась только в отношении либо первых двух сочинений (Челобитная Авраамия и его же «Послание к боголюбцу», созданное в то же самое время [Смирнов, 1898, с. CLXXII; Бубнов, 1995, 147–148]), либо в отношении трех последних, что способствовало закреплению представления о том, что автором «Повести о мучении старец Петра и Евдокима» является дьякон Федор.

Основная тема «Послания к боголюбцу» – достаточно радикальная даже для раннего старообрядческого движения мысль о патриархе Никоне как об антихристе. Хотя известно, что такого рода идеи появлялись еще до собора 1666–1667 гг., у основателей старообрядческого движения были разные взгляды и разные траектории на этот счет. «Ужели посему явствен лстец?» – задается вопросом Авраамий и приводит в доказательство своего утверждения ряд аргументов, основные из которых – строительство Новоиерусалимского монастыря как исполнение апокалиптического пророчества о том, что антихрист восстановит в Иерусалиме разрушенный храм, а также «теория трехчастного отступления», основанная на толковании числовых пророчеств о тысячелетнем «связании» сатаны и числе 666 (подробнее см. [Опарина, 2003, с. 287–317]). Это сделано при помощи точно выверенной подборки богословских изречений, которую Авраамий приводит и в Челобитной¹:

Челобитная Petition

- л. 115 Не о тебе ли пишет святой Кирил: ни от царска рода, ни от царей, но прелестию восходит [восхитит. – Л.Д.] власть!
- л. 116 об. Тако же и святой Кирил пишет: и со иным богомолением церковь Соломону, прелести ради, [создати. – Л.Д.] покусится.
- л. 117 Также и во откровении Иоанна Богослова пишет: антихрист в церкви сядет, или в древней жидовской обновляю, или во истовой церкви, на ся Божию честь привлекая, совершая пророческое слово, глаголющее: и воздвигну скинию падшую Давидову...

«Послание к боголюбцу» «Epistle to the God-lover»

- л. 128 об. И глаголет святой Кирил о антихристе: яко не от царя, ни от царска рода будет.
- л. 129 об. И Кирил святой пишет, яко древнюю Соломонову церковь со иным богомолением, прелести ради, создати покусится...
- л. 129 об. Да и во Апокалипсисах таковых острожския печати пишет, яко антихрист себя Христом прообразити имать, глаголя себе: воздвигну скинию падшую Давидову...

¹ Здесь и далее цитаты из сочинений цикла приводятся по старейшей из доступных мне в данный момент рукописей: Унд. 501 с указанием листов в тексте.

Однако, в отличие от Челобитной, где эта идея присутствует вполне явно, но в виде отдельных фрагментов, которые находятся в разных ее частях (поскольку тематика Челобитной чрезвычайно разнообразна), «Послание к боголюбцу» сосредоточено исключительно на актуальной и для самого Авраамия, и его адресата эсхатологической теме.

Своим радикализмом «Послание к боголюбцу» не очень согласуется с тематикой следующих за ней сочинений Федора. «Прение» последнего с митрополитом Афанасием Иконийским жанрово и стилистически тяготеет, скорее, к «Вопросу и ответу» Авраамия, однако текстуально также тесно связано с Челобит-

ной. Основная тема сочинения – спор о троеперстии. Ту же аргументацию, при помощи которой дьякон Федор использовал, обличая крестящихся тремя перстами, использует в Челобитной и Авраамий. Поскольку «Прение» имеет множество соответствий в Челобитной, ниже приведены лишь несколько характерных примеров. Из сопоставления видно, что текстуальные соответствия не являются точными – это объясняется тем, что Авраамий заимствовал для Челобитной не текст «Прения», а текст других сочинений Федора, вошедших в сборник «Христианоопасный щит веры...». В них дьякон использовал сходную аргументацию, от сочинения к сочинению варьируя ее:

Челобитная Petition

- л. 46 Также, государь, и zde, в Российском царствии, не было такова мудрования прежде Никона отступника, еже тремя персты христианом знаменатися.
- л. 21 об. – 22 ...како убо ныне москвитяне и прочии вси великоросияне – седмое столет к концу прииде по приятии правыя веры Сионския, а ныне они нас учат новой вере?
- л. 78 об. А они, врази креста Христова, во своем сложении трех перстов едино существо и едину волю во Христе мудрствуют быти, якоже Диоскор и Евтихий еретицы со единомысленными своими, и единовольники Сергей, и Павел, и Пир, патриархи Цареградския, и Кирилл Александрийский, и Макарий Антиохийский, и Онорий папа – и вси еретицы подобне все тем же.
- л. 53 об.–54 А что ссылаются, государь, ныне на некоего Дамаскина и студита иподьякона, – а прямова имени ему несть...

«Прение дьякона Федора с митрополитом Афанасием Иконийским» «Deacon Fyodor's Debate with Metropolitan Athanasius of Iconium»

- л. 138 об. Прежде сего у нас zde отнюд такового мудрования не бывало, и во святых книгах не обретается, чтобы тремя персты креститься. Никон-враг ту смуту ввел, и царя-государя и властей всех страхом и клятвою прельстил.
- л. 139 об. Приняли мы веру от Христа Бога и святых апостол и в седми вселенских соборах, от старых учителей ваших греческия церкви, и тому уже седмое сто лет, а не вас – нынешних грек, не правомудствующих в вере и нас лстящих.
- л. 143–143 об. Да тремя персты, как вы, тако креститесь, первое – страсть прилагаете, якоже древнии еретицы и армени, второе же – вочеловечение Сына Божия в двух перстах не проповедуете, якоже мы, и несть Христа сугуба естеством в вашем сложении трех перстов, и по всему вы подобиете единовольником, Сергию и Пирю и Павлу, патриархом бывшим Царя-града, и Кирилу Александрийскому, низложеному на шестом соборе, и Макарию Антиохийскому, и Анорию, папе Римскому, едину волю исповедуете о Христе в трех перстах своих, якоже и они, еретицы.
- л. 145–145 об. Отче, пожалуй-скажи ми: как имя прямое Дамаскину вашему иподьякону? Всем человеком, святым и не святым, имена есть, – и тебе имя знаю, Афанасий, и архимандриту имя Герасим; а ваш Дамаскин, како что он без имени инок, кой вам написал тремя персты креститься нечестиво?

Связь со следующим далее «Сказанием об Аввакуме, Лазаре и Епифании», в котором повествуется о «казни» Лазаря и Епифания 27 августа 1667 г., осуществляется через прямую отсылку в тексте «Прения»: «Митрополит рече ему: “А когда ты не покоряешься, тоже тебе будет, что и товарищем твоим, – Аввакуму, и Лазарю и прочим”. И рече дьякон: “Воля Господня да будет! Якоже Христу годо, тако и сотворит. Лазарю и Епифанию паки Христос дал язык: силен бо есть и мне дати, аще отрежут, якоже и Максиму Исповеднику дал Христос язык по отрезанию и Иоанну Дамаскину руку Богородица исцелила”» (л.141 об.–142).

В Челобитной Авраамия также имеется отсылка к описываемым в «Сказании» событиям: «И того ради молиша тя страдалцы и узники о Христе, столпи православия: священнии страдалец и от Бога помазанныи протопоп Аввакум и Лазарь священник, обличитель Никона еретика. Ему же язык до вилок отрезали, Христовою благодатию паки ясно говорит и еретиков обличает; паки ему же язык отрезаша и руку десную отсекли, дабы на еретиков не писал обличительных словес. Тако же и Епифанию страдалцу иноку язык отрезаста же за слово Божие и за свидетельство Иисус Христово и руку десную отсекли; но пресвятая Богородица дарствовала своему

рабу язык доброглаголив, якоже и Лазарю, явлением божественного пророка Илии» (л. 2–2 об.).

У «Сказания об Аввакуме, Лазаре и Епифании» и Челобитной есть и общий текст-посредник – записка о «казни» Лазаря и Епифания, написанная Аввакумом. Она послужила основой как для сочинения дьякона Федора, так и для одной из глав составленного Авраамием сборника «Христианоопасный щит веры...», который в свою очередь стал основным источником Челобитной. «Прение» и «Сказание», следовательно, оказываются тесно связаны не только друг с другом, но и с Челобитной.

Наконец, «Повесть о мучении старец Петра и Евдокима» объединяет темы двух предыдущих сочинений – прения о вере и мученичества за веру. По жанру «Повесть» представляет собой именно «прение», в

котором старцы в ответ на вопросы царя излагают развернутую аргументацию в защиту «старой веры». В заключении «Повести» рассказывается о чудесном избавлении старцев от «казни», причем, как и в предыдущем сочинении, упоминающем об исцелении Иоанна Дамаскина, в пару к современному чуду найден ветхозаветный образец – сюжет о трех отроках в печи вавилонской. Однако это не единственная особенность повести: кульминационным моментом прения старцев является утверждение о приходе в мир антихриста, наиболее вероятным претендентом на место которого назван патриарх Никон. Эта мысль тематически и идейно сближает «Повесть» с «Посланием к боголюбцу», однако общих текстуальных пересечений сочинения не имеют. Зато рассматриваемый фрагмент текстуально очень близок Челобитной Авраамия:

Челобитная Petition

- л. 70 об.–71 А кто тремя персты крестится, щепотью, таковой богострастник есть, и чюждь веры во Христа Иисуса, и враг креста Христова. То мудрование, в трех перстах сокровенное, армянское и Фармосовы папы еретика, и прелукаваго Афеса, и злокозненного Никона, и протчих еретик. И якоже древле скрывся в змию, и Адама прелести и изгна из рая, тако и ныне во своя ему скрывся, в три простыя персты. Нам же, христианом, познавшим своего Творца, Бога истинного и животворящего, не буди то прияти лстиваго и лукаваго беса, скрывшагося в три простыя персты. Аще ли кто сего примет, вместо своего Господа, истинного его креста чая, вознесет его на главу свою, яко Бога, и будет на нем печать зверина, число его 666.

Мучение старец Петра и Евдокима The Tale of the Interrogation of some Elder Peter and Evdokim

- л. 154–155 Простая же три перста мудрование злаго прелестника Фармоса еретика, и прелукаваго Афеса, и злокозненного Никона, и прочих еретик. И ничтоже ино познавается в трех простых перстах, токмо змий, зверь, лживый пророк, а корень их сам сатана преисподний бес, ад: якоже древле скрывся в змия и Адама изгна из рая, тако и ныне. Познаваем и веруем в Господа истинного и животворящего и Сына Божия в плоть пришедша. А сатана во своя ему скрывся, трегубнаго змия, в три простыя персты, сего ради, да примут его невернии вместо Бога истинного и его креста. Нам же, верным, познавшим своего Творца и Бога, истинного и животворящего, не буди того прияти лстиваго и трелукаваго беса, скрывшегося в триглавнаго змия, в три простыя персты. Аще ли кто сего примет в небрежении вместо Господа истинного и его креста примет и вознесет его на главу свою яко Бога, и будет на нем печать преисподняго беса, сатаны, с ним же будет в злосмердном и вечном, преисподнем, темном и лютом тартаре в бесконечныя веки.

По всей видимости, это и другие текстуальные совпадения Челобитной и «Повести» не являются результатом заимствования Авраамием текста «Повести», а могут быть объяснены тем, что он сам мог быть ее наиболее вероятным автором. Мнение Н.Ю. Бубнова о том, что «Повесть о мучении старец Петра и Евдокима» должна быть атрибутирована не дьякону Федору, а Авраамии, подтверждается текстуальными параллелями «Повести» с несколькими сочинениями инока, наличием системы используемых в ряде этих сочинений цитат, а также основными идеями «Повести», которые чрезвычайно близки сочинениям Авраамия, написанным в период его тюремного заключения.

Итак, Челобитная Авраамия, открывающая цикл из пяти сочинений, оказывается чрезвычайно тесно связана с остальными четырьмя и тематически, и текстуально. Каждое из произведений цикла одновременно

более подробно раскрывает те или иные аргументы Челобитной: так, в «Прении дьякона Федора» более ярко раскрыт смысл краткой ремарки о том, что «иподьякону Дамаскину» «прямо имени нет». Сухое утверждение Челобитной о подложности личности «иподьякона Дамаскина» в «Прении» развернуто в целую сатирическую сценку²: дьякону Федору удается удачно сформулированным вопросом «припереть к стенке» митрополита, и последний оказывается не только уличен во лжи, но и сам фактически публично это признает, используя для своей защиты смехотворные отговорки.

² Подобные примеры драматизации повествования в целях усиления полемиического эффекта на материале произведений протопопа Аввакума были в свое время рассмотрены в статье Н.С. Демковой [1988, с. 302–316].

«Послание к боголюбцу» и «Повесть о мучении Петра и Евдокима» последовательнее и лаконичнее, нежели Челобитная, излагают эсхатологические представления Авраамия, а «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании» полнее раскрывает тему мученичества за веру. Все пять произведений цикла связаны и дополняют друг друга, при этом центральным, организующим их текстом является Челобитная Авраамия.

СКЛАДЫВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЦИКЛА

Существование пятичастного цикла уже к концу XVII – началу XVIII в. подтверждается датировкой самых ранних содержащих его рукописей. Как представляется, общее его значение в раннестарообрядческой полемике обусловлено хорошо выраженным эсхатологическим содержанием, в котором текущее время, 70-е гг. XVII в., рассматривается как время решительного наступления антихриста: и «Послание к боголюбцу», и «Мучение старец Петра и Евдокима» акцентируют именно эту мысль Челобитной Авраамия, а вкупе с сочинениями дьякона Федора дают образец поведения в текущей ситуации: как публичного, так и в «частной», домашней жизни (подобные наставления содержатся в заключительной части «Послания к боголюбцу»). Этот пафос целиком соответствует радикальному тону Челобитной Авраамия, которая, начавшись с жалобы царю на жестокое обращение с иноком допрашивавших его архиереев, оканчивается анафемой в адрес всех принимающих церковные нововведения (подробнее об этом: [Демидова, 2022б, с. 298–315]).

Появление и начало тиражирования малого, трехчастного, «федоровского» цикла выглядит как следующий этап эволюции большого цикла (хотя временной промежуток между этими этапами мог быть минимальным). Интересен в этом отношении состав поморского сборника начала XVIII в. – ГИМ, собр. Хлудова № 273 (далее – Хлуд. 273). Сборник хорошо известен, в свое время он был выбран в качестве основного для публикации Е.Е. Замысловским «Послания к боголюбцу» и Н.И. Субботиным – для публикации «Прения», «Сказания» и «Повести о мучении» [Материалы для истории раскола..., Т. 6, с. XIII–XVI, XXVII–XXVIII]. Он содержит четыре сочинения и по происхождению, видимо, не связан непосредственно с группой рукописей, содержащих пятичастный цикл, поскольку в нем отсутствуют характерные для него особенности, однако текстуально все-таки довольно близок к ней: в частности, «Послание к боголюбцу» представлено в нем не только той же редакцией, но и тем же вариан-

том³. При этом архитектура цикла, в котором отсутствует главное звено – Челобитная, явно рассыпается. В Хлуд. 273 порядок следования текстов иной, нежели в списках рассматриваемой группы: «Послание к боголюбцу» помещено не перед, а после «федоровского» цикла, поскольку, как было отмечено ранее, текстуально оно, как и другие сочинения, тяготеет к отсутствующей здесь Челобитной, а кроме нее ближайшую идейно-тематическую связь имеет не с «Прением» и «Сказанием», а с «Повестью о мучении Петра и Евдокима». Помещение рядом «Послания к боголюбцу» и «Повести», по-видимому, и призвано было подчеркнуть эту связь. Однако такое решение вовсе не является очевидным, поэтому неудивительно, что в процессе эволюции цикла при исключении из него объемной Челобитной и «Послание к боголюбцу» стало выглядеть чужеродно, из-за чего широкое распространение в рукописной традиции получил не четырехчастный, а трехчастный цикл.

Однако такая картина была совсем не обязательной. Цикл претерпевал и другие изменения: например, рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 917 (513) (XVIII в.) и РГБ, ф.17 (Е.В. Барсов), № 77 (XVIII в.) также содержат неполный цикл, но в них отсутствуют не первые два сочинения, а «Сказание» в первом случае и «Сказание» и «Повесть» – во втором. Таким образом, в них «урезано» не начало цикла, а его конец.

Среди выделенной группы списков поздний «конвой» содержат три рукописи (все – XVIII в.): Волк. 93, 33.17.16 (Нов.) и Друж. 6 (13): в их составе находятся как сочинения отцов-основателей старообрядческого движения, так и произведения, созданные выгорецкими книжниками (см. [Описание ..., 1984, с. 87–88, 240–243]). Можно предположить, что копирование цикла носило в данном случае отчасти «мемориальный характер»: в Волк. 93 и Друж. 6(13) оно сопровождается, в частности, Житием Корнилия Выговского, фигура которого связывала Выго-Лексинское общежитие с московскими отцами-основателями старообрядчества (в Житии упоминается легендарный собор, рассматривавший вопросы приемлемости «никонианского» крещения, в этом соборе Корнилий якобы участвовал вместе с Авраамием).

³ Полная редакция «Послания к боголюбцу» была выделена Н.В. Савельевой и никогда не публиковалась. Она включает текст, который, как предположила исследовательница, Авраамий чуть позже переработал в отдельное сочинение – «Вопрос и ответ» [Шухтина (Савельева), 1990, с. 403]. Это основное, но не единственное отличие редакций: первая часть текста, которая легла в основу краткой редакции «Послания к боголюбцу», имеет от нее несколько содержательных отличий. Краткая редакция «Послания к боголюбцу» существует в нескольких вариантах, опубликованных Е.Е. Замысловским и Н.И. Субботиным [Материалы для истории раскола ..., т. 7, с. XXX, 417–426].

С точки зрения состава и происхождения интересна еще одна рукопись конца XVIII в. – Барс. 800: это сборник, переписанный гражданской скорописью с последовательным написанием имени «Иисус» через «и» и «иже» и таким же последовательным исправлением – затираньем «иже». Как следует из владельческих записей, в начале XIX в. сборник принадлежал семье «никонианских» священников «протодиакона Стефана Софийскаго» и его сына Алексея Стефановича (а затем, по-видимому, попал в руки старообрядцев, чем и вызвана последовательная правка имени Иисуса). Вероятно, сборник был создан с миссионерскими целями: объем вошедших в него сочинений довольно велик, а содержание разнообразно. Помимо раннестарообрядческой полемики (кроме рассматриваемого цикла в нем содержатся сочинения Аввакума) он включает поморские и федосеевские сочинения. Очевидно, в нем имеются копии, снятые сразу с нескольких рукописных старообрядческих книг, и первым переписан рассматриваемый пятичастный рукописный цикл, который, по мнению составителя, может дать весьма показательное представление об идеях начального этапа «раскола».

В остальных рукописях цикл переписан без сопровождения, и этот факт длительного копирования цикла без сопутствующих ему поздних сочинений свидетельствует, на мой взгляд, о том, что он и воспринимался, и воспроизводился не столько с целью сформулировать текущую позицию представителей определенного согласия по острым вопросам, сколько для чтения – как подборка основополагающих для движения сочинений в условиях дряхлеющего во времени наступления «последних времен». Примерно теми же мотивами, вероятно, руководствовались и многочисленные переписчики Челобитной, когда воспроизводили ее обширный текст полностью (правда, копирование в отрывках также было чрезвычайно распространено) и без какого-либо сопровождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные наблюдения над рукописями, содержащими цикл из пяти сочинений, открываемый Челобитной инока Авраамия, позволяют, на мой взгляд, говорить об оригинальности замысла, а это предполагает, что работа над его формированием преследовала определенную цель, а соединение сочинений именно в таком порядке не было случайным. Цикл имеет достаточно раннее происхождение и демонстрирует устойчивость в рукописях XVIII–XIX вв. Малый же, чрезвычайно популярный трехчастный цикл из «Прения», «Сказания» и «Повести» мог появиться как «осколок» от большого цикла, подобно «осколкам» другой конфигурации, хотя и менее распространенным, но также обнаруживаемым в

рукописной традиции. Это наблюдение, как мне представляется, несколько противоречит мнению о том, что сочинения трехчастного цикла могли быть объединены в сборник с условным названием «Прение» самим иноком Авраамием.

Уместно, однако, задать вопрос, не мог ли Авраамий быть составителем большого пятичастного цикла. Тот, кто объединил эти пять сочинений, несомненно, был хорошо знаком с творчеством обоих авторов. Учитывая манеру Авраамия активно пользоваться федоровскими сочинениями для написания своих собственных, его возможное авторство имеет некоторые аргументы в свою пользу. Однако, если в случае трехчастного цикла можно согласиться с Н.Ю. Бубновым, что сочинения 1667–1670 гг. могли быть объединены Авраамием в сборник до его ареста и заключения, то в ситуации, когда к ним присоединяются Челобитная и «Послание к боголюбцу», цикл мог быть сформирован Авраамием уже в период его заключения. Впрочем, учитывая писательскую активность инока в этот период, а также пример пустозерских узников, такое развитие событий отнюдь не маловероятно. Тем не менее, хотя общая идея, объединяющая сочинения цикла, выглядит в начале 1670-х гг. чрезвычайно актуальной, конкретная цель, преследуемая Авраамием, представляется менее убедительной. Эта работа фактически дублирует его огромный труд по составлению «Христианоопасного щита веры...», а значит, совершенно не понятно, почему сочинения дьякона Федора, которые, скорее всего, были доступны Авраамии до его ареста, не были им включены в указанный сборник ранее. В Челобитную же они вошли, но согласно замыслу Авраамия, выборочно. Возникает закономерный вопрос, зачем в таком случае их понадобилось копировать еще и в полном виде. Наконец, «Послание к боголюбцу» имеет в рукописях цикла устойчивый заголовок, в котором Авраамий назван страдальцем. Учитывая то, что инок в своих сочинениях часто применяет этот эпитет к пустозерским узникам и никогда к себе самому, вряд ли он является авторским (маловероятно, что в оригинале послания вообще имелись какие-либо заголовки). Изложенные соображения свидетельствуют, таким образом, не в пользу авторства Авраамия. Однако принимая во внимание довольно ранее происхождение цикла и явную связь с архивом московской старообрядческой общины (в котором отложились ранние произведения Федора и поздние – Авраамия), можно предположить, что цикл мог быть составлен ближайшими сподвижниками инока (благодаря которым стало возможно широкое распространение его сочинений), а поскольку он назван страдальцем, то это произошло не ранее окончания работы над Челобитной либо после его смерти, в 70–90-е гг. XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Б[ровкович] А. (еп. Никанор). Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 1–2. [5], II, 292, 340 с.

Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб.: БАН, 1995. 434, [1] с.

Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX в. Введение в изучение. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 1996. 160 с.

Гурьянова Н.С. Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения. Новосибирск, 2017. 230 с.

Демкова Н.С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 302–316.

Демкова Н.С. Тексты сочинений «отцов-основателей» старообрядчества, их архивные перемещения и хранение // Демкова Н.С. Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. Материалы и исследования. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 1998. 332 с.

Демидова Л.Д. Две редакции Челобитной инока Авраамия (1670 г.): К вопросу о соотношении текстов // Гуманитарные науки в Сибири. 2022а. Т. 29, № 3. С. 12–19.

Демидова Л.Д. Истоки русского раскола: инок Авраамий. СПб.: Нестор-История, 2022б. 352 с.

Замысловский Е.Е. Челобитная старца Авраамия // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1877. Т. VI, отд. II. С. 1–129.

Замысловский Е.Е. Послание инока Авраамия страдальца к некоему боголюбцу // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1884. Т. VII, вып. 1. Отд. II. С. 11–19.

Лопарев Х.М. Описание рукописей ОЛДП. СПб., 1899. Ч. III. [Рукописи в восьмерку (О.1–О.176)]. 227 с.

Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / под ред. Н. Субботина. М., 1881. Т. 6. 335 с.; М., 1885. Т. 7. XXX, 434 с.

Опарина Т.А. Число 1666 в русской книжности середины – третьей четверти XVII в. // Человек между Царством и Империей: сб. материалов Междунар. конф. М., 2003. С. 287–317.

Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л.: Наука, 1984. Т. 7. Вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / сост. Н.Ю. Бубнов. 318 с.

Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследования из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданиям и рукописям. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1898. [4], ОVIII, CXXXIV, 237, 0121 с.

Шухтина (Савельева) Н.В. Переработки «Вопроса и ответа» и «Послания к некоему боголюбцу» инока Авраамия в рукописях XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 403–408.

REFERENCES

Nikanor (Brovkovich A.I., archbishop). (1861). Description of some essays written by Russian schismatics in favor of the schism:

notes by Alexander B. Pt. 1–[2]. Saint Petersburg, D.E. Kozhanchikov, [5], II, 292, 340 p. (In Russ.)

Bubnov N.Yu. (comp.) (1984). Description of the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences of the USSR. Leningrad, Nauka, Vol. 7, iss. 1. Works of Old Believer writers of the 17th century. 318 p. (In Russ.)

Bubnov N.Yu. (1995). The Old Believer book in Russia in the second half of the 17th century: sources, types, and evolution. Saint Petersburg, BAN, 434, [1] p. (In Russ.)

Demkova N.S. (1988). Dramatization of the narrative in the writings of archpriest Avvakum. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, vol. 41, pp. 302–316. (In Russ.)

Demkova N.S. (1998). Texts of the writings of the «founding fathers» of the Old Believers, their archival transfers and storage. *Sochineniya protopopa Avvakuma i publitsisticheskaya literatura rannego staroobryadchestva: materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg, pp. 242–258. (In Russ.)

Demidova L.D. (2022b). The origins of the Russian Schism: monk Avraamii. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 352 p. (In Russ.)

Demidova L.D. (2022a). Two versions of the Petition by monk Avraamii (1670): on the issue of texts' correlation. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 29, no. 3, pp. 12–19. (In Russ.)

Guryanova N.S. (2017). Handwritten collections and formalization of the ideology of the Old Believer movement. *Novosibirsk*, 230 p. (In Russ.)

Loparev Kh.M. (1899). Description of the manuscripts of Imperial Society of Lovers of Ancient Writing. Pt. 3. Manuscripts in octavo. Saint Petersburg, 227 p. (In Russ.)

Oparina T.A. (2003). The number 1666 in Russian literature of the middle – third quarter of the 17th century. *Chelovek mezhdru Tsarstvom i Imperiyey: sb. materialov mezhdunar. konf.* Moscow, pp. 287–317. (In Russ.)

Shukhtina (Savel'eva) N.V. (1990). Reworkings of «Question and answer» and «Epistle to a certain God-lover» by monk Avraamii in manuscripts of the 18th – 19th centuries. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, vol. 44, pp. 403–408. (In Russ.)

Smirnov P.S. (1898). Internal questions in the Schism in the 17th century: studies from the initial history of the Schism on newly discovered monuments, editions, and manuscripts. Saint Petersburg, T-vo «Pechatnya S.P. Yakovleva», 504 p. (In Russ.)

Subbotin N.I. (ed.) (1881, 1885) Materials for the history of the Schism for the first time of its existence, published by the Brotherhood of St. Peter the Metropolitan. Moscow, vol. 6, 335 p.; Moscow, vol. 7, XXX, 434 p. (In Russ.)

Voznesensky A.V. (1996). Old Believer editions of the 18th – early 19th centuries. Introduction to learning. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 160 p. (In Russ.)

Zamyslovsky E.E. (1884). The Epistle of the monk Avraamii the sufferer to a certain God-lover. *Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii*. Saint Petersburg, vol. 7, iss. 1, sect. 2, pp. 11–19. (In Russ.)

Zamyslovsky E.E. (1877). The Petition of the monk Avraamii. *Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii*. Saint Petersburg, vol. 6, sect. 2, pp. 1–129. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.05.2023

Дата рецензирования 14.05.2023

Статья принята к публикации 01.06.2023

DOI: 10.15372/HSS20230304

УДК 801.8(470)"16"

EDN: QZNHNN

Л.В. ТИТОВА

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВКЛЮЧЕНИЯ СОЧИНЕНИЙ ДЬЯКОНА ФЕДОРА
В «ХРИСТИАНООПАСНЫЙ ЩИТ ВЕРЫ»
ИНОКА АВРААМИЯ**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Представлены результаты анализа отдельных глав «Христианопасного Щита веры» инока Авраамия, содержащих тексты сочинений дьякона Федора. Обращение к 21-й и 26-й главам, безусловно принадлежащих перу дьякона Федора, позволило сделать вывод о ценности сборника инока Авраамия в качестве источника изучения творческого наследия первого поколения противников церковной реформы. Показано, что только благодаря включению этих текстов в состав сборника они стали доступны для читателей и исследователей.

Глава 17-я «Христианопасного щита веры» составлена из фрагментов произведений старообрядческих полемистов, в том числе дьякона Федора. Выявлено, что составитель сборника включал сочинения или их фрагменты, в которых были высказаны взгляды, осуждающие политику Церкви и верховной власти. Сделан вывод о компилятивности главы и работы составителя, который старался отбирать тексты так, чтобы представить точку зрения противников церковной реформы, начатой патриархом Никоном

Ключевые слова: церковная реформа XVII в., патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, «Христианопасный щит веры», старообрядческие полемические сочинения дьякон Федор, инок Авраамий.

Для цитирования: Титова Л.В. О некоторых особенностях включения сочинений дьякона Федора в «Христианопасный щит веры» инока Авраамия // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 31–35

L.V. TITOVA

**ON SOME PECULIARITIES OF INCLUSION OF DEACON FYODOR'S WRITINGS
IN «THE CHRISTIAN SECURE SHIELD OF FAITH»
BY THE MONK AVRAAMY**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The paper demonstrates the results of the analysis of individual chapters of "The Christian Secure Shield of Faith" by the monk Avraamy, containing the texts of the writings of deacon Fyodor. The study of chapters 21 and 26, which definitely belonged to the pen of deacon Fyodor, led to the conclusion that the collection of the monk Avraamy is a valuable source for studying the creative heritage of the first generation of opponents of church reform. It is shown that only through the inclusion of these texts in the collection they became accessible to readers and researchers. Chapter 17 of "The Christian Secure Shield of Faith" is composed of fragments from the works of Old Believer polemicists, including deacon Fyodor. The study revealed that the compiler of the collection included essays or their fragments, which expressed views condemning the policy of the Church and the supreme power. The paper concludes that the chapter is compilative, and the compiler tried to select texts in order to present the point of view of opponents of the church reform initiated by Patriarch Nikon.

Key words: Church reform of the 17th century, Patriarch Nikon, Tsar Alexei Mikhailovich, "The Christian Secure Shield of Faith", Old Believer polemical writings, deacon Fyodor, monk Avraamy.

Титова Любовь Васильевна – канд. филол. наук, Институт истории СО РАН, e-mail: titova_istochnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7480-3795>.

Lubov V. Titova – Candidate of Philology, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

«Христианопасный щит веры против еретического ополчения» – сборник полемико-догматических старообрядческих текстов, состоящий из 46 глав [Материалы, 1885, с. 1–238]¹, был создан иноком Авраамием в самый разгар противостояния противников новшеств с реформаторами в 1667–1669 гг. Выявление древнерусских полемических текстов, а также сочинений, написанных защитниками старого обряда, документальных текстов XVII в., использованных Авраамием, и установление степени редакторского вмешательства составителя во включенный текст, дополнение собственными суждениями – важное направление изучения памятника.

В вышедшей в конце 2022 г. монографии Л.Д. Демидовой «Истоки русского раскола. Инок Авраамий» [Демидова, 2022] перечисленные проблемы блестяще решаются. Появляется возможность, опираясь на достаточно доказательные выводы исследователя, более углубленно рассмотреть характер использования иноком Авраамием сочинений дьякона Федора и особо остановиться на 17-й главе «Христианопасного щита веры», которая составлена из фрагментов старообрядческих сочинений, в том числе дьякона Федора. Это позволит уточнить, каким образом составитель сборника использовал тексты дьякона Федора, чтобы представить идеологию движения, создать своеобразный щит веры для защиты русского православия.

Н.И. Субботин при издании «Христианопасного щита веры» назвал две очевидные и, безусловно, принадлежавшие перу дьякона Федора 21 и 26 главы, подписанные его именем [Материалы, 1885, с. XIX–XX]. Современный исследователь Н.Ю. Бубнов атрибутировал дьякону Федору еще восемь глав.: 5, 12, 14, 17, 27, 34, 35 и 36. К сожалению, все они носят компилятивный характер, в них лишь фрагментарно использованы сочинения дьякона Федора. Н.Ю. Бубнов отметил, что «предложенная атрибуция перечисленных глав “Христианопасного щита веры” дьякону Федору строится на общности источников, использованных им для создания как анонимных, так и безусловно ему принадлежащих сочинений, на известных фактах его биографии, а также на наблюдениях над излюбленными Федором сюжетами, характерными для него ссылками на реалии при доказательствах того или иного положения, использовании специфических оборотов письменной речи». [Бубнов, 1995, с. 65]. Сопоставление текстов дьякона Федора с указанными исследователем главами, приписываемыми

ему, показало, что можно говорить лишь об использовании отдельных фрагментов сочинений Федора Иванова в этих главах.

О ГЛАВАХ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ПЕРУ
ДЯКОНА ФЕДОРА

Глава 26 названа Авраамием «О послании в заточение и о нестерпимом мучении дьякона Феодора за святую церковь, и о еже како искусил властей прелестных». Н.И. Субботин не опубликовал этот текст в VII томе в составе «Христианопасного щита веры», а дал отсылку к первому тому «Материалов для истории раскола...», в который указанный текст включен под заглавием: «Объяснительная записка дьякона Федора по поводу изъявленного им повиновения собору» [Материалы, 1874, с. 420–426]. Н.И. Субботин смог оценить важность этого текста дьякона Федора в историческом и литературном отношении. В нем сообщаются биографические сведения как самого автора, так и других деятелей раннего раскола. Кроме того, текст необычайно интересен для исследователей истории старообрядчества своим лирическим и исповедальным тоном. Он поражает искренностью и глубинной нравственностью автора, который приносит повиновение властям, чтобы не подвергнуть страданиям семью и своих друзей. Неслучайно текст «Объяснительной записки...» публиковался неоднократно. Впервые он был издан Н.С. Тихонравовым в «Летописях русской литературы» [1863, с. 117–120], затем в 1874 г. Н.И. Субботиным. В 1989 г. опубликован Н.С. Демковой в «Памятниках литературы Древней Руси» [1989, с. 485–487]. Все публикации осуществлены по одному и тому же списку «Христианопасного щита веры»². В 1990 г. нами было предпринято издание этого текста по вновь обнаруженному списку отдельных глав «Христианопасного щита веры»³ с учетом разночтений по спискам «Христианопасного щита веры» в ГИМ, Синодальное собр., № 641 и в собр. Уварова, № 805 (501) [Титова, 1990, с. 211–219].

Глава 21 «Христианопасного щита веры», принадлежащая также перу дьякона Федора, названа иноком Авраамием «О вопрошении священнодьякона Феодора нечестивых властей». Она представляет собой фрагмент Послания дьякона Федора, не включенного Н.И. Субботиным в шестой том, в котором опубликованы сочинения Федора Иванова. Текст главы представлен выписками из распросных речей и небольшого фрагмента из «Объяснительной записки», в которой Федор кратко сообщает о том, что пос-

¹ Текст «Христианопасного щита веры» был издан по одной из двух рукописей XVII в. не в полной версии: Н.И. Субботин при издании исключил из текста памятника все не старообрядческие статьи, а также авторские произведения современников, введенные Авраамием в его состав.

² Государственный исторический музей. Синодальное собр. № 641. Л. 177–178 об.

³ Российский государственный музей древних актов. Собр. Мазурина. Ф. 196. Оп. 1. № 532. Л. 113–119.

ле ареста дом его был опечатан и изъята вся его библиотека: «...а тово не ведах, что в дому моем все перепечатали, и слова многия избираны были у мене от божественных писаний и старца Спиридона на отступления и лукавыя догматы их, и то все у меня без нас взяли, и ныне не вем, где их девали...» [Титова, 1990, с. 219].

В Послании этот текст дополнен очень важными сведениями о писаниях Спиридона Потемкина, указывающими на конкретные сочинения духовного отца дьякона Федора: о крестном знамении, изъятии слова *истинный* из Символа веры, «развязании сатаны», причем каждое слово пронумеровано и снабжено подробным заголовком «...Тут же были слова богомудрого старца Спиридония, на них же, противников церковных, писаны небесною философию, зело полезныя церкви, – пишет Федор и далее называет слова Спиридона Потемкина о крестном знамении, изъятии слова *истинный* из Символа веры, «развязании сатаны». Причем каждое Слово пронумеровано, снабжено подробным заголовком и указано начало.

«Первое слово о святолепном изображении крестном святого Мелетия, патриарха Антиохийскаго, ему же начало: “Арианом тогда хулящим”»? «Второе слово на изметающих из Символа истиннаго меч духовный, ему же начало: “О христолюбцы, взыщите истинны Бога ради истиннаго”». «Третье слово вопросительное друг к другу о избрании святых и на предлагающих церковные догматы: ему же начало: “Суть ли между теми, иже видят! Четвертое, странноудивительная догмата всему исполнению церковному о связании сатаны и разрешении”. В этом же ряду названо завершающее список «Пятое слово ответное от лица протопопа Аввакума на послание Андрея Плещеева, ему же начало: “Правду рекл еси, яко любовь, иже по Христе!”»

Перечислив Слова Спиридона Потемкина, дополненные Словом ответным Аввакума, Федор завершает Послание упреком в адрес властей, не понимающих важности писаний «богомудрого» старца Спиридона: «И противу тех словес богомудрых не отвещаша ни единого слова к нам, взявши их к себе: жестоко бо им противу рожну прати. Аминь.»⁴ [Материалы, 1885, с. 183]. Эти конкретные сведения о Словах Спиридона Потемкина и их нумерация уточняют факт составления «Книги» Спиридона дьяконом Федором.

Н.Ю. Бубнов, назвав составителем «Книги» Спиридона Потемкина дьякона Федора, одним из аргументов в пользу своего утверждения привел как раз включение в нее текстов, не принадлежащих перу

Спиридона Потемкина: «Обращает на себя внимание включение в “Книгу” Спиридона Потемкина сочинений, явно ему не принадлежащих, а именно переписки Андрея Плещеева с протопопом Аввакумом. Ответ Аввакума на Послание Андрея Плещеева» [Бубнов, 1995, с. 127].

На самом деле, как нам представляется, наличие у Федора сборника, содержащего блок пронумерованных статей не только Спиридона Потемкина, но и протопопа Аввакума, свидетельствует о более сложном пути формирования «Книги» Спиридона Потемкина. Вполне возможно, что сам Спиридон положил начало оформлению своих и «чужих» слов в особый сборник. Конечно же, мы допускаем, что это подробное уточнение того, что было в доме у Федора, принадлежит Авраамии, знакомому с библиотекой своего друга Федора и пользовавшегося его писаниями, но и этот факт не противоречит предположению о сложном пути формирования «Книги».

Как мы видим, даже краткая характеристика глав с текстами дьякона Федора свидетельствует о важном значении их включения в «Христианоопасный щит» Авраамием, учитывая, что только благодаря Авраамии эти тексты стали достоянием читателей и исследователей.

СОЧИНЕНИЯ ДЬЯКОНА ФЕДОРА И 17-Я ГЛАВА СБОРНИКА ИНОКА АВРААМИЯ

Глава 17 «Христианоопасного щита веры» нам представляется уникальной по наличию в ней фрагментов из общественно значимых старообрядческих сочинений. Она названа иноком Авраамием «На проклятый Никонов собор» и дополнена подзаголовком-аннотацией, которая раскрывает ее основное содержание «Слово и на низложителей и разорителей церковных, на убийцов и губителей христианскаго рода и на разрушителей православныя веры, на властей темных последнего лютаго времени сего» [Материалы..., 1885, 85–95].

Обратившись к анализу текста этой главы, мы выявили отдельные фрагменты одного из произведений дьякона Федора – из его Послания Иоанну Аввакумовичу о священстве [Титова, 2016, с. 77–101]. Это Послание было написано им летом 1669 г. от имени всех пустозерских узников (протопопа Аввакума, священника Лазаря и инок Епифания). Оно копировалось и рассылалось единомышленникам, в первую очередь на Мезень, в Соловки и московскую старообрядческую общину, которую в то время возглавлял инок Авраамий. Один из списков Послания сохранил приписку Авраамия: «Сие послание от отца священнаго диакона Феодора чернец Авраамий прочет, любезно целовав, и рукою своею подписал, яко хотящим спастися тако достоит веровати воистинну...» [Материалы..., 1881, с. 79].

⁴ Выразительная фраза, которой завершает свое Послание дьякон Федор, вошла в русскую речь из славянского перевода Деяний апостолов (9: 5; 26: 14): «Жестоко ти есть противу рожна прати», т.е. «Трудно тебе идти против рожна».

Это достоверное свидетельство того, что уже в 1669 г. Авраамий, работая над составлением «Христианоопасного щита веры», имел Послание Федора к Иоанну Аввакумовичу, из которого выбрал лишь один фрагмент, содержащий довольно резкую характеристику патриарха Никона, причем практически дословно передав этот текст: «Терпит же и приемлет гонение наша Российская ... церковь от всепагубнаго сына геены, Никона еретика и лютейша паче всех древних еретиков: они аще и зли суть, но на благочестие не возмогоша, но сами сняти быша и падоша; сей же, положивший всю вселенную пусту и гради огнем неверия зажже, паче же богоборство воздвиже и гонение велие, а благочестию окончание сотвори и антихристово темное, о люте! царство возстави и Антихристово стадо распуди»⁵ [Материалы, 1885, с. 127].

В данном случае, выбрав из Послания Федора к Иоанну Аввакумовичу лишь один фрагмент, содержащий отрицательную характеристику патриарха Никона, Авраамий отказался от каких бы то ни было собственных добавлений в оригинальный текст. Он посчитал достаточным соединить его с фрагментом, в котором дана столь же отрицательная характеристика патриарха, как и в уникальном старообрядческом анонимном сочинении о Никоне–антихристе. В настоящее время известен единственный его список XVII в. и фрагмент текста в «Шите веры» инока Авраамия: «Той бо лютый блудный змий, двоевидный и многовидный враг, ... овчеобразный волк ... пришествие его по действию сатанину. Сей же всем святым враг, помрачитель вселенных, адов пес...» [Титова, 2023, с. 94].

Приведенные вставки хорошо вписываются в текст главы 17 стилистически, Авраамию удалось сохранить обличительный, местами довольно язвительный слог как дьякона Федора, так и неизвестного автора Слова о Никоне–антихристе. Конечно, такие открытые выпады против церковных и светских властей дорого стоили их авторам: рукописи изымались, а они жестоко были наказаны.

Напомню, что в Послании Иоанну Аввакумовичу о священстве дьякон Федор резко высказывался не только о Никоне, но и о самом государе. Разъясняя единомышленникам в Послании о священстве, о том,

какая сложная ситуация сложилась в это трагическое время для всех приверженцев старой веры – время приближающего прихода в мир антихриста, апеллируя к Священному Писанию, Федор толкует главу 13 Апокалипсиса, вводит сложное понимание апокалипсических «рогов антихристовых» как царей, с помощью которых будет происходить на Руси «последнее отступление» от веры: «И то от часа сего на горшее происходит будет цари нечестивыми: то суть рожи антихристовы... Два рога от земли исходяща виде Богослов: един от тех есть, второй же по нем будет, пособитель же злу» [Титова, 2016, с. 86].

Надо заметить, что дьякон Федор понимал опасность таких высказываний в адрес правящего монарха, отправляя свое Послание Иоанну Аввакумовичу на Мезень. В сопроводительном письме к семье протопопа Аввакума он писал: «И ты, братецъ Иванъ, поради о пользѣ церкви Христовѣ опасно и сотвори такъ, какъ отецъ вам приказалъ: в Соловки пошли и к Москвѣ вѣрнымъ. И тут давай списывать вѣрнымъ челоуѣкомъ, иже довольны будутъ и иныхъ научати, а списывали бы добрымъ письмомъ. А послание, что к тебѣ писано, брате Иване, от меня, и ты того въ Соловки и не посылай руку мою. Судите, какъ лучше; и в Книгѣ все есть, отступникомъ бы не попало: они руку мою знают, и сам рогъ антихристовъ знаетъ, знаетъ руку мою» [Памятники, 1989, с. 489].

Такие дерзкие рассуждения дьякона Федора о «рогах антихриста» как о царях, причем не только о ныне правящем монархе, но и о тех правителях, которые последуют за ним, звучат здесь впервые и проводятся им последовательно в дальнейшем во многих сочинениях. Наглядным подтверждением того, что не только адресат и адресант осознавали опасность такого категоричного суждения о «рогах антихриста» как о «нечестивых царях», и более того, о правящем царе, служат списки Послания дьякона Федора Иоанну, где в соответствующем фрагменте текста слово *цари* тщательно выскоблено⁶, а в другом списке⁷ заменено словом *князьми*.

Выявленные нами два фрагмента из Послания дьякона Федора о священстве и Слова об антихристе анонимного старообрядческого автора свидетельствуют о тщательном выборе иноком Авраамием старообрядческих сочинений, авторы которых вместе с ним встали на защиту истинного православия, веры предков, на защиту традиционных обрядов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к анализу содержания двух глав, составленных иноком Авраамием из сочинений дьякона

⁵ Ср.: Послание Федора: «Но и от всепагубнаго сына геены, пагубнаго сосуда сатанина, являшагося во свое время настоящее, о нем же вам изреку. Никона еретика, адова пса злейши и лютейши паче всех древних еретик, иже быша под небесем: они бо аще и зли суть, но на благочестие не возмогоша, но сами сняти быша и падоша, сей же положи всю вселенную пусту и грады огнем неверия зажже, паче же богоборство воздвиже и гонение велие и благочестию кончание сотворил. Антихристово царство темное... [Титова, 2016, с. 86].

⁶ См.: РГБ. Собр. Ундольского. Ф. 310. № 518. Л. 9.

⁷ Институт русской литературы. Собр. Карельское. № 550. Л. 50 об.

Федора и включенных в состав «Христианоопасного щита веры», позволило показать ценность сборника. Отметим важность этих текстов в историко-литературном отношении, поскольку в них содержатся сведения как о самом авторе, так и об исторических деятелях раннего раскола. Только благодаря включению иноком Авраамием в сборник этих сочинений дьякона Федора они стали достоянием читателей и исследователей.

На примере главы 17 «Щита веры» удалось установить степень редакторского вмешательства составителя во введенный в его книгу текст из сочинения дьякона Федора, продемонстрировать писательское мастерство Авраамия в составлении компилятивных текстов из фрагментов произведений старообрядческих полемистов. Это позволило показать, каким образом составитель сборника старался отбирать тексты, чтобы представить точку зрения противников церковной реформы, начатой патриархом Никоном. Он включил сочинения или их фрагменты, в которых были высказаны взгляды, осуждающие политику Церкви и верховной власти

В заключение отметим, что «Христианоопасный щит веры» нуждается в научном издании в полном виде. Данный сборник представляет собой «хранилище» рукописей (термин американского слависта Роберта Крамми), многие из которых известны только по этому «рукописному собранию». Некоторые вошедшие в него сочинения предоставляют возможность уточнить время их написания, а также получить новые сведения об известных памятниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб.: БАН, 1995. 434 с.

Демидова Л.Д. Истоки русского раскола: инок Авраамий. СПб.: Нестор-История, 2022. 352 с.

Летописи Русской литературы и древностей / под ред. Н.С. Тихонравова. М.: Тип. Грачева и К°, 1863. 447 с.

Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / под ред. Н. Субботина. М., 1874. Т. 1. 491, VI с.

Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / под ред. Н. Субботина. М., 1881. Т. 6. 335 с.

Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / под ред. Н. Субботина. М., 1885. Т. 7. 434 XXX с.

Памятники литературы Древней Руси. XVII век. / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1989. Кн. 2. 704 с.

Титова Л.В. Объяснительная записка дьякона Федора по поводу изъясненного им повиновения собору // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 211–219.

Титова Л.В. Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу о священстве – идеологический документ раннего этапа старообрядческого движения // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск. 2016. С. 77–101.

Титова Л.В. «Похвала святейшему патриарху Никону» и «Об антихристе» – диалог текстов идейных противников // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 91–96. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-07.pdf>

REFERENCES

Bubnov N.Yu. (1995). Old Believer book in Russia in the second half of the 17th century: sources, types and evolution. Saint Petersburg, BAN, 435 p. (In Russ.)

Demidova L.D. (2022). The origins of the Russian Schism: the monk Avraamy. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 352 p. (In Russ.)

Dmitriev L.A., Likhachev D.S. (eds.) (1989). Literary monuments of Ancient Russia. XVII century. Moscow, Khudozh. lit., bk. 2. 704 p. (In Russ.)

(1863). Chronicles of Russian literature and antiquity, published by Nikolai Tikhonravov. In 5 vol. Moscow, Tip. Gracheva i K°, vol. 5, 447 p. pag. var. (In Russ.)

Subbotin N. (ed.) (1874). Materials for the history of the Schism for the first time of its existence, published by the Fraternity of St. Peter Metropolitan. In 9 vol. Moscow, Tip. E. Lissner i Yu. Roman, vol. 1: Documents containing news about people and events from the history of the Schism for the first time of its existence, pt.1: On the persons who were tried at the cathedral of 1666–1667. 491, VI p. (In Russ.)

Subbotin N. (ed.) (1881). Materials for the history of the Schism for the first time of its existence, published by the Fraternity of St. Peter Metropolitan. In 9 vol. Moscow, Tip. E. Lissner i Yu. Roman, vol. 6: Historical and dogmatic-polemical writings of the first Schism teachers, pt. 3: Writings of the former Cathedral of the Annunciation deacon Fyodor Ivanov, 335 p. (In Russ.)

Subbotin N. (ed.) (1885). Materials for the history of the Schism for the first time of its existence, published by the Fraternity of St. Peter Metropolitan. In 9 vol. Moscow, Tip. E. Lissner i Yu. Roman, vol. 7: Historical and dogmatic-polemical writings of the first Schism teachers, pt. 4: "The Christian Secure Shield of Faith", Petition and other writings of the monk Avraamy. XXX, 434 p. (In Russ.)

Titova L.V. (1990). Deacon Fyodor's explanatory note regarding his obedience to the cathedral. *Obshchestvennoye soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, pp. 211–219. (In Russ.)

Titova L.V. (2016). Epistle of deacon Fyodor to Ioann Avvakumovich about the priesthood – an ideologist document of the early stage of the Old Believer movement. *Arkheograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty v izuchenii istorii Rossii*. Novosibirsk, pp. 77–101. (In Russ.)

Titova L.V. (2023). "Praise to His Holiness Patriarch Nikon" and "On the Antichrist" – dialogue of texts by ideological opponents. *Istoricheskiy kur'er*; no. 2, pp. 91–96. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-2-7. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.05.2023

Дата рецензирования 15.05.2023

Статья принята к публикации 01.06.2023

DOI: 10.15372/HSS20230305

УДК 801.8(470)"16/17"

EDN: RZVYEG

Н.С. ГУРЬЯНОВА

СЮЖЕТ О МИТРОПОЛИТЕ ИСИДОРЕ В СИСТЕМЕ АРГУМЕНТАЦИИ СТАРООБРЯДЦЕВ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье представлены результаты анализа сюжета о митрополите Исидоре, который нашел отражение в рукописных сборниках, составленных во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Показано, что соловецкий инок Геронтий сумел отыскать в памятниках письменности сообщения о реальных исторических событиях, связанных с Ферраро-Флорентийским собором, об участии в нем митрополита Исидора, о его предательстве и деятельности после возвращения из Италии в пользу папы Римского. Выговцы в начале XVIII в., опираясь на проделанную им работу, значительно расширили круг цитируемых источников. Сделан вывод, что сюжет об Исидоре получил полное освещение в сборниках и стал важным аргументом в системе доказательства незаконности новшеств, внесенных в обряд и богослужебную практику Русской церкви в результате реформы, начатой патриархом Никоном.

Ключевые слова: Русская церковь, раскол, рукописные сборники, Геронтий Соловецкий, Выговское общежитие.

Для цитирования: Гурьянова Н.С. Сюжет о митрополите Исидоре в системе аргументации старообрядцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 36–43.

N.S. GURIANOVA

THE PLOT ABOUT METROPOLITAN ISIDOR IN THE SYSTEM OF THE OLD BELIEVERS' ARGUMENTATION

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article presents the result of the analysis of the plot about Metropolitan Isidor, which was reflected in the handwritten collections compiled by the opponents of the church reform in the second half of the XVII – the first quarter of the XVIII centuries. The study of the Old Believers' appeal to the events of the past in order to find an analogy with the present and to use it as an argument testifying to fairness of the defended point of view on innovations, is an important direction in research of the ideology of the religious and social movement. This determines the relevance of the topic of the article. The analysis of the content of the collection compiled by the Solovetsky monk Geronty provided an opportunity to show that the compiler was able to find and include in the collection some fragments of texts from manuscripts that quite fully describe the events associated with the Council of Ferrara-Florence, the conclusion of the Union there, the betrayal of Orthodoxy by Metropolitan Isidor and his return to Moscow. In the author's comments to the copied quotes, which were placed on the margin or in the heading annotation, the compiler emphasized the nomination of the four-pointed Cross as a "Latin cross". In the center of the Pomorsky community, the Vyg community, the Old Believers, compiling the collection in the first quarter of the XVIII century based on the work done by the Solovetsky monk, significantly increased the range of used written monuments. It is noted that the event outline of the plot about Isidor is basically repeated in various written monuments, so the extracts copied by the compilers did not introduce any additional details. For the Old Believers, it was important to emphasize the consistency of the information reported in various sources, so they included fragments of different texts presenting the same facts in the same interpretation. By quoting from various manuscripts, the Vyg monks were able to show that the Tale of Simeon of Suzdal served as a source. It is concluded that the plot about Isidor was fully explained in the collections and became an important argument for the next generations of Old Believers in the system of proving the illegality of innovations introduced into the rite and liturgical practice of the Russian Church as a result of the reform initiated by Patriarch Nikon.

Key words: Russian Church, Schism, manuscript collections, Geronty Solovetsky, Vyg community.

Статья выполнена по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

Наталья Сергеевна Гурьянова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: gurian@academ.org; <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>.

Natalia S. Gurianova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Патриарх Никон, внося изменения в обряд и богослужебную практику Русской церкви, которые нашли отражение в печатных книгах, вызвал отрицательную реакцию в среде части духовенства и людей, имеющих отношение к издательскому делу. Об этом свидетельствуют открытые выступления против введенных новшеств, например, демонстративный протест протопопа Аввакума, а также челобитные, написанные на имя государя с целью убедить его в незаконности и неправомерности действий патриарха. Церковь попыталась представить обоснование необходимости и справедливости внесенных в обряд и богослужебную практику изменений, обеспечив соответствующие соборные решения, изложив аргументы в предисловии к Служебнику, изданному в 1655 г., и более полно в сборнике «Скрижаль».

Исследователи давно обратили внимание на ценность старообрядческих сборников, составленных из фрагментов текстов, как источников для исследования книжной культуры составителей, изучения идеологии движения¹. В системе аргументации противников церковной реформы важное место заняли сюжеты из событий прошлого. Первоначально речь шла в основном об апелляции к историческим книгам Библии. Углубление наших представлений о процессе использования старообрядцами исторических сюжетов в системе доказательства справедливости отстаиваемой точки зрения на новшества является важной научной проблемой. Этим обусловлена актуальность темы статьи.

РУКОПИСНЫЕ СБОРНИКИ, СОСТАВЛЕННЫЕ ПРОТИВНИКАМИ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ В XVII в.

Защитники старого обряда в челобитных и авторских сочинениях, аргументируя незаконность действий реформаторов, использовали цитаты из текстов Священного Писания, святоотеческого предания, а также отсылали к сюжетам о событиях прошлого. Первоначально, как было отмечено ранее, речь шла преимущественно о сюжетах из Библии. Ярким примером может служить содержание сборника XVII в., введенного в научный оборот И.М. Кудрявцевым [1972, с. 149–219]. Исследователь опубликовал в Приложении содержащиеся в этом сборнике «Выписки из книг», сделанные протопопом Аввакумом [Там же, с. 192–204]. Разумеется, в заглавии обозначено, что «Выписано от Божественнаго Писания» [Там же, с. 192]. Действительно, заметки состоят из формулировки обсуждаемой проблемы и текста цитаты или ее пересказа, а в конце дана точная отсылка к исходному

тексту. Приведем типичный пример подобной записи: «51. (О вине). Библия. По згорении Надава и Авиида глагола господь ко Арону, сице рекый: Вина и сисера да не пиешы ты и сынове твои во веки, да не смертию умрете. И та заповедь вечна и по народах ваших. Книги 3 Моисеовы, глава 10» [Там же, с. 194]².

Судя по опубликованным записям, Аввакум не всегда напрямую обращался к Библии, чаще всего он использовал истолкования Священного Писания в святоотеческом предании. Важно, что сюжеты о событиях прошлого защитники старого обряда черпали в основном из исторических книг Библии. Ситуация изменилась после Московского собора, состоявшегося в 1666–1667 гг., на котором были осуждены и преданы анафеме противники нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви. Стиль челобитных и авторских сочинений превращался во все более обвинительный еще накануне собора. Сборники к этому времени тоже претерпели определенную трансформацию.

Составители стали включать не только фрагменты текстов из Священного Писания и святоотеческого предания, поучительные сюжеты из Библии, но и ссылки на события из русской истории. Об этом свидетельствует сборник РНБ, Q.XVII.187, составленный в конце 50-х гг. XVII в. Сергием Шелониным³. Составитель включил сочинение «Прение Арсения Суханова с греками»⁴, в котором описан реальный диспут, состоявшийся в ходе поездки русского церковного деятеля и дипломата на Восток. В сочинении Арсений Суханов защищал перед иерархами-греками чистоту русского варианта православия и его обрядов. Этот текст оказался востребованным в среде защитников старого обряда, поскольку в нем автор отстаивал те его особенности, которые противники новшеств провозгласили традиционными для Русской церкви. На него будут ссылаться авторы сочинений, а составители сборников копировать фрагменты.

Сергий Шелонин во многом определил круг исходных текстов для соловецких книжников, оформивших идеологию Соловецкого восстания⁵. Создание им Хронографа особого состава⁶, в котором история страны, вернее, важные, по его мнению, периоды включены в поток христианской истории, позволило его последователям акцентировать внима-

¹ См., напр.: [Беляева, 1996, с. 37–52; Гурьянова, 2017; Поздеева, 1988, с. 84–99; Чумичева, 1992, с. 59–69].

² Комментарий исследователя по поводу этой записи см.: [Кудрявцев, 1972, с. 206–207].

³ Описание сборника и характеристику содержания см.: [Сапожникова, 2010, с. 360–374].

⁴ Об этом сочинении см.: [Сапожникова, 2010, с. 365–366; Богданов, 2019, с. 145–188].

⁵ О влиянии Сергия Шелонина на соловецких иноков подробно см.: [Сапожникова, 2010, с. 336–344].

⁶ Об этом сочинении и его публикацию см.: [Панченко, 2010, с. 361–512].

ние на эпизодах из истории государства. Челобитные священника Лазаря показательны в этом плане. Автор, разумеется, ссылаясь на соответствующие тексты Священного Писания и святоотеческого предания, чтобы доказать незаконность нововведений, но значительную долю аргументов составляют отсылки к событиям прошлого, библейским и из русской истории [Гурьянова, 2017, с. 64–84].

Еще более ярко использование исторических сюжетов в качестве аргументов проявилось в сборнике, составленном уставщиком Соловецкого монастыря Геронтием – РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 706, в котором 205 листов заняты выписками из авторитетных рукописей и старопечатных книг⁷. Разумеется, в статье не представляется возможным даже обозначить все исторические сюжеты, представленные составителем, поэтому остановимся только на одном, связанном с реальным историческим событием – о пребывании в России митрополита Исидора⁸. В сборнике к этой теме обращаются дважды.

Впервые после фрагментов из святоотеческого предания с толкованием на текст пророка Исаии о том, что Крест Христов сотворен от «кипариса, певга и кедра», которые должны были убедить читателей в традиционности трисоставного Креста⁹. Затем помещены выписки с обозначением на поле: «Летописец Иоасафа Сороцкого дачи»¹⁰. В заглавии первой из них, значительной по объему¹¹, дана аннотация для читателей: «Повесть из летописца о крыже латынском, им же ныне в руской земле начаша просвиры печатати»¹². Составитель сразу сориентировал, каким образом следует воспринимать представленный текст, на решение какой проблемы он направлен. Заявлено, что четырехконечный Крест является «крыжем латынским».

Помещенный далее фрагмент из Летописца поведствовал о прибытии на Русь в 1472 г. царевны Софьи Палеолог. В сообщении указано, что она прибыла на Русь 11.10.1472 г., а также охарактеризовано ее происхождение. Подробности, каким образом происходило шествие по русской земле Софьи и сопровождавшей ее свиты, описаны после сообщения о приближении к Москве. Они введены следующим образом: «И октября в 30-е из Великого Новаграда поидоша к Москве. И яко уже близ Москвы им бывшим, сказаша великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, что посол Антоний лягатос идет с царевною а

пред ним несут крыж, понеже бо папа то почесть великую даде послу своему ити тако ему по всем землям их и до Москвы»¹³.

Естественно, легат папы Римского нес впереди процессии католический крест, который в сообщении великому князю назван «крыжем». При этом подчеркивается, что миссия посла в русской земле очень важна для папы. После донесения, как сообщается в скопированном фрагменте из Летописца, в окружении великого князя стали обсуждать ситуацию: одни считали, что не следует «возбранять» появление в Москве процессии в таком виде, а другие считали, что этого нельзя допустить, поскольку это будет означать выражение «почтения латинской вере». В контексте описания этого диалога упоминается митрополит Исидор. Одна из сторон утверждает, что подобное было при нем и это для него плохо закончилось: «Единою было, учинил той Исидор митрополит греческий и той погibe и от святого собору проклят»¹⁴.

В Летописце придается особое значение мнению, высказанному митрополитом Филиппом. Пересказан диалог митрополита с великим князем, который и решил вопрос о запрете вхождения миссии в Москву с католическим крестом. Эта выписка завершается описанием венчания митрополитом Ивана Васильевича и Софьи и указанием на полное поражение посольства папы Римского. Следом размещен фрагмент из этой же рукописи, озаглавленный так: «В той же летописной книге пишет о Исидоре митрополите греческом и о крыже латынском сице»¹⁵. Хронологическая непоследовательность, т.е. сначала освещение события, случившегося позже, а затем описание более раннего, вполне объясняется указанием на их взаимосвязь в скопированном первом фрагменте. Составителей явно привлекло в нем более подробное объяснение связи появления католического креста на Руси с миссией папы Римского.

На поле помещена информация, которая, по замыслу составителя, должна была сориентировать, в каком ключе следует воспринимать текст второй выписки: «Зри, яко Крест Христов и крыж не едино есть. И за крыжное поклонание той Исидор написан zde богоотступником»¹⁶. Эта аннотация сопровождает скопированный фрагмент из Летописца, в котором кратко излагается сюжет о том, как митрополит Исидор еще по пути на Ферраро-Флорентийский собор нарушил данное великому князю обещание отстаивать православную веру на соборе. В скопированном тексте сообщается, что в г. Юрьеве его вышли встречать православные и католики и он первым привет-

⁷ Описание сборника и общую характеристику содержания см.: [Чумичева, 1992, с. 61–63].

⁸ О событиях Ферраро-Флорентийского собора, связанных с именем митрополита Исидора см.: [Флоря, 2007, с. 368–431].

⁹ Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 97. Л. 42–43.

¹⁰ Об этой рукописи см.: [Бубнов, 2006, с. 92].

¹¹ РГБ. Ф. 98. Л. 43 – 45 об.

¹² Там же. Л. 43.

¹³ Там же. Л. 43 – 43 об.

¹⁴ Там же. Л. 43 об. – 44.

¹⁵ Там же. Л. 45 об.

¹⁶ Там же. Л. 46.

ствовал католический Крест, который и дальше почитал. Выписанная цитата, действительно, как следует из аннотации, размещенной на поле, завершается утверждением о том, что за почитание «крыжа лятцкого... от соборныя апостольския Церкви» он был проклят¹⁷.

Два сюжета, посвященных описанию реальных исторических событий, включены составителем в контекст обсуждения вопроса о Кресте Христовом. Представленные выписки из Летописца только обозначили обсуждаемую проблему, в центре которой, по замыслу составителей, был митрополит Исидор. Первый скопированный фрагмент сопровождает помещенная на поле отсылка следующего содержания: «Зри зде лист 161 и 166»¹⁸. Геронтий сопровождал перекрестными ссылками включенные тексты, которые являются дополнением, развивающим сюжет. Так он поступил и в данном случае, отправив читателя к другой подборке фрагментов текстов, продолжающих обсуждаемую тему.

Действительно, на л. 162–167 (старые номера л. 161–166) помещен текст, озаглавленный так: «Из книги Степенные, грань 14, глава 7. О суетном Исидоре, развращенном митрополите, и о Римском нечестивом соборе, и кончина греческого царя и патриарха»¹⁹. На поле дано указание: «Зри зде, лист 43»²⁰, т.е. Геронтий отослал читателей к подборке выписок из Летописца. Далее скопирована практически вся 7-я глава, в которой подробно излагается официальная версия сюжета о митрополите Исидоре²¹. Для читателя проясняется, о нарушении Исидором какого обещания великому князю шла речь в Летописце. В главе на этом сделан акцент. Описывается, что великий князь увещал Исидора, не советуя принимать участие в этом соборе, но если идти в «латынскую землю», то по возвращении ему князь предлагал сохранить «в нас сияюще благочестие». В ответ на эти уговоры Исидор якобы «тяжкую клятву на ся положи», что он так и сделает²².

Эту тему автор Степенной книги затронет еще раз в конце главы, представив великого князя в качестве ревнителя благочестия, которому якобы «откры Господь Бог велеумне разумевати и вся мудрствовати о истинне»²³, отсылая читателя к увещаниям перед отъездом Исидора и повторив еще раз данное митрополитом обещание. По возвращении в Москву Иси-

дор, как повествуется в главе, хотел «лукавством соединити православие с латынством», но великий князь, «Богом вразумленный», обличил его еретичество. Далее сообщается: «И от всех, сущее православие ведящих, посрамлен бысть и проклят зломудренный Исидор. Его же и в наказание послаша в монастырь, глаголемый Чюдовский. Он же злехитрством своим побеже оттуду ко Твери, и паки оттуду во свое злочестие к латынству в Рим ко своему папе Евгению...»²⁴

Составитель включил в сборник главу из Степенной книги, чтобы достаточно подробно представить предательство митрополита Исидора и его судьбу, дополнив сюжет о нем, изложенный в выписках из Летописца. Следом помещен текст, который на поле прокомментирован так: «О том же Исидоре, како путем шел с крыжем из Рима к Москве. В Книге, лист 43»²⁵. Отсылка к л. 43 этого сборника, по-видимому, означала, что Геронтий включил еще один фрагмент из Летописца. Аннотация и содержание этого текста свидетельствуют о стремлении составителя дополнить материал из Степенной книги, сделав акцент не только на том, что по возвращении из Рима Исидор нес перед собой крыж, но и при совершении службы упомянул папу Римского²⁶. В этом фрагменте текста еще раз сообщается о том, что Исидор был обличен и посажен в Чудов монастырь, откуда сбежал. Далее кратко описывается его дальнейшая судьба.

Геронтий очень умело излагает сюжет о митрополите Исидоре. Первый раз он включает его при обсуждении проблемы о Кресте Христовом, а во второй раз, продолжая тему поставления патриарха. Сделав перекрестные отсылки, он представил сюжет о реальном историческом событии более полно. Названия-аннотации и комментарии на полях помогают воспринимать эти тексты как единый сюжет, в котором каждый фрагмент выполняет свою функцию, дополняя друг друга. Соловецкий инок явно стремился обеспечить не только полноту описания сюжета, но и его достоверность, указав на авторитетные тексты, из которых он скопировал фрагменты.

СЮЖЕТ О МИТРОПОЛИТЕ ИСИДОРЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ СБОРНИКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Совершенно очевидно, что работа, проделанная Геронтием, по оформлению сюжета об Исидоре в качестве аргумента при доказательстве несправедливости использования четырехконечного креста в богослужебной практике, оказала существенное влияние на следующие поколения защитников старого обряда.

¹⁷ РГБ. Ф. 98. Л. 46 об. – 47.

¹⁸ Там же. Л. 45 об.

¹⁹ Ср.: «Глава 7. О суетном Исидоре, развращенном митрополите, и о подвизе православных, и кончина греческих царя и патриарха» [Степенная..., 2008, с. 134].

²⁰ РГБ. Ф. 98. № 706. Л. 162.

²¹ Там же. Л. 162–167. См.: [Степенная..., 2008, с. 134–136].

²² РГБ. Ф. 98. № 706. Л. 163.

²³ Там же. Л. 166.

²⁴ Там же. Л. 166 об.

²⁵ Там же. Л. 167.

²⁶ Там же. Л. 167 – 167 об.

Это особенно заметно, если обратить внимание на рукописное наследие Выговского общежития. В сборнике РГБ, ф. 247, № 563²⁷, составленном в первой четверти XVIII в. в ожидании публичной дискуссии с представителем официальной Церкви, сюжет об Исидоре представлен большим количеством фрагментов текстов, посвященных описываемым событиям²⁸.

Составители, явно ориентируясь на Геронтиевский сборник, использовали те же письменные источники, иногда даже делая выписку из той же рукописи, что и предшественник. Они явно обращались к исходным текстам, поскольку не воспроизводили тот же фрагмент, а значительно увеличивали его объем. Так составители поступили с выпиской из Летописца, дополнительно включив текст, предваряющий цитату из Геронтиевского сборника и продолжающий его²⁹. Это позволило им более полно представить информацию о появлении царевны Софьи на Руси, о посольстве от папы во главе с легатом Антонием. С краткого сообщения об этом посольстве начинается тематический раздел сборника, посвященный митрополиту Исидору³⁰.

Выговцы, как и Геронтий, демонстрировали связь двух событий, которые разделены во времени. Одно – случившееся в правление Василия Васильевича, а другое – в правление Ивана IV. Не случайно составители начинали с информации о втором событии. Это вполне объясняется тем обстоятельством, что противники церковной реформы были осведомлены о том, что посол от папы Римского А. Поссевино прибыл в 1581 г. в Москву с целью убедить Ивана IV восстановить заключенную в 1439 г. унию, поэтому вручил ему Книгу деяний Флорентийского собора. По-видимому, защитники старого обряда считали, что наличие документальных свидетельств о событиях Ферраро-Флорентийского собора служило доказательством достоверности изложенного в сюжете о митрополите Исидоре.

Для соловецкого иноква важным было подчеркнуть обозначение четырехконечного Креста в цитируемых письменных источниках «крыжем латынским», «крыжем ляхким», а старообрядцы в первой четверти XVIII в. делали акцент не только на обозначении четырехконечного Креста. Они старались подчеркнуть поражение противников православия. Об этом свидетельствуют названия-аннотации к представленным выпискам. Ярким примером может служить заглавие к первой: «О Марце Ефеском, како

правду говорил на осмом соборе латынском и како возбрани их прелести и православную веру исповеда. И о Исидоре митрополите, како прельстися от латын и прииде с лестию во град Москву и обличен бысть и посрамлен от благочестиваго государя и великаго князя Василья Васильевича всеа Русии самодержца и како отбеже в Рим к злочестивому папе Римскому Евгению»³¹.

Составители обозначили фрагмент как выписку: «Из книги Дионисия митрополита Московскаго»³² на концев книги»³³. Не случайно выговцы остановили свой выбор на воспроизведении информации из рукописи, связанной с именем митрополита Московского Дионисия. Сразу после его поставления на первосвятительскую кафедру в Москву прибыл посол папы Римского А. Поссевино. Считается, что труды митрополита Дионисия неизвестны, поэтому следует обратить внимание на факт воспроизведения выговцами фрагмента из его Книги.

Событийная канва сюжета об Исидоре в основных чертах повторяется в различных письменных источниках, поэтому копируемые составителями выписки не вносили никаких дополнительных деталей. Единственное, чем отличается информация, – это авторские комментарии, создающие образ главного героя. В представленной выписке кроме изложения факта присутствует рассуждение о скрытых мыслях Исидора. Так, например, сообщение о данном обещании великому князю защищать на 8-м соборе православие, дополнено следующим образом: «Лжесловесно бо глаголаше сия, скрывая мысль злу в сердцы своем, хотя совратити люди Божия со истиннаго пути святых веры и соединити к латыном, мнев себе единого мудрейша во всех»³⁴.

При составлении сборника выговцы использовали рукописи библиотеки Соловецкого монастыря. Об этом свидетельствуют указания в заглавиях выписок. Следующим помещен фрагмент, обозначенный так: «Из Книги Козмографии болшия Соловецкия. От главы 18. О Исидоровом хождении на Флоренский собор»³⁵. В скопированном тексте описывается встреча Исидора, направляющегося в Рим, православными и католиками в г. Юрьеве, когда он пренебрег «святыми православными крестами и иконами», а предпочел поклониться «крыжу ляхкому».

Содержание следующего фрагмента и описание рукописи, из которой он скопирован, представлены в названии-аннотации более полно: «Книга Соловецкаго монастыря казенная, в десть, писменная, различ-

²⁷ Описание сборника см.: [Плигузов, 1982, с. 104, сн. № 7; с. 106, сн. № 12].

²⁸ РГБ. Ф. 247. Л. 82 – 92 об.

²⁹ Там же. Л. 89 об. – 91 об.

³⁰ Там же. Л. 82.

³¹ Там же. Л. 82 – 82 об.

³² О нем см.: [Макарий, архим., 2007, с. 269–271].

³³ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 82.

³⁴ Там же. Л. 83.

³⁵ Там же. Л. 83 об.

ных словес. В ней же написано на 1-м листе: Книга монастырская старая на латыни. Слово избрано от Святых Писаний, еже на латыню и сказание о ставлении осмаго собора латынского и о извержении Исидора прелестнаго, и о поставлении в рустей земли митрополитов. О сих же похвала благоверному великому князю Василию Васильевичу всея Руси. Ниже...»³⁶ Составители сборника поместили рядом два варианта сообщения, которые практически дословно повторяют информацию об Исидоре с уведомлением об осознании окружающими уже на этом этапе его богоотступных дел. В тексте эта мысль проводится благодаря епископу Авраамии, который, как описывается, был ужасом объят, что Исидор «еще не дошед до Рима богоотступная дела творит».

По-видимому, для старообрядцев важно было подчеркнуть непротиворечивость сведений, сообщаемых в различных письменных источниках, поэтому они включали фрагменты текстов с изложением одних и тех же фактов в одинаковой интерпретации. Следом составители поместили выписку, озаглавленную так: «Из Книги Истории, острожския печати о Флоренском соборе и о Исидоровом шествии на той собор»³⁷. В скопированном тексте представлены уже описанные события в несколько ином изложении, но не меняющем их сути. Например, католики якобы приветствовали Исидора, неся перед процессией вместо Креста «великого вытесаного болвана», а епископ Авраамий, как сообщается, «мовил тихо до своих» о том, что, по-видимому, поставили на митрополичью кафедру волка, прикрытого «овчим одеянием»³⁸.

После острожского издания составители поместили два фрагмента текста, в которых опять практически дословно воспроизводится информация об уже известных фактах, имевших место на пути Исидора в Рим. Первой помещена выписка из Жития митрополита Ионы, которая явно вторична по отношению к выписке, помещенной следом и обозначенной так: «Из Книги различных посланий святительских от Послания Ионы, митрополита Киевского и всея Руси»³⁹.

Отобран фрагмент с обращением митрополита Ионы к православным, в котором кратко, но очень эмоционально и оценочно излагается сюжет об Исидоре: «О сем же вам пишу, своим детям, с великим молением воспоминаая оното отступника, яко древняя-

го Фармос Исидорова к нам прихождение, яко волка, одянна во овчию кожу. И мало zde се побыв, да пошел к збору в Рим до папы, рекше о укреплении нашего православия»⁴⁰. Далее в Послании Иона пересказал сюжет о встрече Исидора по пути в Рим населением городов с католическими и православными крестами, дополнив утверждением о том, что он оставил «свою православную Церковь».

Таким образом, составители включили подборку фрагментов текстов, в которых сообщались факты о пути Исидора на 8-й Ферраро-Флорентийский собор. В них повторялась одна и та же информация с некоторыми дополнительными авторскими оценочными комментариями, которые носили эмоциональный характер и отрицательно характеризовали главного героя сюжета. Указывая на источник, из которого копировался фрагмент, составители явно стремились подчеркнуть авторитетность рукописей, печатных изданий. Непротиворечивость представленной информации должна была убедить читателей в достоверности описанных событий.

Подобным образом составители подошли и к представлению текстов, в которых сообщается о возвращении Исидора в Москву после подписания соборного решения об унии. Эта тема открывается вторым фрагментом, скопированным из Книги митрополита Дионисия. В заглавии обозначена тема Книги следующим образом: «Из Книги Дионисия митрополита Московского. На папина посла Антония Посевина»⁴¹. В скопированном тексте внимание уделено описанию поступков Исидора, которые свидетельствуют о его отступлении от православия: «По сих же прииде Исидор на рускую землю в богоспасаемый град Москву к благочестивому и благоверному великому князю Василию Васильевичу, скрывая прелесть латынские в себе ереси, еже изнесе на истинное православие»⁴².

Составители сборника уделили изложению этой части сюжета об Исидоре особое внимание, не только включив выписки из уже использованных рукописей, но и значительно расширив круг памятников, из которых они копировали фрагменты. После цитаты из Книги митрополита Дионисия, как и в случае с описанием пути Исидора на Ферраро-Флорентийский собор, помещены выписки «Из Книги Козмографии болшия соловецкия. От главы 18...» и «Из Книги Соловецкаго монастыря казенныя древния в десть, письменныя на латыни. О составлении осмаго собора»⁴³. В результате было представлено логичное продолжение описания сюжета об Исидоре, который воз-

³⁶ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 84.

³⁷ Там же. Л. 84 об. Речь идет о тексте «История о листрикийском, то есть о разбойническом, Ферарском, альбо Флорентийском синоде в коротце правдиве списаная». Острог: Тип. Острожская, 1598. (Описание издания см.: [Гусева, 2003, с. 1087–1088].

³⁸ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 84 об. – 85.

³⁹ Там же. Л. 85 об. О событиях, связанных с этим посланием, и о его содержании см.: [Флоря, 2007, с. 416–417].

⁴⁰ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 85 об.

⁴¹ Там же. Л. 86.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 86 об. – 87.

вратился в Москву «с великою гордостью и неправдою, и буйством латынским»⁴⁴.

В скопированных фрагментах сообщается о поступках Исидора, свидетельствующих о его отступлении от православной веры. В одном ряду называются почитание «крыжа латынского», уважение к «фрязскому праву» и поминание им в службе вместо православных патриархов папы Римского. В качестве подтверждения справедливости описания поступков Исидора после возвращения в Москву составители включили фрагмент, озаглавленный так: «От Повести инока Семиона, иерея Суздальца⁴⁵, како римский папа Евгений составил осмый собор с своими единомысленниками»⁴⁶. Они выбрали фрагмент из Повести, который явно послужил источником для авторов ранее процитированных текстов.

Выговцы сумели найти повторяющиеся сообщения о поступках Исидора в Москве после его возвращения из Италии. После этого они скопировали еще один фрагмент подобного содержания, который обозначен как выписка из «Книги история русская древняго писма, писана бысть сия история во граде Пскове в лето 7076-е»⁴⁷. В этом тексте представлен весь сюжет об Исидоре, начиная с поставления на Московскую митрополию и с рассказа о встрече с великим князем, данном ему обещании защищать православие, о путешествии на 8-й собор и о возвращении обратно. По-видимому, этот фрагмент привлек внимание составителей, поскольку в нем от первого лица помещен пересказ, чаще дословный, Повести Симеона Суздальского: «Мне же, Симеону, бывшу немного дней от Флорентия идучи, в Смоленске...»⁴⁸ Далее описаны его арест и заточение: «И мне же всю зиму сидевшу в железах во единой свитце и босу, и гладну и повезоша мя к Москве Сидору митрополиту...»⁴⁹

Совершенно очевидно, что информация о Симеоне Суздальском необходима была для того, чтобы убедить читателей в авторитетности отрицательного мнения об Исидоре и о 8-м соборе, которое высказал участник событий. Далее помещен фрагмент, скопированный из «Книги о вере» [Книга, 1648]⁵⁰, в котором сообщается со ссылкой на Житие св. Сергия Московского о явлении святого Симеону с предсказанием о необходимости следовать за Марком Ефесским, на что он якобы «благословения от святого сподобихся»⁵¹. Современный исследователь А.В. Пи-

гин справедливо выделял в качестве особой тематической группы текстов старообрядческие видения, содержание которых «составляет не сам исторический факт как таковой, а провиденциально-символическое осмысление его» [Пигин, 2006, с. 207]. В данном случае составители сборника, поместив рассказ о видении Симеону, привели безусловный для читателей аргумент в пользу авторитетности мнения, высказанного автором письменных памятников, который представлен визионером.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А.А. Турилов, характеризуя источники по истории Ферраро-Флорентийского собора, повествующие об этом событии или отражающие реакцию православного сообщества на заключенную на нем унию, заметил, что они «не образуют в русской рукописной традиции XVI–XVII вв. целостного комплекса» [Флория, 2007, с. 437]. Анализ соответствующих частей Геронтиевого сборника и сборника, составленного выговцами в первой четверти XVIII в., показал, что противники церковной реформы сумели отыскать в памятниках письменности тексты, излагающие достаточно полно сюжет о митрополите Исидоре. Соловецкий инок посчитал, что, скопировав главу из Степенной книги с изложением официальной версии событий, предоставил читателям достаточно материала для решения вопроса об отношении к митрополиту Исидору. Для него важно было провести аналогию четырехконечного Креста с католическим «крыжем латынским».

Выговцы, опираясь на проделанную им работу, сумели не только значительно расширить круг цитируемых источников, но и сделать акцент на победе православия, подробно изложив историю Марка Ефесского. В центре их внимания оказалась Повесть Симеона Суздальского⁵², которая, по мнению А.А. Турилова, устойчиво воспринималась книжниками как центральный памятник, служащий основой для позднейших компиляций (см. [Флория, 2007, с. 437]). Выговцы действительно, скопировав фрагменты из разных памятников письменности, сумели показать, что источником служила Повесть Симеона Суздальского. После этого они сосредоточили внимание на доказательстве авторитетности автора.

Сюжет об Исидоре получил полное освещение в сборниках и стал важным аргументом в системе доказательства незаконности новшеств, внесенных в обряд и богослужебную практику Русской церкви в результате реформы, начатой патриархом Никоном. Упоминание о событиях, связанных с митрополитом

⁴⁴ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 86 об.

⁴⁵ О нем см.: [Дробленкова, 1989, с. 334–336].

⁴⁶ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 87.

⁴⁷ Там же. Л. 87 об.

⁴⁸ Там же. Л. 88.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Ср.: [Книга, 1648, л. 165 – 165 об.] Описание издания см.: [Зернова, 1958, с. 67, № 209].

⁵¹ РГБ. Ф. 247. Л. 89.

⁵² Историю изучения Повести и публикацию текста см.: [Флория, 2007, с. 437–453].

Исидором, в качестве аргумента против четырехколенного Креста для авторов сочинений и составителей сборников в XVIII вв. станет привычным делом. При этом уже не требовалось изложение всех обстоятельств произошедших реальных событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева О.К. Редакторская работа выговских книжников над Дьяконовскими ответами // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 37–52.
- Богданов А.П. «Прения с греками о вере» Арсения Суханова: полный авторский текст // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 145–188.
- Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб.: «Русская симфония», 2006. 320 с.
- Гурьянова Н.С. Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения. Новосибирск, 2017. 230 с.
- Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог: в 2 кн. М.: «Индрик», 2003. Кн. 2-я. 708 с.
- Дробленкова Н.Ф. Симеон Суздальский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2. С. 334 – 336.
- Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI – XVII веках. Сводный каталог. М.: ГБЛ, 1958. 152 с.
- Кудрявцев И.М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. Материалы к исследованиям // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М.: Книга, 1972. Вып. 33. С. 149–212.
- Макарий, архим. (Веретинников). Дионисий // Православная энциклопедия. М: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Т. XV. С. 269 – 271.
- Панченко О.В. Хронограф Сергея Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб.: Наука, 2010. С. 361–512;
- Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. 432 с.
- Плигузов А.И. Авторские сборники основателей Выговской пустыни // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 103–112.
- Поздеева И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период) // История СССР, 1988, № 1 (январь–февраль). С. 84–99.
- Сапожникова О.С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. 560 с.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии / отв. ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф: в 3 т. М.: «Языки славянских культур», 2008. Т. 2. 568 с.
- Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007. 528 с.
- Чумичева О.В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1992. С. 59–69.

REFERENCES

- Belyaeva O.K. (1996). Editorial work of the Vyg scribes on Deacon's answers. *Russkoe obshchestvo i literatura pozdnego feodalizma*. Novosibirsk, pp. 37–52. (In Russ.)
- Bogdanov A.P. (2019). "The Debate on Faith with the Greeks" by Arseny Sukhanov: complete author's text. *Literaturnyy fakt*, no 2, pp. 145–188. (In Russ.)
- Bubnov N.Yu. (2006). Monuments of Old Believers' writing: Works of Geronty Solovetsky. History of Patriarch Nikon. Saint Petersburg, Russkaya simfoniya, 320 p. (In Russ.)
- Chumicheva O.V. (1992). "A Brief answer of the Solovetsky Monastery" and the Fifth Solovetsky Petition (relationship of texts). *Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodal'noy Rossii*. Novosibirsk, pp. 59–69. (In Russ.)
- Droblenkova N.F. (1989). Simeon of Suzdal. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Leningrad, iss. 2, pt. 2, pp. 334–336. (In Russ.)
- Florya B.N. (2007). Church history research. Old Russian and Slavic Middle Ages. Moscow, Pravoslav. entsikl., 528 p. (In Russ.)
- Gur'yanova N.S. (2017). Handwritten collections and formation of the ideology of the Old Believer movement. Novosibirsk, 230 p. (In Russ.)
- Guseva A.A. (2003). Cyrillic editions of the second half of the XVI century: consolidated cat. In 2 books. Moscow, Indrik, bk. 2, 708 p. (In Russ.)
- Kudryavtsev I.M. (1972). Collection of the 17th century with the signatures of Archpriest Avvakum and other Pustozersk prisoners. Materials for research. *Zapiski Otdela rukopisey GBL*. Moscow, iss. 33, pp. 149–212. (In Russ.)
- Macarius (Veretinnikov, archimandrite). (2007). Dionisy. *Pravoslavnaya ehntsiklopediya*. Moscow, vol. 15, pp. 269–271. (In Russ.)
- Panchenko O.V. (2010). Chronograph by Sergiy Shelonin. *Knizhnye tselny Drevney Rusi: knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyrja*. Saint Petersburg, pp. 361–512. (In Russ.)
- Pigin A.V. (2006). Visions of the other world in Russian manuscript books. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 432 p. (In Russ.)
- Pliguzov A.I. (1982). Author's collections of the founders of the Vyg Hermitage. *Drevnerusskaya rukopisnaya kniga i ee bytovanie v Sibiri*. Novosibirsk, pp. 103–112. (In Russ.)
- Pokrovskiy N.N., Lenkhoff G.D. (eds.) (2008). The book of degrees of the royal genealogy (Stepennaya kniga) according to the ancient sources: texts and comments. In 3 vol. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, vol. 2, 568 p. (In Russ.)
- Pozdeeva I.V. (1988). Old Russian heritage in the history of traditional book culture of the Old Believers (the first period). *Istoriya SSSR*, no 1, pp. 84–99. (In Russ.)
- Sapozhnikova O.S. (2010). Russian scribe of the XVII century Sergiy Shelonin. Editorial activity. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arkheo, 560 p. (In Russ.)
- Zernova A.S. (1958). Books of Cyrillic print, published in Moscow in XVI–XVII centuries: consolidated cat. Moscow, GBL, 152 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.05.2023

Дата рецензирования 14.05.2023

Статья принята к публикации 01.06.2023

DOI: 10.15372/HSS20230306
УДК 821.161.1 + 23/28(470)"18/19"
EDN: SHQGTP

Е.М. ЮХИМЕНКО

ФИЛИППОВСКИЙ НАСТАВНИК СИМЕОН ГАВРИЛОВ КАК КНИЖНИК

Государственный исторический музей,
РФ, 103012, Москва, Красная пл., 1

Статья посвящена видному деятелю старообрядчества последней трети XIX – начала XX в. – северодвинскому крестьянину Симеону Гаврилову, наставнику филипповского согласия, книжнику, писателю, составителю четырех родословных. На основе новых материалов уточняются некоторые факты его биографии, в частности касающиеся времени пребывания на московском Братском дворе (конец 1873–1879), поездки в Сибирь (1900). Сохранившиеся материалы Симеона Гаврилова – его сочинения, сборники, выписки – наглядно показывают широту книжных интересов филипповского наставника, глубину его познаний, не ослабевающий с годами интерес к разысканию нового материала. Работу северодвинского книжника характеризует вполне осознанный источниковедческий подход: оценка авторитетности источника, поиски авторских списков, сравнительный анализ списков, археографические комментарии. Все это служит ярким свидетельством сохранения в старообрядческой среде традиционного типа книжника-начетчика.

Ключевые слова: старообрядчество, филипповское согласие, книжная культура, полемика, начетничество, Братский двор, Северная Двина.

Для цитирования: Юхименко Е.М. Филипповский наставник Симеон Гаврилов как книжник // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 44–51.

Е.М. YUKHIMENKO

FILIPPOVSKY MENTOR SIMEON GAVRILOV AS A SCRIBE

State Historical Museum,
1, Red Square, Moscow, 103012, Russian Federation

The article is devoted to the prominent figure of the Old Believers of the last third of the 19th – early 20th centuries – Severodvinsk peasant Simeon Gavrilov, mentor of the Filippovsky consent, scribe, writer, compiler of four Genealogies. Based on new materials, the article clarifies some of the facts of his biography, in particular, concerning the time of his stay in the Moscow Bratsky Dvor (the end of 1873 – 1879), trip to Siberia (in 1900). Simeon Gavrilov was a member of the circle of authoritative Filippovsky mentors and had access to the archives of the Bratsky Dvor and other mentors. He searched for books and documents on the history of consent wherever he was: in Moscow, Yegoryevsk, Kimry, Siberia. The surviving materials of Simeon Gavrilov – his writings, collections, extracts – clearly show the breadth of his book interests, the depth of knowledge, and the interest in finding new material that has not weakened over the years. The work of the Severodvinsk scribe is characterized by a completely conscious source study approach: assessment of the authority of the source, searches for author's copies, comparative analysis of copies, archaeographic comments. As a scribe and copyist, Simeon Gavrilov was distinguished by his great punctuality and perfectionism. All this serves as clear evidence of the preservation of the traditional type of scribe-dogmatist in the Old Believer environment.

Key words: Old Believers, Filippovsky consent, book culture, polemic, dogmatism, Bratsky Dvor, Northern Dvina.

ВВЕДЕНИЕ

Фигура Симеона Гаврилова (в миру И.Г. Квашнина), видного деятеля филипповского согласия, давно привлекает внимание исследователей. Настоящий самородок, деятельный старообрядец, пыливый ис-

следователь и составитель родословных, он прожил долгую жизнь, полную испытаний, невзгод и несправедливости. Биографическая канва жизни Симеона Гаврилова достаточно известна, наиболее детально она восстановлена В.И. Щипиным [Щипин, 2012,

Елена Михайловна Юхименко – д-р филол. наук, главный научный сотрудник, Государственный исторический музей, e-mail: em_yukhim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2577-2141>.

Elena M. Yukhimenko – PhD of Philology, Chief Researcher, State Historical Museum.

с. 3–17]. Главные труды Симеона Гаврилова проанализированы М.В.Першиной [2008, 2009, 2011, 2012, 2013].

УТОЧНЕНИЕ БИОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ

Иван Гаврилович Квашнин родился 17 февраля 1842 г. в д. Долгинская Черевковской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в семье, принадлежавшей к тайным старообрядцам. Поэтому первоначально он был крещен в синодальной церкви. В 1861 г. его крестил известный филипповский наставник Иван Дмитриев (Стрелок), после чего Квашнин два года прожил в Завальском скиту. Около 1863 г., после очередного разорения скита, ушел на Кокшеньгу (Тотемский уезд Вологодской губернии) и стал духовным правителем Кокшеньгской страны [Щипин, 2010, с. 4–5].

Дальнейшие главные вехи биографии нашего героя, тем не менее, нуждаются в уточнении. Это возможно сделать на основе хронологической выкладки, составленной самим Симеоном Гавриловым и записанной им в одном из сборников:

« 1. Кузма Ник<олаевич> (Попов. – Е.Ю.) примирился к церкви 7371 г.

2. Через год я примирился 7372;
3. Пять лѣт дѣйствовал с 7373;
4. Четыре года был за границей с 7378 до
5. Пять лѣт был в Москвѣ с 7382 до
6. Писали ездили родословную 7387;
7. Собор в Поповкѣ был 7390-м году»¹.

В пунктах 1 и 2 говорится о переходе в филипповское согласие (из федосеевского) К.Н. Попова в 1862/63 г. и самого Симеона Гаврилова в 1863/1864 (7372) г. Затем пять лет Гаврилов был духовным наставником («пять лѣт дѣйствовал») Кокшеньгской страны, получив благословение с Братского двора, – с 1864/65 по 1869/70 г., потом четыре года проживал в скиту Кителешты на Дунае («четыре года был за границей») – с 1869/70 по 1873/74 г.; приехав в Москву, пять лет прожил на Братском дворе («пять лѣт был в Москвѣ») – с 1873/1874 по 1879 г.; в июне 1879 г. работал в составе комиссии в Вологодской губернии над составлением Родословной («писали ездили родословную 7387»; дата в самой Родословной: «Изслѣдовано и написано посланными с Москвы в 7387-м году июня 7 дня»²). Поскольку в хронологическом перечне правильно названы точные, проверяемые по другим источникам даты – составление первой Родословной и собор в Поповке, состоявшийся 9 сентября 1881 (7390) г., то мы должны считать вер-

ным и обратный отсчет³, тем более что пребывание Симеона Гаврилова на Братском дворе в 1874–1879 гг. подтверждается анализом его трудов.

В первой Родословной в перечне кокшеньгских отцов Симеон Гаврилов указан под 23-м номером; в этой краткой записи сообщается, что он «примирился» «с протчими товарищи к московской брацкой моленной в 7374 (1866)-го году, которая в Таганкѣ называется Брацкой двор. <...> во отцы благословлен от московскаго отца Ивана Родионовича, правил духовным дѣлом в Кокшеньгѣ около пяти лѣт, от сего пошло потомственное благословение от сущих древлеблагочестиваго корени старопоморских христиан, взятое на духовное правление, в Кокшеньгѣ и по всей Северной Двинѣ рѣкѣ» (Друж-509, л. 27 об.). Московский период Симеона Гаврилова был крайне важен для расширения его книжных познаний и завоевания авторитета в согласии.

В сборнике, составленном в конце XIX в. (в 1887–1896 гг.) и отображающем полемику с М.В. Крупкиным, Симеон Гаврилов вспоминал свой приезд в Москву: «Когда я по приезду из Кителешты остановился жити в Москвѣ, а в то время в Москвѣ была великая нужда в правительствѣ необходимых христианских треб, тогда они, московския христианѣ, изволили назначать меня, грѣшнаго Си<меона>, по нужде правити духовныя требы, и я, конечно, первоначально отказывался. Но они, московския христиан, неоднократно собиралися для того избрания, даже и Михайло Крупкин просил меня тогда послужити церкви Христовой. И тогда в Москвѣ в началѣ моего служения спрашивал меня Тихон Устинович и прочии сие: “Что, Си<меон> Гав<рилович>, скажи нам правду: в твоём природном мѣстѣ какого согласія назывались христиана, гдѣ ты крещен, не федосѣева ли. Потому что у нас здѣсь в Москвѣ на Братском дворѣ из принятых из федосѣева согласія во отцах не бывали, то и нынѣ не желаем таковых”»⁴. Симеон Гаврилов ответил, что в Завальском скиту, где он жил, как тогда говорили, «люди жители были филиппова согласія» (тогда, до написания родословных, он ни про какие «запутки» не слышал).

В предисловии к первой Родословной (1879) Симеон Гаврилов подробно изложил обстановку в московской общине и описал трудности своего пребывания в древней столице, которые состояли в на-

¹ Библиотека Академии наук (БАН). Собр. Дружинина. № 846. Л. 5 нн.

² БАН. Собр. Дружинина. № 509. Л. 2 об.

³ Надо полагать, что В.И. Щипин для восстановления этого биографического отрезка жизни Гавриила Семенова пользовался косвенными источниками, поэтому указанные исследователем даты не точны. Так, В.И. Щипин полагает, что Симеон Гаврилов стал духовным правителем Кокшеньгской страны в 1868 г., в 1872–1876 гг. он жил в филипповском скиту Кителешты (Тикелешти) в Румынии, по возвращении, в 1878 г., был определен духовным наставником на Братский двор. См.: [Щипин, 2010, с. 5].

⁴ БАН. Собр. Дружинина. № 848. Л. 56 об.

стороженном, а порой и предвзятом отношении к молодому начетчику. В частности, свою позицию Симеон Гаврилов высказал по вопросу о чадородных: «Когда жившу ми Симеону Гаврилову в Москвѣ при моленной Братцакого двора, а в тѣ лѣта случилось между христианами раздѣление за явнопадших чадородных. Тогда я поревновавши писал инокам кимерским о примирении, выставлял им на вид их неправость и вины. А тогда от роду не бывшу ми 40 лѣт, а они же отцы стари суще, еще же они и иноки. А я еще тогда не вдавнѣ опредѣлен бысть в Москвѣ поправляти духовными требами. Того ради ето было им, кимерским иноком, якобы канфузно и по-нису, еже к молодому отцу и не к иноку быти в покорении, или не в силу им помнилось се, еже оставити сей долговременныи свой несвойственный, паче же рещи, недобрыи бесполезный обычай, еже пріятых явнопадших чадородных отставити от христиан от сообщения от моления. Того ради зачали искати на меня, на Симеона, винословныя причины, како бы и коим образом отстранити и обезсилить от московския кафедры»⁵. Наставник с Северной Двины обосновал («избрал от священнаго Писания») допустимость для наставников после иноческого пострижения продолжать исполнять духовные требы.

Эта точка зрения вступала в противоречие с мнением «московских старейшин» Михаила Васильевича Крупкина и Федота Васильевича (относительно последнего Симеон Гаврилов допустил и личные выпады), которое было включено в решение филипповского собора 18 сентября 1872 (7381) г. (статья 2). Позже собором 17 февраля 1874 (7382) г. эта статья была аннулирована⁶, т.е. составленная Симеоном Гавриловым подборка доказательств об ошибочности мнения М.В. Крупкина и К^о была актуальна лишь до этой даты. Северодвинский книжник датировал свое появление в древней столице 7382-м годом, следовательно, принять предложение исполнять духовные требы на Братском дворе он должен был ранее февраля 1874 г., скорее всего, в сентябре–декабре 1873 (7382) г.

СОСТАВЛЕНИЕ РОДОСЛОВНЫХ

Принципиальная позиция Симеона Гаврилова и его смелые выступления породили неприязненное к нему отношение у части наставников и влиятельных лиц. Весьма серьезные последствия имело посеянное Федотом Васильевым сомнение в истинности крещения Симеона Гаврилова и, следовательно, тех, кого он крестил в Москве («потому что я в Москвѣ многих крестил»⁷). Именно это подозрение привело к необ-

ходимости исследования «корня истинной веры» и составления в 1879 г. первой Родословной (памятник подробно проанализирован М.В. Першиной [2008, 2009]).

М.В. Крупкин, о котором Симеон Гаврилов отзывался так: «извѣстный московский купец, большой начетчик, но обаче он и большой кривотол»⁸, около 1887 г. написал обширную (на 590 листах) книгу с возражениями на первую Родословную, причем не принял во внимание существование еще одной родословной – 1887 (7395) г.⁹ Возражения Симеона Гаврилова на «многочисленные своевыдуманные подзрительныя винословия» и «неправдоподобныя натяжки» М.В. Крупкина составили рукописный том не меньшего объема (Друж-848). По словам самого автора, «значительный московский отец» Иван Родионов высоко отозвался об этом томе: «Этот меч или топор ясно посекает крупкино ложное учение»¹⁰.

Второе Родословие, составленное 10–21 июня 1887 (7395) г. группой кокшенинских единомышленников во главе с Симеоном Гавриловым, содержало, по их мнению, столь очевидные свидетельства истинного (не аароновского) корня веры на Кокшенин, что не нуждалось в рассмотрении и одобрении московскими отцами: «...сию 2-ю родословную послали в Москву отцам, яко дар нѣкий многоцѣнный, или яко нѣкое сильное орудие, или великую пушку»¹¹.

Как известно, особое место в творчестве Симеона Гаврилова занимала четвертая Родословная 1898 г., отразившая его широкие разыскания по истории староверия на Русском Севере. Исследователи отмечают не только обширную географию полевых разысканий, но и четкую методику работы, составление специального вопросника из пяти групп вопросов [Щипин, 2010, с. 10–14].

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ СИМЕОНА ГАВРИЛОВА (ПОСЛЕ РОДОСЛОВНЫХ)

Биографические сведения о жизни северодвинского книжника в начале XX в. не слишком обширны. Из предисловия к первой Родословной мы знаем о его аресте 22 января 1899 г. на Кокшенин урядником И.М. Едомским, конфискации книг и рукописей и от-

⁸ Там же. Л. 63.

⁹ М.В. Крупкин побывал в Кокшенин и на Двине в 1887 (7395) г., уже тогда местные жители «поимѣли сумнѣние от крупкинских лжесловесныхъ предложений своевыдуманныхъ на первобытную родословную» (Там же. Л. 40 об.). Он настойчиво придерживался решения собора 1881 г. в Поповке о якобы аароновском корне северодвинских христиан и необходимости их нового крещения; активная проповедь М.В. Крупкина обеспечила ему последователей, которых современники называли «двоекрещенское крупкинское согласие» (Там же. Л. 55).

¹⁰ Житие Герасима Вошикова. С. 37.

¹¹ БАН. Собр. Дружинина. № 509. Л. 54 об.–55.

⁵ БАН. Собр. Дружинина. № 509. Л. 1–1 об.

⁶ Российская государственная библиотека. Собр. Брысиных. № 18. Л. 362 об.

⁷ БАН. Собр. Дружинина. № 509. Л. 2.

правке самого наставника в Тотму. Из отчета епархиального миссионера Н. Соколова за 1900 г. следует, что в это время Симеон Гаврилов находился в Тобольской губернии [Щипин, 2010, с. 15]. Однако там он пробыл совсем недолго; о его возвращении в Москву писал 22 марта 1900 г. в письме семье инок Варсонофий (Шестаков): «Здѣсь в Москвѣ Семен Гавр<илович> из Сибири приехал, жил со мною 2 недели, книг накупил и отослал в Сибирь два пуда. Мы ездили с ним к Ивану Родионовичу, а нынѣ уѣхал к отцу Варсонофию на Дон, в Москву прибыть обѣщался к Пасхи. И как приедет, поедем в Кимру, и мнѣ нужно туда ехать, посѣтить дух<овных> дѣтей»¹².

На родину, в Кокшеньгу, Симеон Гаврилов вернулся, скорее всего, после 1905 г. Северодвинский наставник, несмотря на преклонный возраст, продолжил свои путешествия по старообрядческим местам России вплоть до 1915 г. В 1911 г. им было написано большое итоговое сочинение «Житие Герасима Вошчиков» в опровержение «неправомудренного учения» своего давнего оппонента (к тому времени скончавшегося) М.В. Крупкина и его последователей. Дата смерти самого Симеона Гаврилова неизвестна. Последнее точное известие о нем датируется 10 сентября 1915 г. [Щипин, 2010, с. 17].

ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ КНИЖНИКА

Сохранившиеся материалы Симеона Гаврилова – его сочинения, сборники, выписки – наглядно показывают широту книжных интересов филипповского наставника, глубину его познаний, не ослабевающий с годами интерес к разысканию нового материала. Все это служит ярким свидетельством сохранения в старообрядческой среде традиционного типа книжника-начетчика.

Из переписки Симеона Гаврилова с В.Г. Дружининым рубежа XIX–XX вв. следует, что северодвинский наставник продавал собирателю свои собственные книги не только из-за финансовой необходимости, но также для того, чтобы иметь возможность к приращению своих познаний: «...ради того продаю я вам книги, чтобы чаявти и надеюсь получить от вас великую пользу посписывать мне для себя с ваших реткостных книг, которые для меня весьма нужны» (цит. по: [Берестецкая, 1999, с. 446]).

Делая выписки из рукописных книг, Симеон Гаврилов всегда дает краткую характеристику источника, отмечает некоторые палеографические и иногда текстологические приметы. «Выписано сие с книги поморского хорошаго письма с листа 285»¹³; «Съпи-

сано с поморскаго цвѣтника с хорошаго письма»¹⁴; «А сие выписано з другаго цвѣтника з давняшнаго письма»¹⁵; «А сие списано еще с инаго цвѣтника»¹⁶; «А сие списано еще из того же цвѣтника»¹⁷.

Несколько лет погруженный во внутреннюю жизнь Братского двора и сохранивший эти связи позднее, Симеон Гаврилов имел доступ ко многим материалам, знал почерки наставников и отмечал принадлежность рукописи, которую копировал: «Съписано сие слово с собственноручнаго письма блаженныя памяти одескаго отца Никиты Яковлевича...»¹⁸; «Выписано сие слово ис книги своеручнаго письма значительнаго отца Диомида Яковлевича. А кто составлял ето слово неизвѣстно. А читать и слушать по нынѣшнему времени християном весьма полезно»¹⁹.

Контакты с настоятелем Братского двора Иваном Родионовым помогли Симеону Гаврилову в 1905 г. раздобыть черновую тетрадь сочинения другого московского наставника – Никиты Яковлева – «Слово о оглашенных ко крещению». В «Предисловии» к сделанной копии северодвинский наставник записал: «...приобрѣтох сию тетрадь в городѣ Егорьевском у отца Ивана Родионовича, которой и подарил мнѣ ю. И я, грѣшный, получивши ю, всерадостною душею от сердца тепла возблагодарил Господа Бога и возрадовахся радостию велиею зело, якоже бо кто обрѣтаяй корысть многу. Первѣе возрадовахся о сем, яко зѣло хорошия и ясныя доводы к возражению и к доказательству на сумнящихся молиться с приглашенными ко крещению. А второе возрадовахся, что оная тетрадь собственныя руки писма блаженныя памяти одескаго отца Никиты Яковлевича»²⁰; «о сей тетради увѣряет отец Иван Родионович, что я с которой тетради списывал ето слово о приглашенных, то оная тетрадь собственной руки достоблаженнаго отца Ник<иты> Яков<левича> Адеск<аго>»²¹. Поездка Симеона Гаврилова в Егорьевск в 1905 г., возможно, была сопряжена с кончиной Диомида Яковлевича, потому что северодвинский книжник переписывал полученную тетрадь не в Егорьевске, а «в деревнѣ Овчагинѣ, которая отстоит от города Егорьевска в 9 верстах, в домѣ Василья Диомидовича, сына значительнаго бывшаго отца Диомида Яковлевича»²².

Интересное свидетельство оставил книжник о своей работе: «Аще же слово сие, с котораго я съпи-

¹⁴ Там же. Л. 18 об.

¹⁵ Там же. Л. 21.

¹⁶ Там же. Л. 28.

¹⁷ Там же. Л. 33.

¹⁸ Там же. Л. 34.

¹⁹ Там же. Л. 79.

²⁰ Там же. Л. 102 об.

²¹ Там же. Л. 103.

²² Там же. Л. 103.

¹² Институт русской литературы. Древлехранилище. Красноборское собр. № 136/9. Л. 2 об.

¹³ БАН. Собр. Дружинина. № 846. Л. 16.

сал, оно и черновая тетрадь поминаемого отца Н.Я., но я, грѣшный С., весьма тщательно и осторожно наблюдал себѣ, с недремательным разсматриванием не торопясь переписывах, дабы гдѣ-либо в чем не ошибиться. Но еще паче чаяния, может быть, и обрящется гдѣ-либо ошибка, в том прошу извинить и простить меня Христа ради. Как писано есть, забвение и неразумие надо всѣми нами хвалится, а не диво случится надо мной»²³.

Помимо традиционной фразы о прощении возможных ошибок переписчик заключил свое «Предисловие» и более существенной просьбой: «Но еще кто-либо из числа благомыслящих благоразумных христиан обрящет сие слово о приглашенных написанное полное, то прошу его благоразумие того человека: потрудись Бога ради, пополни недостаточныя слова, выпиши с белой в сие с черновой написанное слово. Да милостивый Господь Бог за приобретение во вся времена и вѣки драгоценнѣйшя пользы церкви Христовой и за благоприятныя твоя труды вознаградит тебѣ стократичным мздовоздаанием в сем вѣцѣ, а наипаче в будущем нескончаемом вѣки»²⁴.

Все сборники авторских материалов Симеона Гаврилова показывают, что книжник писал тексты в подбор, не оставляя свободной даже части страницы, однако в данном случае сознательно было сделано исключение. Заключительная часть «Предисловия» занимала две трети оборота л. 103, но сам текст Слова Никиты Яковлева Симеон Гаврилов начал переписывать со следующего листа, а на оставленном свободном месте убористо вписал пояснение: «Для утеранных листов не начинаю писать на сей страницѣ. Быть может, по времени нѣгдѣ обрящутся утеранныя листы. Того ради дѣлаю удобную возможность приписать и пришить или приклѣить к сему не с краю написанному слову, начинающемуся сие: Пострадав боязни ради, и прочая»²⁵. Завершив переписывать второе слово, Симеон Гаврилов напомнил о существовании первого: «К сему вышенаписанному слову о приглашенных ко святому крещению прочитай еще в добавок в этой же книгѣ выше на листу 34-м и предисловие, и слово, списанное с собственноручнаго писма руки и с подписом достопамятнаго отца Никиты Яковлевича»²⁶.

В том случае, если северодвинский книжник располагал несколькими авторитетными списками одного и того же сочинения, он проводил и текстологическую работу. Уже начав переписывать текст «Ответов древлеправославныя церкви последователей на

вопросы новых отступников, глаголемых новоженев, числом 27» из сборника, принадлежавшего Диомиду Яковлеву, Симеон Гаврилов обнаружил еще один список из собрания другого московского наставника – Симеона Прохоровича, поэтому начетчик дал разъяснение читателям: «У<вѣ>домляем же // и сие дѣло, что в то же время при списывании нашем по прилучаю бысть в руках наших книжица уважаемаго старца грамотѣя Семена Прохоровича, весьма почерку старописменнаго, но безошибочнаго, для чтения рѣдким грамотѣям разбирать могущаго. А такого же она содержания, как и в книгѣ отца Диомида Як., вопросы и отвѣты возражения на новоженев. То мы с обоих оных помянутых книг тщательно провѣрихом, и еще в кних словесѣх в той или в другой книжках обрѣтошася от переписчиков еще и маловажнѣйшя описочки, то мы с рассмотрением добрѣ исправихом [понеже они написаны, по сличению, одна у другой поясняет (на поле замена: указывает. – Е.Ю.) написанную ошибочку, содѣявшуюся от переписчика]»²⁷.

Большой интерес представляют археографические комментарии Симеона Гаврилова. Практически каждый свой список того или иного сочинения книжник предварял «Предисловием», в котором сообщал необходимые (и известные ему) сведения об авторе и времени написания произведения, о характере списка и почерка антиграфа, а также давал краткую аннотацию.

Обратив свое внимание на «шестивопросное отвѣщение» к Ивану Романовичу, Симеон Гаврилов замечал, что «еще и не явлено, кѣм именно они первоначально и написаны, но обаче по нарѣчию сочинителя писца явственно познаваемо есть, что составлял есть сии отвѣты московский отец Алексей Яковлевич с прочими благоразумными помогающими ему отцы и братиею», при этом книжник сделал ремарку, что это сочинение написано «гораздо раньше тѣх шестивопросных отвѣщаний, иже кои писаны в 7316 (1808) году» (Друж-846, л. 356). На основании стилистического и содержательного анализа Симеон Гаврилов пришел к выводу, что шесть ответов 1808 г. и 27 ответов на вопросы новоженев были сочинены Алексеем Яковлевым с помощниками²⁸.

Включив в свой сборник «Сказание о благочестивом корени» филипповское сочинение, написанное около 1817 г. [Мальцев, 2006, с. 561, № 348], северодвинский наставник отметил: «Многоуважаемая и многоважнѣйшая и дозѣла нужнѣйшая для всѣх

²⁷ Там же. Л. 333 об.–334.

²⁸ В настоящее время Алексею Яковлеву атрибутируется шесть ответов 1808 г., представляющих собой переделку сочинения, написанного Григорием Яковлевым в 1770 г., – Ответы на шесть вопросов Ивана Романова [Мальцев, 2004, с. 148, 151; 2006, с. 488, № 7].

²³ БАН. Собр. Дружинина. № 846. Л. 103 об.

²⁴ Там же. Л. 103 об.

²⁵ Там же. Л. 103 об.

²⁶ Там же. Л. 112 об.

христиан сия повѣсть, или Сказание о благочестивом корѣни. Съписана с книжицы значительнаго отца Ивана Родионовича. А сочинена прежних благочестивых современных отцов. Она история письма хорошаго, неописливаго, писана крупными буквами. А переписывал с прежняго письма неизвѣстно какой переписчик, хоша и по скорописному почерку, но над речами силы и ударения ставлены так же, как и над церковными буквами. А заглавки писаны церковными буквами и красным чернилом. А содержит в себѣ повѣсть сия шесть частей... (далее краткое, в одно предложение содержание каждой из шести частей. — Е.Ю.)»²⁹.

Симеон Гаврилов входил в круг авторитетных филипповских наставников и имел доступ к архивам Братского двора и других наставников. Он разыскивал книжную премудрость и документы по истории согласия где бы ни находился и куда бы ни приезжал: в Москве, Егорьевске, Кимре. Переписав дополнение к постановлению собора от 14 сентября 1866 (7375) г., Симеон Гаврилов на отдельном, вшитом в тетрадь листочке записал: «Писана справка с бумаги письма весьма хорошаго скорописнаго. А приобретена мною в Кимрѣ послѣ покойнаго отца Иоанна Вас<ильевича> Суховскаго»³⁰.

Шесть ответов на вопросы Ивана Романова северодинский книжник выписал из сборника, принадлежавшего Ивану Родионову: «А съписана сия история шестивопросныя отвѣщания ко Ивану Романовичю с книжицы значительнаго московскаго отца Ивана Родионовича <...>. Съписана с книжицы листы во осмуху, зѣло мелкаго и зѣло стараго писма старописменнаго почерка, а писма хорошаго, неописливаго» (Друж-846, л. 356).

Из книг Симеона Прохоровича помимо упомянутых выше 27 ответов на вопросы новоженцев Симеон Гаврилов выписал и другое раннее филипповское сочинение – послание Стефана Андреева Г.И. Корнаеву 1783/84 г., содержащее ответы на 13 вопросов [Мальцев, 2006, с. 524, № 180]: «А нынѣ же списано с тетради давнѣшняго письма, обрѣтшейся в собственности вышепоминаемаго многуважаемаго старца Семена Прохорыча. Тетрадь оная письма хорошаго, писана по-печатному крупным почерком, на осмущенных листочках»³¹.

Как книжник и переписчик Симеон Гаврилов отличался большой пунктуальностью и перфекционизмом. Ярким примером может служить история переписки второй Родословной, составленной 10–21 июня 1887 (7395) г. Северодвинский наставник переписывал собранные материалы и по не зависящим от него

причинам не мог поместить 2-е показание на свое место, а переписал его после 10-го пункта. Делая новый список Родословия около 1899 г., книжник не только исправил прежнюю погрешность, но и объяснил ее появление:

«... в первобытное мое переписывание с черновых написанных бывших карандашом я тогда от ошипки в переписанных и в перегнутых листках написал не на том листу второе показание. А потом за неимѣнием бумаги и за неимѣнием свободного времени бѣжать купить бумаги, а наипаче за неимѣнием времени переписывать, и пришлось написать послѣ перваго показанія 11 показаніе, а второе показаніе оказалось послѣ 10-го показанія. Тогда я извинялся и говорил отцам и братьям своим христианом, что “вот как, братія, очень порато я ошибся, написал не по порядку исчисления показаніям: 11-е послѣ перваго, а 2-е показаніе послѣ 10-го оказались, то нужно бы переписать снова”. А они отвѣчали: “Ладно, пушай так, нѣкогда тут сновато переписывать. За это никто нас и судить-то не будет, потому что знают, что мы ни какія-то премудрыя философы писали-то, да и ни каким-то это начальникам высокоблагородным и читать-то, а нашим же братьям, старичькам-простячкам. А буди изволишь по порядку оныя показанія постановить, то ты дома один не торопясь перепишешь, а нам ноньча дожидаться-то несвободно, сидѣвши еще сутки времени дожидавшись, когда-то ты перепишешь. Да и хозяину-то вѣтъ мы так надоедим, долго гостивши у него”. Того ради тогда ошибка та оставалась было непереписана, а так отцы и братія и подписавшись, и разошлись по домам. Того ради по прошествии немалых нѣколичих лѣтъ и пришлось мнѣ самому ошибочное исправить...”»³².

ОФОРМЛЕНИЕ АВТОРСКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ СИМЕОНА ГАВРИЛОВА

Следует обратить внимание на оформление рукописных книг, созданных Симеоном Гавриловым (излюбленный формат – 2°, в переплете из окрашенного домотканого холста): они украшены перовыми заставками и инициалами оригинального рисунка, свидетельствующими о художественном таланте их создателя. Без сомнения, начетчику были хорошо знакомы стили книжного орнамента, которые можно было ожидать увидеть в старообрядческой книге из беспоповской среды, – старопечатный и поморский (выговский). Однако Симеон Гаврилов создал свой собственный, индивидуальный и неповторимый стиль книжного декора. Его основу составляет свободный перовой рисунок, который образует легкие ажурные узкие заставки с повторяющимся мелким

²⁹ БАН. Собр. Дружинина. № 846. Л. 297.

³⁰ Там же. После л. 226.

³¹ Там же. Л. 379.

³² Там же. Л. 54–54 об.

раппортом и затейливые, порой даже вычурные инициалы. Несомненна склонность художника к растительно-цветочным мотивам, причем не экзотическим, а достаточно реалистичным, идущим от скупой северной природы.

В декоре книги, включающей три первых Родословия и переписанной около 1899 г. (БАН, собр. Дружинина, № 509), в инициалы с графической основой, образуемые полосами, заполненными косой штриховкой, вписывается изображение дерева или цветка наподобие ромашки. Над верхней линией прямоугольной заставки выступают тонкие деревца с кроной в виде одуванчика, но с прорисованными корнями, и шести-семилепестковые цветочки на ниточке-стебельке; в другом случае – сверху изображены более традиционные деревья с шарообразной кроной, а цветочки и веточки с тремя листиками заполняют прямоугольное поле заставки; в третьем – из заставки вырастают как бы колеблемые ветром побеги с пятью-семью продолговатыми листьями, но «тело» заставки заполнено мотивами, восходящими к графеме ∞ (плетенки, переходящие в буквы «омега», и расположенные между ними «т»).

Сходным образом оформлен и сборник, включающий переписанные Симеоном Гавриловым сочинения других старообрядческих авторов (БАН, собр. Дружинина, № 846). Здесь встречаем очень трогательную узкую заставку, внутри которой изображены в ряд, чередуясь, ели и деревья с ажурными овальными, вытянутыми по вертикали кронами. Эти деревца, видимо, настолько были милы сердцу начетчика, что миниатюрное изображение елочки буквально парит в воздухе внутри инициала «П». Самодостаточный, выполненный в виде колонн инициал «Ч» дополнен изображением дерева, которое помещено на поле и ниже буквы.

В оригинале четвертой Родословной 1896 г. (БАН, собр. Дружинина, № 510) обнаруживаем маргинальное украшение в виде куста черники, растущего на кочке. Растение хорошо узнаваемо по форме листьев и ягод. В этой же рукописи наряду с небольшими инициалами с графической основой встречаем буквицы другого типа – свободного рисунка, причудливых лекальных форм, однако в некоторых случаях к горизонтальным линиям художник пристраивает небольшие изображения деревьев.

В рукописи полемической книги Симеона Гаврилова (БАН, собр. Дружинина, № 848) данный тип инициалов приобрел исключительную выразительность не только благодаря большим размерам (до половины или трети страницы), но и удивительной фантазии художника. Некоторые буквицы можно расценивать как инициалы-загадки. К примеру, инициал «а йотированное» изображен в виде рычажных весов, висящих на большой ветке, а сам рычаг уравновешивает

многочисленные, разнообразно подвешенные гири. В верхнюю петлю пышного инициала «В», от которого во все стороны разлетаются тонкие растительные отростки, вписан сидящий человек с топором в руках. Инициал «К» образуют две руки, одна из которых держит три ветки с листьями, а другая – дамскую сумочку. И уж совсем утрачены узнаваемые очертания буквы «А» в инициале, образованном тремя руками: одна держит изогнутую дубинку, другая что-то наподобие деревца, а третья изогнута дугой и с указующим перстом. Большинство инициалов в рукописи БАН, собр. Дружинина, № 848 настолько оригинальны, что трудно даже предположить наличие у них хотя бы отдаленного протографа. Лишь в одном случае нам удалось обнаружить следы влияния местной художественной культуры: основной штрих буквы «Т» образует изображение дерева с пышной кроной в два грибовидных яруса. Именно такую деталь в ряду нескольких других выделил Ю.А. Грибов как характерную примету лицевых рукописных книг XVIII–XIX вв., созданных в мастерских, находившихся на территории к северу от Тотьмы, между средним течением рек Кокшеньги и Кулоя [Грибов, 1998, с. 197, 199], т.е. неподалеку от родины Симеона Гаврилова.

Яркий индивидуальный стиль оформления рукописей Симеона Гаврилова убедительно демонстрирует нам еще одну грань таланта этого выдающегося деятеля староверия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Симеон Гаврилов по праву считается одной из центральных фигур для истории всего филипповского согласия второй половины XIX – начала XX в. Этого наставника отличали разнообразные таланты: духовного руководителя, начетчика, книжника, писателя, полемиста, книгописца и художника. Его сочинения являются ценнейшим источником по истории распространения староверия на Севере России, а при специальном рассмотрении – также истории московского филипповского центра, с которым Симеон Гаврилов был связан всю свою жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берестецкая Т.В. В.Г. Дружинин, Ф.А. Каликин, С. Гаврилов – коллекционеры старообрядческих памятников // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 1999. Вып. 2. С. 439–450.

Грибов Ю.А. Вологодские лицевые рукописные книги XVIII в. из собрания ГИМ // Историческому музею – 125 лет: Материалы юб. науч. конф. М., 1998. С. 193–200. (Тр. ГИМ; вып. 100).

Житие Герасима Вошикова: Из истории филипповского согласия. Сочинение старца Симеона Гаврилова / Публ., предисл. и коммент. В.И. Щипина. М., 2010. 176 с.

Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в. (проблема взаимоотношений). Новосибирск, 2006. 571 с.

Мальцев А.И. Филипповский наставник Алексей Яковлев (Балчужный): Проблемы изучения биографии и творческого наследия // Старообрядчество в России (XVII–XX века) / отв. ред. и сост. Е.М.Юхименко. М., 2004. Вып. 3. С. 138–156.

Першина М.В. «Родословия» северодвинских старообрядцев // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 87–106.

Першина М.В. Братский двор и северодвинские старообрядцы // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 116–138.

Першина М.В. О методах сбора информации Симеоном Гавриловым для Родословия 1896 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 70–73.

Першина М.В. «Житие Герасима Вошикова». К вопросу об особенностях старообрядческой агиографии // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2012. С. 64–71.

Першина М.В. Житие Герасима Вошикова и традиции севернорусской агиографии // Вестник музыкальной науки / Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки. 2013. № 2. С. 74–79.

Щипин В.И. Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М., 2003. XLV, [1] с.

Щипин В.И. Жизнь и труды старца Симеона Северодвинского // Житие Герасима Вошикова: Из истории филипповского согласия. Сочинение старца Симеона Гаврилова / Публ., предисл. и комм. В.И. Щипина. М., 2010. С. 3–17.

REFERENCES

Berestetskaya T.V. (1999). V.G. Druzhinin, F.A. Kalikin, S. Gavrilov – collectors of Old Believers' monuments. *Starobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.): sb. nauch. tr.* Moscow, pp. 439–450. (In Russ.)

Gribov Yu.A. (1998). Vologda facial handwritten books of the 18th century from the collection of the State Historical Museum.

Istoricheskomu muzeju – 125 let: materialy Yubil. nauch. konf., 24–26 fevr. 1997 g. Moscow, pp. 193–200. (In Russ.)

Mal'tsev A.I. (2004). Filippovsky mentor Alexey Yakovlev (Balchuzhny): problems of studying biography and creative heritage. *Starobryadchestvo v Rossii (XVII–XX veka): sb. nauch. tr.* Moscow, iss. 3, pp. 138–156. (In Russ.)

Mal'tsev A.I. (2006). Old Believer Bespopovsky Consents in the 18th – early 19th centuries (the relationship problem). Novosibirsk, Sova, 572 p. (In Russ.)

Pershina M.V. (2008). Genealogies of the Severodvinsk Old Believers. *Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya.* Novosibirsk, pp. 87–106. (In Russ.)

Pershina M.V. (2009). Severodvinsk Old Believers and Bratsky Dvor. *Arkheograficheskie issledovaniya otechestvennoy istorii: tekst istochnika v literaturnykh i obshchestvennykh svyazyakh: sb. nauch. tr.* Novosibirsk, pp. 116–138. (In Russ.)

Pershina M.V. (2011). On Simeon Gavrilov's methods of collecting information for the Rodosloviye of 1896. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 70–73. (In Russ.)

Pershina M.V. (2012). "The sacred biography of Gerasim Voshchikov". On the question of the features of Old Believer hagiography. *Istoricheskiy ezhegodnik.* Novosibirsk, pp. 64–71. (In Russ.)

Pershina M.V. (2013). The sacred biography of Gerasim Voshchikov and the traditions of Northern Russian hagiography. *Vestnik muzikal'noy nauki*, no. 2, pp. 74–79. (In Russ.)

Shchipin V.I. (2003). Old Believers in the upper reaches of the Northern Dvina. Moscow, Labirint, XLV p. (In Russ.)

Shchipin V.I. (2010). The life and works of elder Simeon Severodvinsky. *Zhitie Gerasima Voshchikova: iz istorii filippovskogo soglasiya: sochinenie startsa Simiona Gavrilova.* Moscow, pp. 3–17. (In Russ.)

Simeon Gavrilov (Kvashnin, Ivan Gavrilovich; elder). (2010). The sacred biography of Gerasim Voshchikov: from the history of the Filippovsky Consent: essay by elder Simeon Gavrilov. Moscow, Tretiy Rim, 176 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.04.2023

Дата рецензирования 04.05.2023

Статья принята к публикации 01.06.2023

DOI: 10.15372/HSS20230307
УДК 09:271.22-9(571.1/.5)"18"
EDN: SOVHXC

В.А. ЕСИПОВА

БИБЛИОТЕКА СТАРООБРЯДЦЕВ ИЗ БЕЛОБОРОДОВСКОЙ ПУСТЫНИ: ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ

Научная библиотека Томского государственного университета,
РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а

В статье рассмотрена одна из старообрядческих библиотек, бытовавших во второй половине XIX в. на территории Томской губернии, а именно в Белобородовской пустыни – одном из мест компактного проживания старообрядцев-странников. Было обнаружено архивное дело, содержащее списки книг, конфискованных при аресте большой группы старообрядцев в 1874 г. В деле имелись списки книг, разрешенных и запрещенных к обращению, а также заключения по наиболее важным случаям от Томского цензурного комитета. Списки были сопоставлены с книгами, хранящимися в настоящее время в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ. В результате выявлен ряд рукописей и кириллических изданий, которые находились в составе изъятого собрания. Основанием для идентификации послужили имена владельцев и характерные номера на книгах, совпадающие с номерами по указанным спискам.

Ключевые слова: старообрядчество, Сибирь, рукописи, кириллические издания, археография, Томская духовная семинария.

Для цитирования: Есипова В.А. Библиотека старообрядцев из Белобородовской пустыни: проблема реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 52–57.

V.A. ESIPOVA

LIBRARY OF OLD BELIEVERS FROM BELOBORODOVSKY HERMITAGE: PROBLEMS OF RECONSTRUCTION

Tomsk State University Research Library,
34a, Lenin str., Tomsk, 634050, Russian Federation

Purpose of the work. The purpose of the work was to identify the books from one of the confiscated Old Believer libraries, now stored in the Department of Manuscripts and Rare Books of the Research Library of Tomsk State University (TSU).

Methods. Traditional methods of paleography and codicology were used to research the manuscripts. To study the lists of “permitted” and “prohibited” books, the method of reconciliation was also applied, after which the identified numbers on the lists and the names of the owners (if any) were compared with the descriptions of the manuscripts in the catalogue.

Results. In total, during the arrest of a group of Old Believers in the Beloborodovsky Hermitage in 1874, 79 books were confiscated. The list of “permitted” books included 66 titles, “prohibited” – 24 items. Among the “permitted” books there were pre-Nikonian editions (21 items), synodal editions (6 items), publications of Old Believer printing houses (7 items), coreligionist publications (6 items), books of civil print (9 items). This list also contained manuscripts (4 items). The list of “prohibited” books covered 24 titles, including 20 manuscripts and 4 printed books. Some of the books originally placed in “permitted” list were later classified as “prohibited” by the results of the examination. Finally, most of the books banned for use were to be sent to the Tomsk Theological Seminary, and musical manuscripts from the “permitted” list were to be sent to the Baturovo Co-Religionist Church. At present, 16 manuscripts and 1 Cyrillic book have been identified in the collections of the Research Library of TSU, which have been correlated with the lists.

Conclusion. Judging by the lists and already identified copies in the collections of the Research Library of TSU, most of the seized books belonged to the standard circle of home worship; among them, there are a lot of musical manuscripts and singing manuscripts without notation. In general, it was possible to identify fragments of a large book collection that existed among the Old Believers-wanderers of the Tomsk province in the second half of the 19th century. Besides, the work done provides an opportunity to reconstruct some practices of the consistory and spiritual censorship in Tomsk during the period under review; in particular, records with the names of the owners, affixed during the seizure of books and later, in the consistory, allow to draw conclusions about the ways in which the confiscated book collections moved in the spiritual department.

Key words: Old Believers, Siberia, manuscripts, archeography, Tomsk Theological Seminary.

Валерия Анатольевна Есипова – д-р ист. наук, заведующая сектором, Научная библиотека Томского государственного университета, e-mail: esipova_val@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9642-8578>.

Valeriya A. Esipova – Doctor of Historical Science, Head of Sector, Tomsk State University Research Library.

ВВЕДЕНИЕ

Реконструкция старообрядческих библиотек, как известно специалистам, представляет собой определенную трудность. Существенная часть небольших по объему книжных собраний, бытовавших в старообрядческой среде в XIX – начале XX в., не осталась на руках владельцев, а была так или иначе перемещена в церковные и государственные хранилища. Так, при конфискации книг у старообрядцев часть собраний откладывалась в местных консисториях и семинарских библиотеках, часть передавалась в единоверческие храмы. В результате книжные собрания оказались рассредоточены по ряду современных хранилищ. Однако хотя бы частично их можно восстановить; такому процессу реконструкции и посвящена настоящая статья.

ДЕЛО ОБ АРЕСТЕ ГРУППЫ СТАРООБРЯДЦЕВ
В ТОМСКО-ЧУЛЫМСКОЙ ТАЙГЕ

Арест большой группы из 45 старообрядцев 19 октября 1874 г. в Томско-Чулымской тайге – факт, хорошо известный исследователям. Он упоминается как в работах XIX в. [Беликов, 1901, с. 92], так и в современных трудах [Дутчак, 2007, с. 183]. Однако до настоящего времени не было сведений об изъятой у них крупной библиотеке. В Государственном архиве Томской области хранится дело, содержащее документы по этому вопросу¹.

Дело открывается отношением Томского окружного полицейского управления в Томскую духовную консисторию от 5 ноября 1874 г., в котором сообщается, что «отобранные помощником томского окружного исправника у сектаторов, живших в тайге, принадлежащей д. Белобородовой Томского округа, книги и иконы» препровождаются в духовную консисторию с целью их оценки на предмет разрешения или запрета². К отношению прилагался обширный список книг и икон в двух экземплярах³, содержащий 79 наименований; в нем указывалось имя и фамилия человека, у которого книги и иконы были изъяты.

Книги были препровождены для рассмотрения в Томский духовный цензурный комитет, который выдал свое заключение консистории 24 февраля 1876 г.⁴ По мнению комитета, среди книг было очень много таких, которые «содержат много противного православию». К заключению комитета прилагалось два списка: «Опись книгам и иконам, отобранным помощником Томского окружного исправника у сектаторов, живших в тайге, принадлежащей деревне Белобородовой, но печатанных в России с дозволения

Правительства, по содержанию не противных православному веру»⁵ (66 ед.), и «Реестр книгам и иконам, взятым у раскольников, живших в тайге, принадлежащей дер. Белобородовой, а по рассмотрении от Томского цензурного комитета не одобренным к употреблению»; второй содержал книги, «не одобренные к употреблению»⁶ (24 ед., см. Приложение). Выполняли работу по экспертной оценке книг старший член Томского комитета по духовной цензуре, архимандрит Виктор (Лебедев), с 1839 по 1883 г. – настоятель Богородице-Алексеевского мужского монастыря в Томске, а также член того же комитета протоиерей Алексей (Лавров).

Соотнесение между собой списков, составленных при изъятии и прилагаемых к заключению цензурного комитета, представляет известную трудность. Как видно, количество единиц в документах не совпадает, в списках цензурного комитета их количество увеличилось. Кроме того, осуществлявшие изъятие полицейские были, очевидно, не очень хорошо знакомы со спецификой изымаемых книг, что привело к появлению в списке полицейского управления таких названий, как «Актый», «Проскомитария», «Чикминья», «Читиминья» (последние две – без указания месяцев) и др. В списке же цензурного комитета не все пункты сопровождаются ссылкой на номер по списку полицейского управления. Поэтому соотнесение списков между собой просто не всегда возможно: например, Псалтирей или Уставов было изъято по несколько единиц, а какая из них прописана под каким пунктом, установить сейчас пока затруднительно. Такого рода проблемы типичны для реконструкции старообрядческих библиотек [Есипова, 2022].

ХАРАКТЕРИСТИКА СПИСКОВ ИЗЪЯТЫХ КНИГ

Рассмотрим подробнее содержание списков, составленных в цензурном комитете. Список «разрешенных» книг включает 66 наименований. Эти издания можно разделить на несколько групп: дониконовские, синодальные, издания старообрядческих типографий, единоверческие, книги гражданской печати, а также рукописи и иконы. Есть еще несколько книг, идентификация которых пока невозможна в силу недостаточной информации. Например, № 15 обозначен как Часовник, при этом дано следующее пояснение: «...хотя лист, на котором должны быть показаны место напечатания и год утерян, но по всему видно, что печати московской, никаких приписок не имеется». Из такого описания непонятно, какого времени издание, синодальное или единоверческое и т.п. Таких не идентифицированных пока пунктов в «разрешенном» списке восемь.

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 2. Д. 611.

² Там же. Л. 1–1об.

³ Там же. Л. 2–5об.

⁴ Там же. Л. 19–19об.

⁵ Там же. Л. 20–25об.

⁶ Там же. Л. 26–27об.

Дониконовских изданий в списке насчитывается 21 единица. Самым ранним из них является «Служба и житие Николая чудотворца» (М., 1643)⁷. Некоторые книги представлены несколькими экземплярами: так, Псалтирь (М., 1645)⁸ – 4 экз., изъятых скорее всего у разных людей. Двумя экземплярами представлены Октоих (М., 1649)⁹ [4. № 214], Канонник (М., 1651)¹⁰ и Часослов (М., 1652)¹¹. Отдельно отметим наличие в списке «Грамматики» Мелетия Смотрицкого (М., 1648)¹². Кроме того, имеются два издания, выпущенные Киево-Печерской лаврой: Патерик Печерский (Киев, 1661) и Книга житий святых (сентябрь, октябрь, ноябрь) (Киев, 1689). Заметим, что в Патерике неверно указана дата: в списке фигурирует 7669 год, что не может быть верно; первое издание Патерика, инициированное Иннокентием Гизелем, вышло в свет в 1661 г. – т.е. в 7169.

Синодальных изданий представлено шесть. Самое раннее из них – «Алфавит духовный» Димитрия Ростовского (СПб.: Синодальная тип., 1762). Есть еще 1 экз., возможно, того же издания, о котором сказано: «...лист с показанием времени издания утрачен, но печатана в СПбурге 1782 г., благословением св. Синода, как видно по сличению с таковыми книгами по печати и формату»¹³. Помимо этой книги имеются также «Слова преподобного Ефрема Сирина и аввы Дорофея» (М.: Синодальная тип., 1787); «Добролюбие» (М.: Синодальная тип., 1793), Евангелие (М.: Синодальная тип., 1850) и Книга житий святых. Март. Апрель. Май (М.: Синодальная тип., 1859).

Ненамного больше в этом списке изданий старообрядческих типографий – 7 экз. Среди них – книга, обозначенная как «Правила св. Апостолов и вселенских седми соборов и поместных девяти, печат. в Москве в 7114 году при патриархе Иоасафе, в лист, перепеч. в 7296 году, от Р. Христова в 1758 г. в типографии Супрасльской»¹⁴. Скорее всего, это Зонар, но тут очевидная путаница с датами: 7296 – это 1788 год. В том году в Супрасле Зонар не выпускался, т.е. необходимы дальнейшие разыскания. Представлены также «Книга о вере» (выходные данные: Гродно, 1785, фактически типография П.И. Селезнева в Махновке и К. Колычева в Янове)¹⁵ и «Диоптра» (Клинцы, тип. В. и Я. Железниковых и Д. Рукавишникова, 1786. Дата в списке переведена неправильно)¹⁶. В 2 экз. присутствует «Цветник священноинока До-

рофея» (выходные данные: Гродно, 1792, фактически – Клинцы, тип. Ф. Карташева)¹⁷ – однако с датой в обоих случаях путаница – под указанной в списке датой Цветник не выходил. Уточнений требует и описание издания «Катехизис»: указано, что он выпущен в Почаеве и имеет формат в 16-ю долю листа. В каталоге Вознесенского такого издания не указано. С изданиями старообрядческих типографий в списке наблюдается наибольшая путаница.

Единоверческих изданий представлено 6 экз.: это Апостол, Минея за разные месяцы, Часослов и Часовник. Сюда же отнесем Минею общую, в описании которой указано: «без первых листов оглавления служб, и нет листа, на котором означен год издания и место, но по сличении печати с другими, печатанными в типографии единоверцев, следует полагать, что печатана в типографии единоверцев в Москве, при царе Алексее Михайловиче и сомнению не подлежит, в лист». Очевидно, здесь имеет место описка или ошибка при определении примерного времени издания.

Книг гражданской печати в списке 9 экз. Самая ранняя из них – Похорский Д.В. Российская история с 62 портретами великих государей (М.: Университетская тип., 1823, 2-е изд.). Представлены также «Общая риторика» Н.Ф. Кошанского (СПб., 1839), «Описание явлений чудотворных икон пресвятой Богородицы» (М., 1846) и неясного пока авторства «Грамматика славянская» (СПб., 1841). В 2 экз. было изъято издание «Просветителя» Иосифа Волоцкого, выпущенное в Казани в 1857 г., это первое полное издание памятника, выполненное по нескольким спискам. В Казани была выпущена также книга «О причинах разделения главных раскольников сект (поповщины и беспоповщины) на многие мелкие толки» (Казань: тип. Губ. правл., 1857); возможно, она же подразумевалась под описанием «Кн. о расколах, гражданской печати, изданная с дозволения Комитета Духовной цензуры». Наконец, имелась и пока не идентифицированная «Хрестоматия гражданской печати».

Были представлены в «разрешенном» списке и 4 рукописи: 3 Октоиха и 1 Ирмологий. О них будет сказано ниже. Также в «разрешенный» список попали 2 медные иконы и 3 креста.

В списке книг, признанных нежелательными, преобладали рукописные: всего в списке 24 названия, из них 20 рукописей и 4 печатные книги. Среди рукописных книг имеется 4 Канонника, 2 Псалтири, 2 Устава, Цветник, Святцы и несколько рукописей, обозначенных как выписки, которые иногда сопровождаются более обширными характеристиками. Среди них имеются «Книга под № 8, писанная, содержащая советоответное извещение на вопросы относительно несогласия со старопечатными книгами,

⁷ Описание издания см.: [Зернова, 1958, с. 57–58, № 166].

⁸ Там же. С. 61–62, № 182.

⁹ Там же. С. 68–69, № 214.

¹⁰ Там же. С. 73, № 232.

¹¹ Там же. С. 74, № 238.

¹² Там же. С. 67, № 206.

¹³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 611.

¹⁴ Там же. Л. 20 об. Л. 23.

¹⁵ Описание издания см.: [Вознесенский, 1991, с. 98–99, № 165].

¹⁶ Там же. С. 131, № 288.

¹⁷ Там же. С. 23–24, № 15.

исправленными при патриархе Никоне, и о перстосложении»¹⁸, «Книга под № 45/55, писанная также ошибочно, о хождении в Иерусалим Арсения Суханова, с приложением челобитной Соловецких отцов и повести о граде Иерусалиме»¹⁹, «Разные выписки к утверждению раскола»²⁰, «Несколько несшитых листов с выпискою: последование вечерни на воскресный день»²¹, «Выписки из книжки Челобитная Соловецких отцов и разные другие записки, написанные на духу раскольников»²², «Книга в 8 д. листа обыкновенного, содержащая разные выписки, направленные к утверждению и распространению раскола»²³. Печатные книги в этом списке представлены Библией, Октоихом, Зонарем и «Сказанием об отцах и страдальцах Соловецких». При этом о каждой указано, что они «печатаны в неизвестной типографии».

Следует отметить, что часть книг, помещенных изначально в «разрешенный» список, позже консисторией была отнесена к запрещенным. Это решение состоялось 14 мая 1876 г. и, в частности, гласило: «книги и вещи, прописанные в первом реестре под №№ с 1-го по 62-й обратить владельцам, для чего, на основании сего указа, и препроводить к начальнику губернии при отношении для выдачи по принадлежности, кроме 4-х нотных книг – трех под названием Октай и одной под названием Ирмолог, хотя не противных по содержанию св. церкви, но писанных под старинными нотами, называемыми крюками, и могущих быть полезными для единоверческой церкви. А посему и отослать оные в Батуровскую церковь, более других нуждающуюся в книгах. Прописанные книги и вещи во 2-м реестре препроводить при отношении в правление томской семинарии для миссионерского отделения. О разсылке книг в назначенных... просить уведомить о получении и записке в опись таковых книг, указав, под которыми номерами»²⁴. Таким образом, большая часть книг, запрещенных к употреблению, должна была отправиться в семинарию, а нотные рукописи из «разрешенного» списка – в Батуровскую церковь.

КНИГИ В СОСТАВЕ ФОНДОВ НБ ТГУ

Существенная часть изъятых книг в итоге должна была оказаться в фондах Томской духовной семинарии. Известно, что в 1920 г. ее библиотека поступила в фонды НБ ТГУ²⁵. Следовательно, есть основания

надеяться, что хотя бы часть изъятой старообрядческой библиотеки находится в настоящее время в фондах НБ ТГУ. Выше было отмечено, что идентификация этих книг вызывает определенные трудности, однако некоторые из книг все же удалось выявить. На настоящий момент обнаружено 16 рукописей и одна книга кирилловской печати, которые принадлежали старообрядцам описываемой группы. Основным идентифицирующим признаком послужили фамилии владельцев, указанные при изъятии книг, дополнительным критерием являлись номера по спискам, описанным выше, это важно, поскольку в списках, как уже говорилось, имеется множество нестыковок.

Наиболее ранней из идентифицированных является рукопись «Звезда пресветлая» (В-885, конец XVII – начало XVIII в.) – известный сборник рассказов о чудесах Богородицы, экземпляр был описан Е.К. Ромодановской [1971, с. 345; № 20; Славяно-русские рукописи, 2009, с. 61–62. № 12]. Именно в этом случае идентификации помогли номера, поскольку в первоначальном списке, составленном при изъятии, книга обозначена как Цветник, принадлежавший Сильвестру Спиридонову, однако номер № 67/77, указанный на л. 1 рукописи, позволяет ее однозначно идентифицировать. Пока неясно, под каким именно заглавием этот сборник фигурировал в списке книг, запрещенных к обращению.

К XVIII в. относится также одна из нотных рукописей; это Обиход (В-5540). Здесь идентификации помогли как указание на имя владельца (Маркел Бабаев), так и совпадение номеров в списках и на форзаце рукописи. При изъятии книга была зафиксирована под номером 32, а позже в списке разрешенных книг обозначена под номером 63; оба эти номера имеются на форзаце описываемой рукописи [Славяно-русские рукописи, 2009, с. 239–240, № 58]. Отметим, что это одна из четырех нотных книг, которые по решению консистории должны были передать в Батуровскую церковь. Однако на форзаце и ряде листов рукописи имеются печати библиотеки Томской духовной семинарии, что позволяет заключить, что в указанную церковь книга все же не попала. Заметим, что переплетам книг, принадлежавших Маркелу Бабаеву и Евтихею Бабаеву, посвящено отдельное исследование [Логунова, 2018].

Остальные рукописи – более поздние, относятся преимущественно к середине – второй половине XIX в. Учитывая, что арест произошел в 1874 г., большая их часть была написана ненамного ранее указанных событий. Заметим, что не все из идентифицированных рукописей удалось однозначно соотнести со списками, основным критерием для идентификации в этом случае служили имена владельцев.

Наиболее ранняя из рукописей XIX в. датируется 1840-ми гг.; это Устав (В-5582) [Славяно-русские

¹⁸ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 611. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 26.

²⁰ Там же. Л. 26 об.

²¹ Там же. Л. 27.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 35.

²⁵ Архив Научной библиотеки Томского государственного университета. Т. 3. Л. 60.

рукописи, 2012, с. 373–378, № 133]. Она идентифицируется как по имени владельца (Маркел Бабаев), так и по номеру (№ 69/79). К 1850-м гг. относится Сборник тропарей и кондаков (В-5593) [Славяно-русские рукописи, 2018, с. 251, № 87], принадлежащий тому же владельцу; в описи изъятого он фигурирует под заглавием «Цветник» и номером 28, который имеется и на л. 1. Еще одна рукопись, «Сборник песнопений на крюковых нотах (отрывки из Обихода и Праздников)» (В-5405) [Славяно-русские рукописи, 2018, с. 299–300, № 110], также обозначена как изъятая у Бабаева, на форзаце присутствует пометка «По описи № 65». Это вторая из книг, сначала разрешенных для пользования, а затем запрещенных решением консистории, в описи она обозначена как «Октай».

Еще две рукописи середины XIX в. пока не удается однозначно соотнести со списками. Это Устав (В-5467) [Славяно-русские рукописи, 2018, с. 248–249, № 84] и «Правило келейное и Служба пред Господом Иисусом Христом» (В-5592) [Славяно-русские рукописи, 2018, с. 353–354, № 140]; на них в качестве владельца указан Бабаев.

Рукописи второй половины XIX в. частично идентифицируются по спискам. Так, Канонник (В-5433) [Славяно-русские рукописи, 2018, с. 359–364, № 145], датируемый 1860-ми гг., принадлежал Сильвестру Спиридонову и имеет на форзаце номер 36/46. В описи изъятия под тем же номером указан также Канонник. Интересно, что на данной рукописи обозначены сразу два владельца – Сильвестр Спиридонов и Бабаев. Записи сделаны разными почерками на форзаце, друг под другом. Аналогичные записи с указанием двух владельцев имеются еще на одной рукописи – Уставе (В-5581) [Славяно-русские рукописи, 2018, с. 380–381, № 153], с номером по описи 61/51 (указан как Устав). На л. 1 сделаны две записи разными почерками, в одной из них в качестве владельца указан Бабаев, а в другой – Фомаида Лукова. Ей же принадлежал и Канонник (В-5444) [Славяно-русские рукописи, 2018, с. 365–372, № 147].

Аналогичные данные с указанием двух владельцев присутствуют также на одной нотной рукописи, это Октоих (В-17.097) [Славяно-русские рукописи, 2018, с. 422–423, № 171], об этом свидетельствуют записи на л. 1. Так, здесь имеется указание «По описи № 64», т.е. данная рукопись изначально относилась к разрешенным, но позже была запрещена. В качестве владельцев, снова разными почерками на той же странице, зафиксированы Бабаев и Андрей Яковлев. Интересно, что данная рукопись, несомненно, использовалась для преподавания в Томской духовной семинарии: на ней имеются оттиски печатей фундаментальной библиотеки, характерный номер 15540, который присваивался книгам, учтенным в систематическом каталоге книг фундаментальной библиоте-

ки Томской духовной семинарии. Под этим номером действительно фигурирует «Октай крюкового пения [Систематический каталог, 1915, с. 139, № 40]. Кроме того, имеются ученические пометы: на оборотной стороне верхней крышки переплета карандашом: «Осман. V кл. 1910 г.». Таким образом, существует еще одно подтверждение того факта, что книги, предназначенные по распоряжению консистории в Батуловскую церковь, в нее в итоге не попали.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то, что в настоящее время идентифицированы далеко не все книги из «разрешенного» и «запрещенного» списков, некоторые выводы по итогам проделанной работы сделать возможно:

- идентифицированные рукописи относятся преимущественно к стандартному кругу общественного и частного богослужения;
- обращает на себя внимание обилие нотных (крюковых) и певческих ненотированных рукописей;
- записи с разными именами владельцев, оставленные явно не самими владельцами, могут указывать на порядок обработки книг при изъятии и позже – при описании в духовной цензуре и консистории;
- опыт работы со списками и опыт по сопоставлению списков с реальными книгами позволяет реконструировать практики работы консистории и духовной цензуры в Томской губернии во второй половине XIX в.

В целом удалось выявить фрагменты одного из старообрядческих книжных собраний, бытовавших во второй половине XIX в. на территории Томской губернии – в так называемой Белобородовской пустыне, в известном месте проживания старообрядцев-странников.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Реестр книгам и иконам, взятым у раскольников, живших в тайге, принадлежащей дер. Белобородовой, а по рассмотрении от Томского цензурного комитета не одобренным к употреблению» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 611. Л. 26).

1. Канонник в 4 д.л., писанный, означенный под № 25.

1. Книга под № 8, писанная, содержащая советом-ответное извещение на вопросы относительно несогласия со старопечатными книгами, исправленными при патриархе Никоне, и о перстосложении.

2. Цветник, списанный неопытным писцом с печатной книги, под № 23.

3. Книга Псалтырь, под № 66/76, писанная с ошибками.

4. Книга под № 45/55, писанная также ошибочно, о хождении в Иерусалим Арсения Суханова, с

приложением челобитной Соловецких отцов и повести о граде Иерусалиме.

5. Кн. Зонарь под № 25/35, «из правила св. отцов и апостолов, о епископах, и о мни (л. 26 об) сех и о мирских чловецех».

6. Кн. Сказание о отцах и страдальцах Соловецких, с повестью о белом клобуке, под № 71/81, печатанная в неизвестной типографии.

7. Кн. Устав, содержащий церковный Требник и правила соборов, писанная с обычными ошибками писца.

8. Кн., содержащая различные выписки.

9. Псалтирь писанный малого формата, под № 68/78.

10. Книжка о домашнем правиле, писанная, и книжка Устав о христианском житии, писанная, под № 51/61.

11. Часослов под № 53/63, с канонами, писанный, в 8 д.л.

12. Кн. Устав о христианском житии, писанная.

13. Кн. Канонник под № 36/46, писанная.

14. Книжка Канонник под № 28, с тропарями и кондаками, писанная.

15. Разные выписки к утверждению раскола.

16. (л. 27). Канонник писанный, в 8 д. обыкновенного листа.

17. Святцы писанные в 16 д. листа.

18. Несколько несшитых листов с выпискою: последование вечерни на воскресный день.

19. Выписки из книжки Челобитная Соловецких отцов и разные другие записки, написанные на духу раскольников.

20. Книга в 16 д.л. писмен. Келейные молитвы.

21. Кн. Октоих или Осмогласник, печат., в лист, где и когда не сказано, а в начале оной прибавлено в переплете 63 листа, и написана на оных церковная служба, но с грубыми ошибками и пропуском, пришиты листы также в конце книги с выпискою из печатной службы тем же писцом.

22. Библия Ветхаго и Новаго Завета, в лист, где печатана и когда не показано, в начале книги, в книге Иисуса сына Навина и в кн. Иисуса сына Сирахова имя (л. 27 об) Иисус везде (писано) печатано Иус.

23. Книга в 8 д. листа обыкновенного, содержащая разные выписки, направленные к утверждению и распространению раскола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беликов Д.Н. Томский раскол (Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы). Томск, 1901. 246 с.

Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-тсранников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 414 с.

Есипова В.А. Старообрядческие библиотеки, хранившиеся в составе Томской духовной семинарии до 1917 года: промежуточные итоги работы // Исторический курьер. 2022. №2 (22). С. 278–286. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-19.pdf>

Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. М., 1958. 150 с.

Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XIX в. Каталог / сост. А.В. Вознесенский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 160 с.

Логунова Е.А. Сибирские старообрядческие переплеты в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета и их особенности (на примере рукописей из собраний Юрловых и Бабаевых) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 247–258.

Ромодановская Е.К. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского университета // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 344–348.

Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета. Вып. 2 : каталог. Вып. 2 / Томский гос. ун-т, [Научная б-ка ; сост. В.А. Есипова]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 610 с.

Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 3: XIX в., первая половина / сост. В.А. Есипова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 690 с., ил.

Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 4, ч. 1 / сост. В.А. Есипова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 634 с.

Систематический каталог книг Фундаментальной библиотеки Томской духовной семинарии. Томск: тип. П.К. Орловой, 1915. 195 с.

REFERENCES

Belikov D.N. (1901). Tomsk Schism. (Historical essay from 1834 to 1880s). Tomsk, Parovaya tipo-litogr. P.I. Makushina, 246 p. (In Russ.)

Dutchak E.E. (2007). From “Babylon” to “Belovodie”: adaptive capabilities of taiga communities of Old Believers-wanderers (the second half of the 19th – early 21st centuries). Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 414 p. (In Russ.)

Esipova V.A. (2022). Old Believer libraries kept in the collection of the Tomsk Theological Seminary until 1917: intermediate results of the work. *Istoricheskiy kur'er*, no. 2, pp. 278–286. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-2-19. (In Russ.)

Esipova V.A. (comp.) (2009). Slavic-Russian manuscripts of the Research Library of Tomsk State University: catalogue. Iss. 2: XVIII century. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 610 p. (In Russ.)

Esipova V.A. (comp.) (2012). Slavic-Russian manuscripts of the Research Library of Tomsk State University: catalogue. Iss. 3: XIX century, the 1st half. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 687 p. (In Russ.)

Esipova V.A. (comp.) (2018). Slavic-Russian manuscripts of the Research Library of Tomsk State University: catalogue. Iss. 4: XIX century, the 2nd half. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 634 p. (In Russ.)

Logunova E.A. (2018). Siberian Old Believer bookbindings in the fonds of the Tomsk State University Scientific Library and their features (using the example of manuscripts from the Yurlov's and Babaev's collections). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, no. 30, pp. 247–258. (In Russ.)

Romodanovskaya E.K. (1971). Slavic-Russian manuscripts of the Research Library of Tomsk State University. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, vol. 26, pp. 344–348. (In Russ.)

(1915). Systematic catalogue of books of the Fundamental Library of the Tomsk Theological Seminary. Tomsk, Parovaya tip. P.K. Orlovoy, 195 p. (In Russ.)

Voznesensky A.V. (ed.) (1991). Cyrillic editions of the Old Believers' printing houses of the late 18th – early 19th centuries: catalogue. Leningrad, Izd-vo LGU, 160 p. (In Russ.)

Zernova A.S. (1958). Books of the Cyrillic print published in Moscow in the 16th – 17th centuries: union catalogue. Moscow, 150 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.04.2023

Дата рецензирования 03.05.2023

Статья принята к публикации 18.05.2023

DOI: 10.15372/HSS20230308

УДК 94(470+571)"1918"

EDN: JACFMK

Д.Л. ШЕРЕМЕТЬЕВА

**ГАЗЕТА ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ВСЕМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РОССИИ «РУССКАЯ АРМИЯ»
В КОНТЕКСТЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ
АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА ОСЕНЬЮ 1918 г.**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

На широком круге источников автором впервые рассмотрены условия подготовки и обстоятельства принятия решения об издании первой большой военно-политической газеты контрреволюции на востоке России – официального органа информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака «Русская армия». Проанализированы структура и содержание ноябрьских номеров издания за 1918 г., установлен круг авторов публикаций. Сделан вывод, что появление газеты было тесно связано с государственным переворотом 18 ноября 1918 г. и установлением военной диктатуры. Новый политический режим нуждался в авторитетной в армии и широких слоях населения газете. При этом вставшие во главе издания военные не имели четко артикулированных идейно-политических позиций, издательского опыта и связей в журналистском сообществе. Редакция испытывала трудности как с определением направления газеты, пытаясь ориентироваться на личность адмирала А.В. Колчака, но не получая от него директив, так и с поиском авторов, которые могли бы популяризировать военную диктатуру.

Ключевые слова: периодическая печать, военная диктатура, «Русская армия», государственный переворот, Гражданская война.

Для цитирования: Шереметьева Д.Л. Газета штаба Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами России «Русская армия» в контексте установления военной диктатуры адмирала А.В. Колчака осенью 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 58–65.

D.L. SHEREMETEVA

**THE NEWSPAPER OF THE HEADQUARTERS OF THE SUPREME COMMANDER-IN-CHIEF
OF ALL THE ARMED FORCES OF RUSSIA “THE RUSSIAN ARMY”
IN THE CONTEXT OF THE ESTABLISHMENT OF THE MILITARY DICTATORSHIP
OF ADMIRAL A.V. KOLCHAK IN THE AUTUMN OF 1918**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The author studied the conditions of preparation and the circumstances of the decision to publish the first large military-political newspaper of the counter-revolution in the east of Russia “The Russian Army” – the official organ of the information department of the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief admiral A.V. Kolchak. In October 1918, the head of the information department of the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief, a young career officer, captain S.A. Skryabin started organizing “The Russian Army”. He had no special knowledge and skills in the field of journalism, clearly formulated ideological and political positions and public authority. In his activities, he had to rely on the high command and look for experienced publicists who sympathized with the idea of a military newspaper.

The coup d'état on November 18, 1918, which brought to power the Supreme Ruler and Supreme Commander-in-Chief admiral A.V. Kolchak, was a decisive impetus for the publication of the newspaper. The emergence of “The Russian Army” marked the beginning of a change in the information sphere, in which the military began to claim a decisive role. During the first week of publication, the structure of “The Russian Army” was formed. A typical two-page issue of the newspaper consisted of official and unofficial parts. “The Official Part” published orders of the Supreme Ruler, resolutions of the Council of Ministers of the Russian Government, Regulations on the provisional state structure and a number of other documents. “The Unofficial Part” was filled mainly with articles on socio-political topics and news regarding the end of the First World War.

Дарья Леонидовна Шереметьева – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: dalas83@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2304-276X>.

Daria L. Sheremeteva – Candidate of Historical Science, Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

Initially, the development of the ideological and political course of “The Russian Army” was characterized by the predominance of national and religious values. However, such rhetoric did not correspond to the first declarative acts of the Supreme Ruler, in which the ideas of the rule of law prevailed over national-patriotic ones. The editorial board tried to focus on the personality of admiral A.V. Kolchak, but did not receive directives from him and did not find authoritative employees who could popularize the military dictatorship in the context of the statements of the Supreme Ruler.

Key words: *periodical press, military dictatorship, “The Russian Army”, coup d’état, Civil War.*

ВВЕДЕНИЕ

Газета «Русская армия», первый номер которой был издан в Омске на следующий день после государственного переворота 18 ноября 1918 г., а последний – 9 ноября 1919 г., когда режим военной диктатуры адмирала А.В. Колчака в значительной мере утратил способность к сопротивлению большевикам, почти год занимала ключевую позицию в информационном пространстве контрреволюции на востоке России. Закономерно, что эта газета упоминается в большинстве исследований антибольшевистской прессы [Молчанов, 2001, 2002; Никитин, 1991; Посадсков, 2002, с. 87–176; Сушко, 2016, с. 148–157; Шевелев, 1999, 2017 и др.] и широко используется в качестве исторического источника [Конев, Шевелев, 2018, с. 230–250; Нестеренко, 2000; Приветственные послания, 2012; Рынков, 2022; Симонов, 2016; Совет министров, 2016; Хандорин, 2022; Шишкин, 2019 и др.]. «Русскую армию» единодушно квалифицируют как главный рупор военной диктатуры. При этом положение газеты в системе политического управления и ее роль в идеологическом оформлении и эволюции режима остаются неясными. Предстоит ответить на вопросы о том, кто определял направление и содержание газеты, как формировалась ее информационная повестка, насколько адекватно отражало издание взгляды и настроения лидера политического режима адмирала А.В. Колчака и высшего командного состава вооруженных сил контрреволюции на востоке России.

Сохранилось значительное количество документов редакции газеты «Русская армия», большая их часть находится в фонде штаба Верховного главнокомандующего в Российском государственном военном архиве (Ф. Р-39499) и незначительное количество – в одноименном фонде газеты в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-4911). В Научной библиотеке федеральных архивов, Российской национальной библиотеке, Научной библиотеке Томского государственного университета, а также в государственных архивах Новосибирской и Омской областей удалось выявить и собрать почти все 244 номера «Русской армии» (исключение составили только № 2–5 за январь 1919 г.). Появилась уникальная возможность изучить одну из ключевых газет периода Гражданской войны в России не только «снаружи», но и «изнутри».

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОЕКТА ВОЕННОЙ ГАЗЕТЫ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

На начальном этапе Гражданской войны на востоке России летом – осенью 1918 г. в антибольшевистском движении доминировали демократические идеи, партии и лидеры. Многочисленная и разнообразная периодическая печать участвовала в борьбе за власть. При этом Временное Сибирское правительство тщательно «оберегало» Сибирскую армию от политических влияний, а политическую жизнь общества – от участия в ней армии. Это касалось и прессы. Постановлением Совета министров Временного Сибирского правительства от 23 августа 1918 г. военнослужащим запрещалось публиковать политические статьи и без разрешения начальства заниматься литературной работой в повременной печати [Временное Сибирское правительство..., 2007, с. 288]. На уровне военных структур кратковременно издавались всего три газеты – «Известия отряда чехословацких войск» («Известия войск Восточного фронта»), «Вестник Семипалатинского областного военного штаба» и «Известия Тобольского военного штаба», а также повременной орган войскового правительства Сибирского казачьего войска «Иртыш». Роль этих изданий ограничивалась преимущественно информированием местного населения о ходе боевых действий, и по мере стабилизации военно-политической ситуации их выпуск прекращался.

Вопросы целенаправленного информирования и военной пропаганды оставались на периферии внимания высшего командования контрреволюции. 30 июля 1918 г. при штабе Сибирской армии был учрежден военно-исторический отдел, состоявший из информационного, исторического и военно-цензурного отделений [Симонов, 2010, с. 100]. Начальник отдела генерал-майор В.Р. Романов заявлял, что «нужда в печатном военном органе здорового направления давно назрела» и «наличие своего печатного органа, безусловно, будет большой поддержкой в деле воспитания молодой Сибирской армии» (Цит. по: [Шевелев, 2009, с. 146]).

В отделе разрабатывался проект военной газеты поручиками Федоровым и Молотковским, ранее не имевшими отношения к журналистике. Более того, вплоть до ноября 1918 г. на уровне штаба Сибирской армии и Военного совещания высказывались сомнения: нужна ли газета только «воспитательного значе-

ния» или она должна быть идейно-политической, «не помешает ли популярности газеты существующее среди простого народа недоверчивое отношение ко всему, что имеет хотя бы отдаленное написание официального органа», «будет ли в интересах дела издавать газету без указания, что издатель ее штаб Сибирской армии», или сотрудники откажутся работать в «анонимной» газете, имеет ли смысл печатать несколько военных газет или необходимо сосредоточиться на одном повременном органе. В общем складывалось впечатление, что большинство офицеров в штабе Сибирской армии были отрицательно настроены по вопросу издания газеты¹. К тому же военно-исторический отдел не нашел типографию, готовую издавать армейскую газету. Поэтому проект повременного издания военно-историческим отделом штаба Сибирской армии не был реализован.

Идею издания военной газеты подхватили на новом, более высоком военно-политическом уровне. По итогам Государственного совещания в Уфе 23 сентября 1918 г. было образовано Временное Всероссийское правительство. Его член – генерал-лейтенант В.Г. Болдырев – стал Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России. Приказом В.Г. Болдырева, датированным 24 сентября 1918 г., в составе штаба Верховного главнокомандующего был учрежден информационный отдел с подчинением начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту С.Н. Розанову.

Информационный отдел должен был стать «мощным проводником духовных и оперативных пожеланий высшего командования [...] в среду армии, широкие массы населения и общественные круги», «улавливать и парировать всякие вредные влияния и нравственные настроения [...] армии», «способствовать привитию государственных идей среди широких масс населения как по сию сторону, так и за рубежом»².

При этом идейно-политические представления разнились даже у Верховного главнокомандующего и начальника его штаба. Генерал-лейтенант В.Г. Болдырев являлся одним из основателей Союза возрождения России, объединявшего стоявших на государственно-патриотической платформе представителей партий кадетов, энесов, эсеров, меньшевиков группы «Единство» и беспартийных. Он «неоднократно подтверждал, что армия вне политики, что всякое публичное выявление своих политических симпатий, в какую бы сторону они ни клонились, совершенно недопустимы со стороны представителей армии» [Временное Всероссийское правительство ..., 210, с. 282].

Впоследствии В.Г. Болдырев сожалел, что не решился опереться на демократически настроенную часть офицеров в армии. Начальник штаба генерал-лейтенант С.Н. Розанов, по слухам, был «слишком черным даже для Национального центра» и мог называть себя «убежденным монархистом» [Болдырев, 1925, с. 59, 117].

В таких условиях выявлять «духовные пожелания высшего командования», определять функции и состав информационного отдела предстояло начальнику информационного отдела. Им был назначен двадцатисемилетний кавалерист, участник Первой мировой войны, выпускник младшего курса Всероссийской академии Генерального штаба, ротмистр С.А. Скрябин. Военная стезя целиком определяла его жизненные горизонты, но перенесенные в 1914–1915 гг. ранения и контузии не позволяли ему занимать строевые должности. В общественно-политических кругах и в журналистском сообществе связей у него не просматривалось³. Опорой для политических суждений и взглядов ему служила характерная для офицеров того времени военная мораль: «Мои предками мне внушены заветы бороться за величие России до последних сил»⁴. В общем, фигура С.А. Скрябина, человека без высшего образования, специальных знаний и навыков в сфере журналистики и, самое главное для СМИ, – высокого общественного авторитета на востоке России, – мало повышала вероятность того, что распространение военной информации станет скорым и успешным делом.

ОРГАНИЗАЦИЯ ГАЗЕТЫ «РУССКАЯ АРМИЯ»

В октябре 1918 г. Временное Всероссийское правительство переехало в Омск – резиденцию Временного Сибирского правительства. В атмосфере жесткой политической борьбы вопрос о военной информации оставался на заднем плане и не был решен В.Г. Болдыревым. В Омске С.А. Скрябин занимался в основном тем, что «приходил в ставку и делился имевшимися сведениями, как интересными рассказами» (по другой версии, «делал ежедневные доклады главнокомандующему о положении на фронтах»), «редактировал телеграммы и готовил к выпуску газету „Русская армия“»⁵.

К организации газеты «Русская армия» С.А. Скрябин относился прагматично, заботясь в первую очередь о материальной стороне, затем о связях с источниками информации и, наконец, о сотрудниках⁶. С типографией трудностей было немного, так как информационный отдел располагал эвакуирован-

³ Там же. Д. 178. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 62.

⁵ Там же. Д. 89. Л. 66, 88–89.

⁶ Там же. Д. 173. Л. 1.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39617. Оп. 1. Д. 288. Л. 37 об.

² Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 89. Л. 88–89.

ной из Самары типографией бывшего штаба Народной армии Комитета членов Учредительного собрания. В Омске удалось найти и оборудовать для нее помещение, обеспечить электричеством и бумагой. За счет высокой служебной позиции С.А. Скрыбин быстро наладил сношения с «источниками информации» для будущей газеты: оперативным и разведывательным отделами штаба, канцелярией ставки, информационными агентствами ВТА, СТА и ЧСТА, английским, американским и французским консульствами⁷.

Основная часть сотрудников досталась информационному отделу штаба Верховного главнокомандующего от расформированного военно-исторического отдела штаба Сибирской армии, в котором не было хорошо знакомых с газетным делом людей⁸. Первый состав редакции «Русской армии» включал только С.А. Скрыбина, видевшего себя в позиции редактора, капитана Пресницкого, считавшегося помощником редактора, и двадцатитрехлетнего студента юридического факультета Московского университета Б.Н. Бродовича, нанятого на должность секретаря редакции. С этими силами С.А. Скрыбин мог бы приступить к выпуску небольшого военного офицоза уже в начале ноября 1918 г. Однако команды сверху о выпуске такой газеты не поступало.

«Русскую армию» нужно было делать крупным общественно-политическим изданием для широких кругов населения. Это была задача другого порядка, и ее решение требовало наличия сотрудников «с известными литературными именами и стажем» журналистской деятельности⁹.

В начале ноября 1918 г. в Омске состоялось первое редакционное совещание «Русской армии»¹⁰. Почетным председателем совещания был прибывший из Томска начальник Всероссийской академии Генерального штаба генерал-майор А.И. Андогский, известный своим участием в официальной газете военного министерства Всероссийского Временного правительства «Армия и флот свободной России» в 1917 г. В совещании приняли участие действующий главный редактор официальной газеты Временного Сибирского правительства «Сибирский вестник», кадет В.А. Кудрявцев, директор бюро обзоров печати в управлении делами Временного Сибирского правительства, талантливый сибирский поэт Г.А. Вяткин, член главного совета Союза земельных собственников, бывший помещик Казанской губернии, монархист, князь А.А. Кропоткин и подрабатывавший на журналистском поприще капитан И.С. Ильин. Такой

«разнородный» состав означал, что С.А. Скрыбин нашел сочувствие военному изданию во Всероссийской академии Генерального штаба, институтах государственной власти Временного Сибирского правительства, а также в «правом» политическом спектре антибольшевистского движения, продвигавшем идею военной диктатуры. Причем никто из приглашенных на первое редакционное совещание не разделял ответственности за издание на уровне штатных сотрудников редакции, обещав лишь спорадическое участие в качестве авторов. Наибольшим разочарованием организаторов стал отказ А.И. Андогского возглавить «отдел военных обзоров и статей по военным вопросам»¹¹. Главной причиной, вероятнее всего, было то, что проект газеты разрабатывался при власти Временного Всероссийского правительства, которое большинство участников совещания не поддерживало.

Тем временем роль, место и задачи информационного отдела в штабе Верховного главнокомандующего продолжали оставаться неясными. В.Г. Болдырев и С.Н. Розанов, по всей вероятности, мало заботились об издании газеты. Все чаще С.А. Скрыбина адресовали к 1-му генерал-квартирмейстеру штаба Верховного главнокомандующего подполковнику А.Д. Сыромятникову, его бывшему наставнику во Всероссийской академии Генерального штаба¹². Формально это означало понижение статуса информационного отдела в военной иерархии. Фактически – приближало к участникам заговора против Временного Всероссийского правительства, одной из ключевых фигур которого являлся А.Д. Сыромятников.

В общем, в условиях демократической контрреволюции с общепризнанным лозунгом «армия вне политики!», официальным запретом на сотрудничество военных в периодической печати и скепсисом в отношении официального штабного издания проекты таких газет не имели достаточного морального веса. Только благодаря предпринятым в информационном отделе штаба Верховного главнокомандующего усилиям был создан технический задел для выпуска газеты, обозначился круг заинтересованных в ее издании лиц.

ЗАПУСК ГАЗЕТЫ «РУССКАЯ АРМИЯ»

Государственный переворот 18 ноября 1918 г., приведший к власти Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами России адмирала А.В. Колчака, стал решающим толчком для выпуска военной газеты в Омске. По

⁷ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 173. Л. 5 об.

⁸ Там же. Д. 90. Л. 9.

⁹ Там же. Д. 89. Л. 77–71 об.

¹⁰ Там же. Д. 173. Л. 21–21 об.

¹¹ Там же. Л. 21 об.

¹² Там же. Д. 89. Л. 88–89.

просьбе А.В. Колчака 19 ноября вместо С.Н. Розанова временно исполнял обязанности начальника штаба А.Д. Сыромятников [Верховный правитель, 2003, с. 82]. Он отдал приказ об издании газеты¹³. В тот же день Совет министров Российского правительства прислал в информационный отдел штаба копии постановлений о смене власти и С.А. Скрябин оперативно выпустил первый номер «Русской армии» с официальным аншлагом «издания информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего».

Редакция «Русской армии» заявила о монополии на информацию о перевороте: «В целях правильной информации населения о происшедших государственной важности событиях на всей территории России устанавливается предварительная цензура. Все сведения будут поступать только из официального источника — штаба Верховного главнокомандующего». Это заявление подкреплялось распоряжением С.А. Скрябина начальникам гарнизонов контролировать, чтобы во всех газетах помещались только передаваемые информационным отделом штаба сведения о событиях 18 ноября 1918 г.¹⁴.

Первый номер «Русской армии» открывался «Официальным отделом», содержащим два постановления Совета министров Всероссийского Временного правительства от 18 ноября 1918 г. о принятии на себя верховной государственной власти и передаче ее А.В. Колчаку, указ Совета министров о производстве А.В. Колчака в полные адмиралы и приказ самого А.В. Колчака о вступлении в командование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Публикация приказа Верховного главнокомандующего отличала содержание «Русской армии» от «Официальной части» вышедшего в тот же день первого номера «Правительственного вестника» как органа Российского правительства.

«Неофициальный отдел» первого номера «Русской армии» включал анонимную передовую статью, краткую биографию адмирала А.В. Колчака, перепечатанную из октябрьского номера «Сибирского вестника», статью кн. А.А. Кропоткина «К возрождению» и статью генерала-майора А.И. Андогского «Грядущие военные перспективы». Тексты трех статей информировали о Компьенском перемирии 11 ноября 1918 г. и не упоминали о государственном перевороте. Об омских политических событиях была сделана лишь лаконичная приписка к биографии адмирала А.В. Колчака.

Вторая полоса «Русской армии» была заполнена оперативной сводкой штаба Верховного главнокомандующего за 16 ноября, телеграммами информаци-

онного отдела штаба за 14–16 ноября и нейтральными заметками о природных богатствах Алтая, кооперации и химической промышленности. То есть этот блок информации был вторичным.

В передовой статье провозглашались лозунги «великая единая Россия» и «мощная здоровая армия», употреблялись фразы «национальная мощь», «национальное самолюбие», «национальный подъем», «мировая держава», «родная страна», «патриотизм», «мы – русские» и «русские, вперед». В тексте встречаются слова «война», «герой» и «враг», но определение или хотя бы намек на характеристику текущей войны и противника отсутствуют. При этом утверждалась необходимость «тщательно оберегать армию от всяких вредных влияний».

С передовицей корреспондировалось содержание статьи кн. А.А. Кропоткина «К возрождению». Он сделал акцент на том, что «единую великую Россию» необходимо было «возродить»/«воссоздать». Статья носила явно реакционный характер, так как «этот казанский беженец, рюрикович по происхождению, суетливый и услужливый старичок, с хорошо подвешенным языком» выдвигался группой монархистов в Омске в качестве будущего самодержца [Вологодский, 2006, с. 142]. Больше «Русская армия» не публиковала текстов с подписью кн. А.А. Кропоткина.

Статья А.И. Андогского «Грядущие военные перспективы» сильно отличалась от передовицы. Он писал в глобальном контексте об окончании мировой войны, положении Германии и большевизме. Использовал слова «народ» и «прогресс» и игнорировал национально-патриотическую лексику.

«Умный, хитрый, дальновидный генерал» [Арнольдов, 1935, с. 181] А.И. Андогский имел высшее юридическое образование и звание профессора, резко отличавшие его от остального генералитета на востоке России. Ранее он сотрудничал с большевиками, чтобы сохранить академию, а теперь вынужден был искать трибуну для завоевания широкого политического доверия в лагере контрреволюции. Опубликованная в «Русской армии» статья «Грядущие военные перспективы» стала первым текстом, открыто заявлявшим об антибольшевистской позиции А.И. Андогского. В дальнейшем генерал писал почти в каждый номер «Русской армии», анализируя обстановку на международной арене и на российских фронтах. Он позиционировал себя крупным военным стратегом, подчеркивал необходимость борьбы с большевиками и верности союзникам России. Свои политические взгляды по другим вопросам он не афишировал. Так А.И. Андогский стал «золотым пером» газеты осенью 1918 г.

На следующий день, 20 ноября, в газете было опубликовано обращение Верховного правителя и

¹³ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 89. Л. 96.

¹⁴ Новая Сибирь (Иркутск). 1918. 20 нояб. С. 3.

Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака «К населению России», являвшееся первой официальной политической декларацией режима: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, — объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру»¹⁵. Текст, вероятно, был написан собственноручно адмиралом. Поэтому «Русской армии» предстояло подстраиваться под смысл, дух и стиль данного высказывания, явно отличавшегося от «русского национализма» первой редакционной статьи газеты.

В течение первой недели выпуска этой газеты уже была выстроена ее структура как периодического издания. Типичный двухполосный номер газеты состоял из официальной и неофициальной частей. В «Официальной части» публиковались приказы Верховного правителя, постановления Совета министров Российского правительства, Положение о временном государственном устройстве, первая декларация Российского правительства, а также приговор чрезвычайного военного суда над военными, арестовавшими членов Временного Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьева и В.М. Зензинова. Порядок публикации приказов и постановлений не был отлажен, но политически значимые документы верховной государственной власти газета печатала оперативно.

«Неофициальная часть» газеты наполнялась разнообразными по жанрам и темам публикациями. Открывала ее, как правило, статья А.И. Андогского военно-политического характера. Наличие таких текстов, похожих на передовицы, отличало «Русскую армию» от официальных изданий органов государственной власти контрреволюции, в том числе «Правительственного вестника», редактор которого позволял себе только рубрику «Политические заметки» на третьей полосе газеты. Усиливали политическую составляющую содержания «Русской армии» авторские статьи. Появилась рубрика «Приветствия Верховному правителю» и опубликован первый «Обзор печати». Новостные подборки материалов — «Телеграммы», «Оперативные сводки» и «Хроника» — занимали вторую половину издания. Таким образом, структурно «Русская армия» претендовала на то, чтобы считаться общественно-политической газетой, а не сухим военным официозом.

Круг авторов «Русской армии» в первую неделю издания газеты пополнился двумя старыми офицерами — Ю.С. Геркеным и Н.Н. Киселевым. Шестидесятилетний казанский помещик, опытный издатель и журналист, монархист, подполковник в отставке Ю.С. Геркен приехал из Поволжья в Омск в качестве делопроизводителя 1-го отделения отдела личного состава Главного штаба в октябре 1918 г. Его первая «сибирская» статья «Да воскреснет Русь» была написана в религиозно-патриотическом духе, не характерном для местной прессы того времени. Военный юрист, полковник в отставке Н.Н. Киселев печатался ранее в праволиберальной омской газете «Сибирская речь», продвигавшей идею единоличной диктатуры. В ноябре 1918 г. он стал известен благодаря тому, что вместе с адвокатом В.А. Жардецким представлял защиту на судебном процессе офицеров, арестовавших членов Временного Всероссийского правительства. В «Русской речи» он опубликовал статьи «О мире» и «Старина и новизна» с тяжеловесным морализаторством в связи с нежеланием людей воевать, рассуждая о высоком значении воинской дисциплины. Это выглядело лицемерно после его выступления в защиту участников государственного переворота, нарушивших присягу. То есть трудности газеты с подбором авторов преодолены не были. Редакция многократно публично обращалась ко всем офицерам с приглашением к сотрудничеству¹⁶.

Совокупность опубликованных в «Русской армии» текстов в первую неделю после государственного переворота свидетельствует о том, что редакция делала акцент на информирование о международных событиях, связанных с Компьенским перемирием 11 ноября 1918 г., и их осмысление. О государственном перевороте, имевшем в тот момент большее значение для населения, в «Русской армии» сообщалось языком официальных документов органов государственной власти, а также присланными публичными приветствиями в адрес А.В. Колчака и парой сообщений-«хроник» о якобы самовольном отъезде из Омска членов свергнутого Временного Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьева, В.Г. Болдырева и В.М. Зензинова. «Русская армия» создавала видимость легитимности и всеобщей поддержки новой власти, умалчивая о проблемах и как бы считая произошедшее само собой разумеющимся.

Направление «Русской армии» начинало выстраиваться с превалированием национальных и религиозных ценностей. Это, вероятно, отражало настроение большей части высшего военного командования. В контексте же сибирской прессы того времени, преимущественно частной общественно-политической, демократической, социалистической и либеральной,

¹⁵ Русская армия (Омск). 1919. 20 нояб. С. 1.

¹⁶ См., напр.: Русская армия (Омск). 1918. 22, 24 нояб.

«Русская армия» оказалась на крайнем «правом» фланге, скудном количественно и не пользовавшемся авторитетом. Первая многотиражная военная газета положила начало процессу «военизации» периодической печати контрреволюции на востоке России и давлению военных на общественно-политические настроения населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

25 ноября 1918 г. секретарь редакции Б.Н. Бродович подвел итоги первой недели издания «Русской армии»: население знает о газете, периодическая печать прислушивается к ее голосу, спрос на издание растет. При этом он признался в неопределенности направления «Русской армии», полагая, что для его выработки необходимы директивы Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и 1-го генерал-квартирмейстера подполковника А.Д. Сыромятникова¹⁷.

Сведений о взаимодействии адмирала А.В. Колчака с редакцией газеты «Русская армия» в ноябре 1918 г. не сохранилось. Что касается А.Д. Сыромятникова, то позднее он высказал имевшиеся соображения по поводу курса газеты «Русская армия» осенью 1918 г.: «Мы понимаем, что открыть все тайники напряженной борьбы [...] не представляется возможным, но осветить обществу основную идею этой борьбы, это обязанность официальных информаторов и публицистов». Он также повторил в качестве «основной идеи борьбы» слова из первой декларации А.В. Колчака о том, что власть не пойдет «ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности», и солидаризовался с «беспартийностью» власти¹⁸. То есть непосредственного идейно-политического руководства по военной вертикали газета не получила и была вынуждена по своему разумению подстраиваться под действия и высказывания лидера нового режима.

Таким образом, благодаря статусу органа штаба Верховного главнокомандующего, первоочередной публикации приказов Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака и информационному сопровождению государственного переворота 18 ноября 1918 г. газета «Русская армия» с первых номеров заняла в информационном пространстве востока России одну из ключевых позиций. Газета не только претендовала на информирование армии и общества о действиях власти, но стремилась формировать общественное мнение, публикуя статьи по политическим вопросам и аналитические тексты. Однако для уверенности редакции не хватало директив Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и ясности его политического курса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольдов Л.В. Жизнь и революция: гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай: Кн-во А.П. Малых и В.П. Камкина, 1935. 278 с.
- Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (из цикла «Шесть лет», 1917–1922 гг.) / ред. В.Д. Вегман. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1925. 562 с.
- Верховный правитель России: документы следственного дела адмирала А.В. Колчака / ред. Г.А. Туркан, сост. В.С. Христофоров, Г.А. Туркан, С.В. Дроков, Л.И. Ермакова, С.В. Кониная. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2003. 703 с.
- Вологодский П.В. Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вулфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндерса. Рязань: изд. П.А. Трибунский, 2006. 619 с.
- Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): сб. док. и мат. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 361 с.
- Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. док. и мат. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 818 с.
- Конев К.А., Шевелев Д.Н. Чехословацкий корпус в символических и коммеморативных практиках антибольшевистских правительств востока России летом 1918 – осенью 1919 г. // Русин. 2018. № 4 (54). С. 230–250.
- Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 – 1920 г.). М.: Посев, 2001. 159 с.
- Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 271 с.
- Нестеренко П.Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях А.В. Колчака с союзниками: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Томск, 2000. 24 с.
- Никитин А.Н. Периодическая печать как исторический источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск: Изд-во Высш. шк. милиции МВД РФ, 1991. 204 с.
- Посадсков А.Л. Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в условиях гражданской войны (лето 1918 – 1920 г.) // Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока: в 5 т. Новосибирск: Изд-во ГПНТБ СО РАН, 2002. Т. 3. С. 87–176.
- Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: сб. док. / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2012. 560 с.
- Рышков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М.: Кучково поле, 2022. 1040 с.
- Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 610 с.
- Симонов Д.Г. Газеты как источник по изучению антибольшевистских вооруженных сил востока России (1918 – 1919 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15. № 6: Журналистика. С. 31–40.
- Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): сб. док.: в 2 т. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Т. 1. 748 с.
- Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 411. С. 148–157.
- Хандорин В.Г. Адмирал Колчак. Драма Верховного правителя. М.: РОССПЭН, 2022. 526 с.
- Шевелев Д.Н. Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны (по материалам периодической печати): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 22 с.
- Шевелев Д.Н. Информационный отдел штаба Верховного главнокомандующего: в поисках оптимальной структуры // Исто-

¹⁷ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 173. Л. 29–29 об.

¹⁸ Русская армия (Омск). 1919. 14 янв. С. 1.

рия белой Сибири: материалы VII Междунар. науч. конф. / ред. С.П. Звягин. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2009. С. 142–148.

Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 268 с.

Шишкин В.И. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак и Совет министров Российского правительства: проблемы взаимоотношений (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г. // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / ред. В.И. Шишкин, Т.И. Морозова и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. С. 143–160.

REFERENCES

Arnol'dov L.V. (1935). Life and revolution: the thunderstorm of the fifth year. White Omsk. Shanghai, Book of A.P. Malykh and V.P. Kamkina, 278 p. (In Russ.)

Boldyrev V.G. (1925). Directory. Kolchak. Interventions. Memoirs (from the cycle "Six Years", 1917–1922) / ed. by V.D. Wegman. Novonikolaevsk, Sibkray izdat, 562 p. (In Russ.)

Khandorin V.G. (2022). Admiral Kolchak. The Drama of the Supreme Ruler. Moscow, ROSSPEN, 526 p. (In Russ.)

Konev K.A., Shevelev D.N. (2018). The Czechoslovak corps in the symbolic and commemorative practices of the anti-bolshevik governments in the east of Russia in the summer of 1918 – Autumn 1919. *Rusin*. No. 4, pp. 230–250. (In Russ.)

Molchanov L.A. (2001). The newspaper world of anti-Bolshevik Russia (October 1917 – 1920). Moscow, Posev, 159 p. (In Russ.)

Molchanov L.A. (2002). Newspaper press in Russia during the years of Revolution and Civil War (October 1917 – 1920). Moscow, Izdatprofpress, 271 p. (In Russ.)

Nesterenko P.L. (2000). Siberian periodical press about the relationship of A.V. Kolchak with the allies: Cand. hist. sci. dis. abstr. Tomsk, 24 p. (In Russ.)

Nikitin A.N. (1991). Periodical press as a historical source on the history of the Civil War in Siberia. Omsk, Izd-vo Vyshey shkoly militsii MVD RF, 204 p. (In Russ.)

Posadskov A.L. (2002). Book culture of Siberia and the Far East during the Civil War (summer 1918 – 1920). *Ocherki istorii knizhnoy kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, GPNTB SO RAN, vol. 3, pp. 87–176. (In Russ.)

Rynkov V.M. (2022). Social policy of the anti-Bolshevik governments in the east of Russia: ideology, legislation, practice (June 1918 – October 1922). Moscow, Kuchkovo pole, 1040 p. (In Russ.)

Shevelev D.N. (1999). Military propaganda activities of the anti-Bolshevik governments of Siberia during the Civil War (based on

materials from the periodical press): Cand. hist. sci. dis. abstr. Tomsk, 22 p. (In Russ.)

Shevelev D.N. (2009). Information department of the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief: in search of an optimal structure. *Istoriya beloy Sibiri: materialy VII mezhdunarodnoy nauch. konf.* Kemerovo, Kemerovskiy gos. un-t, pp. 142–148. (In Russ.)

Shishkin V.I. (2017). "The role of the printed word in modern warfare is no less than a bullet and a bayonet ...": awareness-raising work of the anti-Bolshevik governments of the east of Russia. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 268 p. (In Russ.)

Shishkin V.I. (ed.) (2007). Provisional Siberian government (May 26 – November 3, 1918). Doc. and mat. Novosibirsk, ID "Sova", 2007, 818 p. (In Russ.)

Shishkin V.I. (ed.) (2010). Provisional All-Russian Government (September 23 – November 18, 1918). Dok. and mat. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 361 p. (In Russ.)

Shishkin V.I. (ed.) (2016). Council of Ministers of the Russian government: journals of meetings (November 18, 1918 – January 3, 1920). Documents in 2 volumes. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, vol. 1, 748 p. (In Russ.)

Shishkin V.I. (2019). Supreme Ruler admiral A.V. Kolchak and the Council of Ministers of the Russian government: problems of relations (November 18, 1918 – January 3, 1920). *Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.): sb. mat. Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, pp. 143–160. (In Russ.)

Simonov D.G. (2010). White Siberian army in 1918. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 610 p.

Simonov D.G. (2016). Newspapers as a source for the study of the anti-Bolshevik armed forces of the East of Russia (1918–1919). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, v. 15, No. 6, *Zhurnalistsika*, pp. 31–40. (In Russ.)

Sushko A.V. (2016). To the question of the nature and significance of Kolchak's propaganda in the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 411, pp. 148–157. (In Russ.)

Turkan G.A. (2003). The Supreme Ruler of Russia: documents of the investigative case of Admiral A.V. Kolchak / comp. V.S. Khristoforov, G.A. Turkan, S.V. Drokov, L.I. Ermakova, S.V. Horsemeat. Moscow, IRI RAN, 703 p. (In Russ.)

Wolf D.G., Larkov N.S., Landers S.M. (comp.) (2006). Vologodsky P.V. In power and in exile. Diary of the Prime Minister of Anti-Bolshevik Governments and an Emigrant in China (1918–1925). Ryazan, P.A. Tribunsky, 619 p. (In Russ.)

Zhuravlev V.V. (Ed.) (2012). Greetings to the Supreme Ruler and Supreme Commander-in-Chief Admiral A.V. Kolchak. November 1918 – November 1919. Documents. St. Petersburg, Izd-vo EU SPb., 560 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.04.2023

Дата рецензирования 06.05.2023

Статья принята к публикации 18.05.2023

DOI: 10.15372/HSS20230309

УДК 655.4/5. (5711) (091) "191"

EDN: KМУJRO

В.Н. ЯРАНЦЕВ

**ПРОТОСАМИЗДАТ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ
И В ПЕРИОД БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ВЛАСТИ (1916–1919)
(на примере творчества Вс. Иванова)**

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье ставится проблема издания книг и другой печатной продукции писателями-самоучками, выходцами из народа, в дореволюционное время и в эпоху гражданской войны. Примером писателя, преодолевшего статус самоучки, является Вс.Вяч. Иванов, творчество которого связано с Сибирью. Появление нового поколения в сибирской литературе предопределило переход Вс. Иванова накануне Октябрьской революции от «народнической» литгруппы К.К. Худякова к «футуристической» группе А.С. Сорокина и принятие его поведенческих и творческих установок, а также новых форм неподцензурного книгоиздания, которые стали предметом изучения самиздата на стадии протосамиздата. Эволюция Вс. Иванова-«самиздатчика» показана на примере его рукописных и печатных книг и сотрудничества с А. Сорокиным, культивировавшим недифференцированное авторство и издание книг по принципу конволюта. Делается вывод о неоднозначном влиянии протосамиздата, рукописного и печатного, на становление творчества писателя, вынужденного пройти через данную стадию в своем развитии.

Ключевые слова: книга, сборник, самиздат, писатель-самоучка, Вс. Иванов, А. Сорокин, издательство, рассказ.

Для цитирования: Яранцев В.Н. Протосамиздат в Западной Сибири в предреволюционные годы и в период белогвардейской власти (1916–1919) (на примере творчества Вс. Иванова) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 66–73.

V.N. YARANTSEV

**PROTOSAMIZDAT IN WESTERN SIBERIA OF THE PRE-REVOLUTIONARY YEARS
AND DURING THE PERIOD OF THE WHITE GUARD POWER
(on the example of the creativity of the Vs. Ivanova)**

State Public Scientific and Technical Library SB RAS,
15, Voskhod str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

This work is devoted to the proto-samizdat of the Civil War era and its predecessors as a type of non-political alternative publishing, handwritten and typographic. The work centers on the figure of a novice writer Vs. Ivanov, who was part of a group of self-taught writers led by K. Khudyakov. The factor of stratification of Siberian literature into the old, “narodnik-regional”, led by G. Potanin, and a new “modernist-futurist” one, led by A. Sorokin, is noted. The transition to the position of A. Sorokin and the adoption of his views aimed at updating literature and publishing made Vs. Ivanov to revise his stand. He modified manuscripts into books being prepared for publication, the quality of works enhanced. Vs. Ivanov’s collaboration with A. Sorokin marked itself by publishing the newspaper “Sogry” and the book “Tuyun-Boot”, projects of several magazines, for example, “Slovovet”. The authorship of the writers of some works, for example, the story “Two Proofs” is not altogether clear, being a scientific problem. Vs. Ivanov’s collections of stories texts are analyzed: the first is handwritten, the second with signs of preparation for printing and the third, typed by the author in the printing house as a book of short stories “Rogulki”, completing the Siberian period of his work and marked by the influence of proto-samizdat practices. The copy of this book in the archive of A. Sorokin as part of the collection-convolute without authorship designation confirms it. In general, the evolution of Vs. Ivanov’s manuscripts is noted: a handwritten book “for myself”; a handwritten book with traces of preparation for printing; the publication of a manuscript in a printing house that retains the signs of self-publishing – a handwritten typesetting and distribution in a limited environment. The instability of power in this period and the undeniable influence of his senior colleague A. Sorokin, his attitude to book publishing and authorship imparts specificity to Vs. Ivanov’s proto-samizdat. For the later famous writer Vs. Ivanov, as for other self-taught writers, who were originally from lower social class, the experience of proto-samizdat has become of paramount value for their future literary activity.

Key words: book, collected works, samizdat, self-taught writer, Vs. Ivanov, A. Sorokin, publishing house, story.

Владимир Николаевич Яранцев – канд. филол. наук, младший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН; e-mail: yarancev@spsl.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3143-0017>.

Vladimir N. Yarantsev – Candidate of Philology, Associate Researcher, State Public Scientific and Technical Library SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В сибирской литературе предреволюционного десятилетия происходил процесс роста как литературных сил, выразившийся в появлении коренных (не ссыльных) сибирских писателей и читательской аудитории, так и издательских мощностей. Основной сферой приложения этих писательских сил являлись периодические издания – газеты, журналы, а также переходный между журналом и книгой формат альманаха, литературного сборника. Главными локациями были большие сибирские города, «культурные гнезда» – Иркутск, Красноярск, Барнаул, Омск, Томск, где находились известные сибирские писатели, журналы и издательства. Писатели В.Я. Шишков, И.Г. Гольдберг, Г.Д. Гребенщиков, А.Е. Новоселов, Г.А. Вяткин, наиболее читаемые и узнаваемые сибиряками, тем не менее, в своих темах и поэтике наследовали еще прошлому, «народническому» веку, сибирским писателям-«народникам», особенно Н.И. Наумову, с главной темой – сибирского патриотизма и самобытности, природы и общества края. Не зря духовным наставником для них, участников литературного движения «Молодая Сибирь», был «областник» Г.Н. Потанин. «Освещение бытового уклада Потанин считал чрезвычайно важным», ибо раньше «писатели, невольные гости Сибири главное внимание уделяли “гиблым углам”, “отдаленным местам”, как отмечал он в журнале «Сибирские записки» (1918, № 4, с. 109, примеч. Н.В. Серебренникова). «Стараниями Потанина создавалась сибирская литературная школа, крепнувшая год от года», – подчеркивал Н.В. Серебренников. Наконец сам ее будущий глава решил, что «начинающим сибирским литераторам следует сгруппироваться в Томске и начать свой молодой орган» [Литературное наследство Сибири, с. 285]. Так, «в 1909 г. стал выходить журнал “Молодая Сибирь”» [Серебренников, 2004, с. 247–248].

Их младшие современники, составившие в середине 1910-х гг. литературный кружок А.С. Сорокина – И.И. Тачалов, К.Н. Тупиков, П. Сидоров, И.К. Славнин и др. (постоянного состава не имелось) – тяготели к обновлению литературного творчества, использованию более современных художественных средств и способов изображения. Это деление сибирских писателей на два поколения, два разных лагеря обозначилось в канун революции, и красноречивым документом этого противостояния явилась сатирическая пьеса Вс. Иванова «Гордость Сибири Антон Сорокин». В ней старшее поколение представляют Г. Вяткин и А. Новоселов, едущие на колеснице с единомышленниками и бросающие проклятия «торжественной процессии» во главе с А.С. Сорокиным и его свитой: В.К. Эттель, Вс.В. Иванов, И.К. Славнин и др. Сорокин провозглашает в духе футуристов:

«Придет время, и мы сбросим вас с вашей колесницы, мы будем гордость Сибирской литературы, а вас заставим чистить отбросы в хроникерских заметках» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 148]. В свою очередь Вяткин называет Сорокина «рекламистом и плагиатором», Новоселов – «мертвецом» (история с мнимым самоубийством, инициированным самим Сорокиным). Вяткин душит Сорокина, но он вскоре воскресает, провозглашая манифест в «газетном колпаке шута бен ецю», главное в котором – выступления «против глупости человеческой». В финале Сорокин объявляет себя «гением и талантом», главным в Сибири: «Я, лишь я литература / Нашей северной страны», остальные могут писать, как хотят, «левой и правой» [Там же, с. 150]. Ее автором, возможно, не единственным, был Вс. Иванов – молодой, начинающий писатель, лишь недавно, к 1915 г., закончивший свои беспорядочные странствия по Сибири. Он оказался самым талантливым учеником и соратником А. Сорокина на ближайшие пять лет, до конца своего пребывания в Сибири, переняв от своего учителя главным образом радикальность в творчестве и литературном поведении. Не зря глава футуристов Д. Бурлюк, совершавший сибирское турне в 1918–1919 гг., поставил А. Сорокина в ряд своих знаменитых собратьев после В. Маяковского, В. Хлебникова, И. Северянина и других специальным «удостоверением» от «Всероссийской Федерации Футуристов» [Сорокин, 2011, с. 44–45].

К тому времени Вс. Иванов уже имел поистине футуристический опыт изготовления самодельных книг, которые по всем признакам подходят под категорию литературы самиздата. Обе сделанные им вручную книги – «Зеленое пламя» и «Рассказы» – не были предназначены для распространения, что одни исследователи считают главным признаком самиздата (А.Ю. Даниэль, А.В. Соколов), другие – вторичным (Н.В. Котрелев, А.И. Суетнов, В.В. Игрунов) или равноправным в ряду других (К.Г. Мяло, Г.Г. Суперфин). Для В.В. Игрунова этот признак становится основанием для отделения «кружковой и подпольной литературы» от самиздата: в первой «литература распространялась вслепую», что «становилось источником быстрого разоблачения и ареста ее изготовителей», второй был «удобным каналом относительно безопасного распространения литературы» [Антология самиздата, 2005, с. 13].

Термин «альтернативная печать», предложенный Е.Н. Струковой, был бы целесообразен для использования в нашей работе, но он предлагается исследовательницей «для характеристики печатной продукции, выпущенной в завершающий период советской истории», т.е. в конце 1980-х гг., в эпоху идеологической борьбы инакомыслящих с советской властью [Савен-

ко, 2017, с. 17]. Вс. Иванов в тот ранний период своего творчества находился на первичной ступени самиздата – изготовления книг и других изданий для себя, и политический критерий исключается. С точки зрения недавних исследований, особенно работ А. Пятковского, корректнее было бы применение термина «протосамиздат» по отношению к самиздату дореволюционного периода. Однако его дефиниция включает бытование и распространение «преимущественно в виде прокламаций политического содержания» в период гражданской войны¹ и далее, вплоть до середины 1950-х гг. В итоге суть самиздатской деятельности Вс. Иванова – собственноручное изготовление им своих книг – можно сформулировать как самостоятельное книгоиздание, альтернативное по отношению к политизированным изданиям и литературе «областнического» направления. Строго говоря, это разновидность самиздата на ранней стадии протосамиздата. Дальнейшая деятельность Вс. Иванова и его соиздателя А. Сорокина только подкрепит эту точку зрения.

**ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД:
ПИСАТЕЛЬ-САМОУЧКА, ЛИТКРУЖОК К. ХУДЯКОВА,
СБЛИЖЕНИЕ С А. СОРОКИНЫМ**

Преодолев первую ступень, в дальнейшем Вс. Иванов осуществит и другие замыслы: напечатает газету «Согры» и книгу рассказов «Рогульки», предназначенные для распространения и изготовленные в типографии. Эту роль «самоиздателя» Вс. Иванов опробовал еще до Омска, когда жил и работал в Кургане. Там он входил в литературный кружок К. Худякова – поэта-самоучки со староверческой закваской: он выучился грамоте у «старика-старовера по псалтирю» [Трушкин, 1972, с. 378]. В этом кружке собирались такие же поэты из народа, которые читали сборники своих собратьев, поэтов-самоучек. По свидетельству Вс. Иванова, «высшей мечтой для нас была мечта открыть где-нибудь в большом сибирском городе издательство, которое печатало бы журнал с нашими произведениями, а может быть, и книги» [Иванов, 1978, с. 276].

Скоро, однако, признается Вс. Иванов, книги самоучек «нам надоели», и «мы стали читать» известных поэтов – А.А. Блока и символистов. Тем не менее мечту издать самого лучшего из самоучек, по мнению Вс. Иванова, К.К. Худякова, осуществить удалось, и это был тот самый уникальный пример протосамиздата, о чем говорилось выше. То есть, если участники планируемого сборника писателей-самоучек выпускали и печатали свои книги «сообща по

подписке», как это делал известный поэт из народа С. Дрожжин, выпускавший в Суздале сборники «Пробуждение» [Там же], то Вс. Иванов решил это сделать практически в одиночку. К.К. Худяков купил «на 40 рублей бумаги», а «я и мои друзья по типографии набрали и напечатали книгу его стихов под названием “Сибирь” [Там же]. При этом на обороте титульного листа книги было обозначено: «Издание Всеволода Иванова», на обложке значилось, что издавалась она в «Типографии Народной Газеты». Тем самым Вс. Иванов давал понять о личной заинтересованности в этом издании, симпатиях автору и, возможно, о готовности и далее издавать его и других поэтов. Однако сам он вспоминал позднее, что стал издателем из нравственных, благотворительных побуждений: «Если не дороги стихи, то дорого то, что человек хочет искать лучшего. Мне приходилось много страдать, находился я на величайших ступеньках (по своей низости, конечно) человеческой лестницы. В типографии я получаю 60 рублей – почувствуешь поневоле какую-то сытость даже и хочется чем-нибудь помочь товарищу» [Иванов, 1985, с. 13]. К. Худяков повез часть тиража в Петроград, но ни одной книги продать не удалось. Зато в родных краях появилось две рецензии – в газете «Степная речь» (Петропавловск) М. Кручины и в журнале «Багульник» (Иркутск) Ю. Веста, приветствовавшие выход книги и ее стихи: «Весь его (Ю. Веста. – В.Я.) отзыв, развернутый и обстоятельный, проникнут искренним доброжелательством по отношению к начинающему автору» [Трушкин, 1972, с. 378]. Несмотря на то, что выглядела книга весьма скромно, за исключением объема – целых 106 с.

Но главное, что это был не сборник, а «индивидуальная» книга, о которой сам Вс. Иванов, очевидно, тоже мечтал, пробуя себя в роли издателя. Может быть, в этой книге Вс. Иванов прощался с собственными поэтическими иллюзиями, когда сам поэтом стать не смог – не давался тот классический размер стиха, которым так искусно владел К. Худяков и который посоветовал Вс. Иванову писать прозу. Возможно, он еще и потому отказался от стихов, что в книге К. Худякова не нашел ни одного стихотворения, посвященного ему, тогда как некоторые имели посвящения (Ив.П. Малютину, Н.Н. Шапошникову). С таким же успехом это можно было бы посоветовать и К.К. Худякову, настолько просты, описательно-повествовательны были его стихи, близкие земле и крестьянству, включая религиозные мотивы странничества, неистребимости зла и горя, вплоть до мистики отчаяния. Все это и объединялось для К.К. Худякова заглавным словом «Сибирь».

В ранних рассказах Вс. Иванова слышны те же пессимистические мотивы, они полны той же лири-

¹ Пятковский А. Очерки истории самиздата // Гефтер. URL: <http://gefeter.ru/archive/5757> (дата обращения: 17.04.2023).

кой нищего странничества и надежд на нечто неизъяснимое, высшее, божественное, которое сквозит и у К. Худякова. Характерно и количество написанных в Кургане за два года Вс. Ивановым, типографщиком и «издателем», рассказов – более двадцати. Причем именно два «курганских» рассказа – «Дед Антон» и «На Иртыше» – стали для Вс. Иванова путевкой в большую литературу благодаря А.М. Горькому, напечатавшему их во втором номере «Сборника пролетарских писателей». Известно внимание А.М. Горького к писателям-самоучкам, о которых он написал большую статью. Но именно Вс. Иванова при составлении сборника он чуть было, по свидетельству Л.М. Клейнборта, не пропустил. Он просто его «рассказов не заметил, и первоначально сборник намечался без них. Лишь потом, роясь в материале, заметил их и вставил в сборник Чапыгин» [Клейнборт, 1923, с. 241].

Выходит, что рассказы Вс. Иванова, по крайней мере тематически, мало отличались от «продукции» того большого количества писателей-самоучек, которые в 1910-е гг. стали массовым явлением и уже имели свою историю и своих биографов, как Л.М. Клейнборт. Писать о них было тем легче, что авторы этой «народной литературы» мало различались между собой своими тяжелыми судьбами. Разница между ними была лишь в том, удавалось ли кому-либо из них прорваться в «официальную» литературу, напечататься «легально». При том что еще в 1900-е гг. появилось множество изданий – «журналов и газет писателей из народа»: «Народная Газета», «Народный путь», «Трудовая жизнь», «Летопись», «Простая жизнь», «Простое слово», «Мужицкая правда», «Ясный Сокол» и т.п. И уже тогда возникали «кружки самоучек», которые лишь объединяли писателей из народа, но не выявляли и не воспитывали таланты. Все мечтали прорваться в Петербург или Москву, напечататься там. Сделать это было там легче, чем в провинции, «глухой» и «безгласной», и альманахи здесь были, пишет Л.М. Клейнборт, но это только «первый шаг». И если напечататься где бы то ни было удавалось, то «и авторы сами, и кружки провинциалов делают попытки издания книг» [Клейнборт, 1923, с. 85]. И некоторые из этих авторов получали определенную известность, как Н.А. Афиногенов (Степной), Г.И. Чудов, Г.Ф. Устинов, П.Н. Дорохов. А кто-то из них удостоился отзыва самого Л. Толстого, как С.Т. Семенов, или символистов А. Блока и З. Гиппиус, как П.И. Карпов и Н.Д. Санжарь.

Вс. Иванов, по всем признакам, должен был пойти по тому же пути писателей-самоучек, и первый шаг к этому уже был сделан публикацией в «Сборнике пролетарских писателей»-2, если бы не революция 1917 г., переезд в Омск и сближение с А. Со-

рокиным. Начинающему писателю явно польстило внимание известного писателя, его открытка, поздравлявшая с первой публикацией в газете «Приишимье» и назвавшая «рассказы мои весьма оригинальными, самобытными, что «Вы – гений» [Иванов Вс., 1978, с. 283]. На самом деле А. Сорокин часто просто использовал своих более-менее талантливых и безвестных коллег по перу для личных целей, в первую очередь для саморекламы, присваивая или покупая их тексты и выдавая за свои. Называл он себя «королем сибирских писателей», «гордостью Сибири», поэтому все остальные писатели, оказываясь его подданными, должны были работать на него. Вместе с тем, А. Сорокин был склонен к скандалам и эпатажу, создав себе «репутацию рекламиста, графомана, беспардонного «делопроизводителя собственной славы»: например, выдвигая себя на Нобелевскую премию или объявляя в журналах о мнимом самоубийстве [Беленький, 1967, с. 143–144], не говоря уже о более поздних, совершенно безумных «скандалах Колчаку». Вс. Иванов, тепло относившийся к нему и даже одно время восторженно, в позднем очерке назвавший А. Сорокина не лгуном, а выдумщиком, не сумасшедшим, «а человеком, разумнее которого не встречал [1978, с. 286], мог перенять от него его стиль обращения с литературными соратниками и с литературной продукцией, не исключая своей.

Именно так Вс. Иванова воспринял проезжавший с гастрольями глава футуристов Д. Бурлюк – как ученика и помощника А. Сорокина. Очевидно, Бурлюк знал, что Всеволод Иванов по инструкции А. Сорокина выступал против него, упрекал его в «жадности к деньгам». Д. Бурлюк оценил эту дерзость как футуристический акт и лишь «жалел, что Всеволод Иванов неизвестен» [Сорокин, 2011, с. 44]. Футуристами ни А. Сорокин, ни Вс. Иванов не были, по крайней мере, программно и организационно, но стиль их литературного поведения со склонностью к эпатажу был близок этой скандальной литгруппе. Касалось это и издательской деятельности. Футуристы издавали свои книги, точнее, «книги-объекты», рассчитанные не только на чтение, но и на зрительные впечатления, в большом количестве и отличались остроумием и изобретательностью. Издавались они весьма активно, но кустарно: заплатив какому-нибудь частному издательству и получив «свои изделия» за «трешницу» [Крученых, 2006, с. 75–76] в любом указанном количестве, как правило, небольшом. Это было очень похоже на издания писателей-самоучек из народа, и потому футуристическая продукция вливалась в общий поток той, которая может быть названа предшественницей самиздата – протосамиздатом дореволюционной эпохи и примыкающих к ней первых лет гражданской войны.

**ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ В.С. ИВАНОВА И А. СОРОКИНА,
САМИЗДАТОВСКИЕ КНИГИ В.С. ИВАНОВА**

В 1917–1918 гг. А. Сорокин и В.С. Иванов осуществили, как минимум, два самиздатовских проекта. Во-первых, это «Тююн-Боот», сборник рассказов (точной даты не имеется – от 1914 до 1919 г.) с предисловием В.С. Иванова. Сборник издавался в Тюмени с постоянно менявшимся составом произведений и неизвестным количеством экземпляров, а возможно, и авторством рассказов. Это можно утверждать, зная характер литературного сотрудничества А. Сорокина и В.С. Иванова – иногда трудно было определить принадлежность произведения тому или иному писателю. Так, «Две гранки» печатался как рассказ В.С. Иванова и как рассказ А. Сорокина [Сорокин, 2012, с. 202–205], как и некоторые рассказы послеколчаковского периода. И это неудивительно, если знать, как работали над текстами оба писателя. А. Сорокин «называл мне различные предметы или людей, предлагая мне говорить, на что они похожи», и В.С. Иванов «сыпал сравнения, метафоры, как из мешка», при этом «Антон Сорокин тщательно их записывал». То же было и с сюжетами: В.С. Иванов «рассказывал», т.е. придумывал их, а «Антон Сорокин записывал их все подряд» [1978, с. 292]. При этом В.С. Иванов явно лукавил, когда писал, что не помнит, «употреблял ли он их» в своих произведениях или просто воспитывал «во мне фантазию и уверенность в обращении с материалом» [Там же, с. 292].

О том, что А. Сорокин присваивал себе не только сюжеты, но и целые рассказы, знали все сибирские писатели. Так, известность получила история с публикацией рассказа «Чукча Коплянто Анадырский» в журнале «Сибирские записки» – якобы А. Сорокина под чеховским псевдонимом «К. Треплев». Но об авторстве рассказа заявил потом В. Богораз (Тан). То же случилось с рассказом К. Тупикова (Урманова) о цветке Тююн-Боот, давшем название всей книге А. Сорокина. Интересно, что в предисловии к этой книге В.С. Иванов охарактеризовал своего соавтора как: потомка «хищников-грабителей, воплощение разрушающей силы, убивающей новую грядущую Сибирь, это издыхающий волк, отравленный своей пеной злобы, это гнилой цветок Тююн-боот. Я разгадал злобу Антона Сорокина и не возмущаюсь» [Тююн-боот, 1919, с. 3]. Не возмущался и сам А. Сорокин, видимо, и потому, что определение его хищником-грабителем было правдой, так как он действительно «грабил» молодых и начинающих писателей, отнимая у них и тексты, и авторство.

Вместе с тем второй издательский проект – газета «Согры» – полностью принадлежал В.С. Иванову, хотя «Цех пролетарских писателей», от имени кото-

рого издавалась газета, был основан им совместно с А. Сорокиным. В «Сограх» почти все публикации принадлежали В.С. Иванову, только под разными псевдонимами: Макс Жеекард, Вакул Кедров, Никон Шатунов, К. Тулупов. И здесь все шло по привычному шаблону издания писателей-самоучек: «Мы купили в складчину бумаги. Я набрал и прокорректировал всю газету, состоявшую из четырех, довольно больших полос, которые в основном были заполнены моими произведениями, – писал В.С. Иванов [Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14–69» ...], 2018, с. 375]. Эта самиздатовская газета вышла 15 апреля и продавалась в городских киосках. Но, как и книга К. Худякова «Сибирь», «Согры» остались нераспроданными. «Первый номер газеты почти целиком вернули из киосков», – вспоминал В.С. Иванов, а следующий номер просто «не на что было» печатать.

В феврале 1919 г. у А. Сорокина с В.С. Ивановым были еще такие совместные проекты, как журналы «Сибиряк» и «Бим-Бом». Но в основном им приходилось заниматься распространением своей продукции испытанными способами протосамиздата. Для этого у А. Сорокина было несколько путей. Кроме печатания в газетах и журналах под псевдонимами, в том числе и со спорным авторством, он придумал издательство «Словосвет» и издательскую марку: изображение Бога, борющегося с дьяволом, символизирующее борьбу слова-света со словом-тьмой. В том же кругообразном знаке, по обе стороны рисунка был нанесен текст: «В начале было слово и оно было Бог, в нем была жизнь и жизнь была свет человеков, и свет во тьме светил, тьма не объяла его» – с одной стороны, и «И было слово, и слово было дьявол, и в нем было угнетение, в нем было страдание, в нем было безумие и смерть человеков». Вверху надпись: «Книгоиздательство в Омске сибирских писателей», внизу – «СЛОВОСВЕТ, 1918»². Более известен другой знак А. Сорокина – «зажженная свеча, вдоль которой, в форме стекающих струек расплавленного стеарина или воска, были искусно вылеплены слова: «Антон Сорокин», – вспоминал А. Оленич-Гнененко [Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14–69». Контексты эпохи, 2018, с. 399]. Был и одноименный журнал «Словосвет», его единственный номер вышел в 1919 г.

Оставалось актуальным и изготовление самодельных альбомов / книг из вырезок напечатанных в газетах рассказов и статей, о которых впервые написал М. Басов еще в 1928 г., первым получивший доступ к архиву А. Сорокина после его смерти. В публикации в журнале «Сибирские огни» в 1-й же главе под названием «Архив А. Сорокина» говорится о

² Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1073. Оп. 1. Д. 393. Л. 42.

«четырёхстах названиях напечатанных и ненапечатанных» произведений писателя и «двадцати папках» с сотнями рассказов, оставшихся неизвестными читателю [Басов, 1928, с. 211]. М. Басов подробно не описывает имевшиеся там самодельные книги, но такие же книги (о чем говорилось в начале нашей статьи) делал и Вс. Иванов, возможно, как раз под влиянием или по примеру А. Сорокина. Самая ранняя из этих двух книг – «Зеленое пламя», она создана не позднее 1918 г. Автор здесь обозначен как «Всеволод Иванов-Тараканов», и, помимо вклеенных в черную общую тетрадь, «газетных столбцов моих первых рассказов», как писал сам Вс. Иванов, она имела признаки черновика, рабочей тетради. Некоторые ее тексты «переписаны от руки (части рассказов «Рао», «Сны осени»)), как комментирует Е.А. Папкова, а в некоторые тексты «в отдельных случаях внесена незначительная авторская правка», касающаяся «главным образом заглавий и посвящений» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 152]. Если учесть, что под каждой из газетных вырезок «зачеркнуты имя автора, город и год» [Там же, с. 152] и некоторые посвящения, то можно квалифицировать эту книгу-тетрадь как заготовку для типографского издания.

Вряд ли случайно, с учетом контекста отношений этих двух сибирских писателей, в архиве А. Сорокина «хранится похожий на ивановский самодельный сборник рассказов, также представленный газетными вырезками» под названием: «Сорокин А.С. Сибирский писатель. Сборник». В него входят, пишет автор комментариев к первому разделу «Неизвестного Всеволода Иванова» Е.А. Папкова, «главным образом, рассказы Вс. Иванова: «Две гранки», «Анделушкино счастье», «Похороны», «Шимпанзе», «Гривенник» и др.» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 154], а названо это «мистификацией». При более внимательном изучении этого архивного дела обнаруживается, что «А. Сорокин, сибирский писатель» присутствует на всех папках архива А. Сорокина и слово «Сборник» является самостоятельным в обозначении документа, вовсе не означая полной принадлежности рассказов А. Сорокину. Нет здесь и фамилии Вс. Иванова. На наш взгляд, это все то же проявление протосамиздата, как и самиздата вообще, точнее, способов его существования, не всегда строго относившегося к категории авторства. Вторая самодельная книга Вс. Иванова «Рассказы» больше приближена к собственно книге, в ней меньше признаков черновой тетради. На титульном листе типографским шрифтом набрано: «Всеволод Тараканов. Рассказы. Омск. 1919 г.», в книгу «вложены: два листа бумаги, на которых типографским шрифтом набрано: “Всеволод Тараканов. По блоку”». Как считает Е.А. Папкова, это, «вероятно, варианты обложки для предполагае-

мой книги рассказов» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 155]. Скорее всего, у «Рассказов» было больше шансов для превращения их в полноценную книгу не только по ее почти книжному оформлению, но и по содержанию входивших в нее произведений, более зрелых, профессиональных, чем в «Зеленом пламени», – «Купоросный Федот», «Анделушкино счастье», «Американский трюк», «Дуан-хэ – борец из Тибета» и др.

Однако быть напечатанной было суждено лишь третьей самодельной книге Вс. Иванова «Рогульки». В ее создании главную роль сыграла его работа в передвижной типографии армии А.В. Колчака, издававшей газету «Вперед», куда его устроил тот же А. Сорокин весной 1919 г. А летом, «в свободное время, – вспоминал Вс. Иванов, – я стал набирать книжку своих рассказов, которые когда-то, в 1916 г., напечатала газета «Приишимье» [Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69». Контексты эпохи, 2018, с. 385]. Сразу отметим, что это не соответствует действительности: половина рассказов «Рогулек» из восьми написана специально для книги в 1919 г., а другая – чуть раньше: «Шантрапа» – в газете «Согры», рассказ «Рогульки» весной 1919 г. – в газете «Земля и труд» и еще два рассказа из сборника «Рассказы» переработаны специально для новой книги. И сам Вс. Иванов подчеркивает, что «эти рассказы казались мне полными жизни, целомудренными, ясными и, так сказать, красноречивыми», в отличие от «декадентских» рассказов 1915-1916 гг. И еще важное признание: «Я беззастенчиво относил их к тонким и лучшим произведениям среди всего, что писалось тогда в Сибири» [Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69» ..., 2018, с. 385]. Очевидно, что эта небольшая книга, форматом напоминающая брошюру, делалась экстренно, в авральные обстоятельства спешки в связи с начавшимся отступлением армии А. Колчака. В нормальных, мирных условиях этот сборник из восьми небольших рассказов (всего – 62 с.), скорее всего, был бы намного больше по объему.

Подтверждением этому может служить экземпляр «Рогулек», хранящийся в архиве А. Сорокина в папке под названием «Сборник рассказов и стихов (изданных в пользу больных и раненых воинов в г. Омске)». Он включает рассказы Вс. Иванова: «Рогульки», «Купоросный Федот», «джут» (так!), «Шантрапа» и др. (1919 г.) Несмотря на обозначенную в названии дела фамилию автор, текст «Рогулек» лишен здесь имени Вс. Иванова – отсутствуют передняя и задняя части обложки, титульный лист, последняя страница книги с оглавлением. В таком виде текст книги подшит к другим: вырезка из брошюры Л.Н. Толстого «Письмо к фельдфебелю» и целиком брошюра «Кому достанется земля?» А. Бонч-Осмо-

ловского. Особое внимание обращает на себя вшитый в текст данного конволюта анонс журналов «Сибиряк» и «Словосвет», которые объявляют в своих будущих изданиях приоритет «художественного слова» по сравнению с избытком «политических статей во всех газетах»³ и подчеркивают необходимость печатать больше «Сибирских Писателей» (так!), которые не могут «прокричать рекламой о своем выстраданном творчестве»⁴. В этом же смысловом ряду стоит вклейка вырезанного из журнала некролога поэта И. Славнина, входившего в литкружок А. Сорокина за подписью «Л. М.», т.е. Леонид Мартынов. Можно предположить, что А. Сорокин явно намечал издание большого сборника сибирских писателей, где Вс. Иванову принадлежала бы ведущая роль, при этом по традиции оставляя вопрос авторства открытым. Следование такому принципу особенно понятно в свете нестихающего потока, уже в 20-е гг., его обвинительных писем с дискредитацией Вс. Иванова как самостоятельного писателя, который якобы не мог талантливо писать в отрыве от него, своего учителя, и от Сибири вообще. Вместе с тем, примерно в это же время – 1919 г. – издается или переиздается книга рассказов «Тюун (так!)-Бот», где содержится «Вступление» Вс. Иванова с нелицеприятной оценкой личности А. Сорокина-писателя, но есть и рассказ «Человек, который не умер» с посвящением Вс. Иванову: «Отдаю Всеволоду Иванову».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на примере раннего творчества Вс. Иванова в статье показано, как выходец из народа, начавший свой путь в русле «народной литературы» в качестве писателя-самоучки совершает эволюцию на пути становления как писателя-профессионала, проходя следующие этапы: 1) изготовление рукописных книг «для себя», без стремления их тиражирования, распространения («Зеленое пламя»); 2) создание рукописных книг, подготовленных для печати, для тиражирования и распространения («Рассказы»); 3) собственноручное издание книг в типографии, предназначенных для ограниченного распространения в близкой ему среде («Рогульки»). Своеобразие пути такого писателя от самодеятельности к профессиональному статусу на примере творчества Вс. Иванова состоит в том, что он сам, во-первых, работал в типографии, получив навыки типографского работника (издание книги К. Худякова «Сибирь»); во-вторых, осуществлял свою деятельность в период революции и гражданской войны, т.е. смены власти, и это накладывало отпечаток на характер литературных произ-

ведений, в которых подчеркивался прежде всего аполитизм; в-третьих, испытывал немалое влияние личности А. Сорокина, близкого футуризму, что предполагало не только совместное издание газет, журналов, книг («Согры», «Сибиряк», «Бим-Бом», «Тююн-Бот»), но и специфическое авторство, нередко без точно установленной принадлежности текстов тому или другому писателю.

Столь неоднозначный контекст порождает самые разные виды альтернативной литературы и самиздата в его начальной стадии – протосамиздата, принимавшего такие причудливые формы, как недифференцированное авторство и книгоиздание по типу сборника-конволюта. Это оказало немалое влияние на становление творчества Вс. Иванова – впоследствии одного из оригинальных писателей советской эпохи. Роль А. Сорокина, который культивировал статус Вс. Иванова как самоучки-самиздателя и своего ученика и которому было выгодно промежуточное положение Вс. Иванова при публикации рассказов с не всегда ясным авторством, является неоднозначной и нуждается в дополнительном исследовании. Очевидно, что выбор Вс. Ивановым в качестве нового «учителя» А.М. Горького и переезд за Урал – в Петроград и Москву были во многом связаны с освобождением от диктата А. Сорокина и его издательских практик. В то же время способы существования писателей-самородков в Сибири в промежуточной роли самоучек / профессионалов с «плавающим» авторством, как правило, в сборниках, альманахах, журналах, газетах в предреволюционную эпоху и примыкающее к ней двухлетие гражданской войны, когда власть переходила от красных к белым и обратно, т.е. была тоже неустойчивой, «плавающей», представляют собой ценный опыт в сфере протосамиздата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басов М. Антон Сорокин // Сибирские огни. 1928. № 4. С. 212–220.
- Бельский Е.И. Писатели моей земли. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 178 с.
- Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69». Контексты эпохи / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 733 с.
- Даниэль А. История самиздата // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М.: Рудомино, 1994.
- Иванов Вс.В. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худож. литература, 1978. Т. 8. 782 с.
- Иванов Вс.В. Переписка с М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М.: Сов. писатель, 1985. 480 с.
- Клейнборг Л.М. Очерки народной литературы (1880–1923 гг.). Беллетристика. Факты, наблюдения, характеристики. Л.: [Сеятель], 1924. 312 с.
- Крученых А.Е. К истории русского футуризма. Воспоминания и документы. М.: Гилея, 2006. 458 с.
- Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1986. Т. 7: Воспоминания: окончание; статьи, очерки, рецензии / Григорий Николаевич Потанин. Воспоминания о Г.Н. Потанине. 342 с.
- Мяло К. Предисловие // По страницам самиздата. М.: 1990.

³ ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 393. Л. 11а.

⁴ Там же. Л. 12.

Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы для биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.

Папкова Е.А. Сибирские источники прозы Вс. Иванова начала 1920-х гг. // Сиб. филол. журн. 2015. № 3. С. 17–26.

Папкова Е.А. Эго-документы Всеволода Иванова 1917–1920 гг. // Текстологический временник. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3. С. 231–258.

Папкова Е.А. Творчество Всеволода Иванова 1910–1920-х гг. Текстология, биография, контексты: автореф. дис....д-ра филол. наук. М., 2022. 47 с.

Савенко Е.Н. Свободное слово: очерки истории самиздата Сибири (1920–1990 гг.). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН. 2017. 480 с.

Самиздат // Альтернативная культура: энциклопедия. Екатеринбург, 2005.

Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 308 с.

Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова, 2002.

Сокращенная стенограмма заседания круглого стола (3 марта 2014 г.): «Что такое самиздат?» // Acta samizdatica : Записки о самиздате: альманах. М., 2015. ГПИБ России, «Мемориал». Вып. 2(3). С. 10–38.

Сорокин А.С. Тююн-Ботт: [Сборник рассказов]. Омск, 1919. 76 с.

Сорокин А.С. Тридцать три скандала Колчаку. СПб.: Красный Матрос, 2011. 148 с.

Сорокин А.С. Сочинения. Воспоминания. Письма. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2012. 513 с.

Трушкин В.П. Пути и судьбы. Литературная жизнь Сибири 1900–1917 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 440 с.

REFERENCES

(2015). An abridged transcript of the round table meeting (March 3, 2014): «What is samizdat?» // Acta samizdatica / Zapiski o samizdate: al'manakh. Issue 2(3), GPIB Rossii, "Memorial", Moscow, pp. 10–38. (In Russ.)

Basov M. (1928). Anton Sorokin. *Sibirskie ogni*. No. 4, pp. 212–220. (In Russ.)

Belenky E.I. (1967). Writers of my land. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 178 p. (In Russ.)

Daniel A. (1994). The history of samizdat. Gosbezopasnost' i literatura na opyte Rossii i Germanii (SSSR i GDR). Moscow, Rudomino, 1994. (In Russ.)

Ivanov Vs.V. (1985). Correspondence with M. Gorky. From diaries and notebooks. Moscow, Sov. pisatel, 480 p. (In Russ.)

Ivanov Vs.V. (1978). Collected works in 8 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1978, vol. 8, 782 p. (In Russ.)

Kornilenko N.V. (ed.) (2018). Vsevolod Ivanov. «Armored train 14–69». Era contexts. Moscow, IMLI RAN, 733 p. (In Russ.)

Kleinbort L.M. (1924). Essays on folk literature (1880–1923). Fiction writers. Facts, observations, characteristics. Leningrad, [Seyatel'], 312 p. (In Russ.)

Kruchenykh A.E. (2006). On the history of Russian futurism. Memoirs and Documents. Moscow, Gileia, 458 p. (In Russ.)

(1986). Literary heritage of Siberia. Vol. 7: Memoirs by Grigory Nikolaevich Potanin: ending; articles, essays, reviews. Memories of G.N. Potanin. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 342 p. (In Russ.)

Myalo K. (1990). Preface. *Po stranitsam samizdata*. Moscow. (In Russ.)

Papkova E.A. (2022). Creativity of Vsevolod Ivanov of the 1910s – 1920s. Textology, biography, contexts: abstract. dis.... dr. philol. sciences'. Moscow, 47 p. (In Russ.)

Papkova E.A. (2018). Ego-documents of Vsevolod Ivanov, 1917–1920. *Tekstologicheskii vremennik*. Moscow, IMLI RAS, iss. 3, pp. 231–258. (In Russ.)

Papkova E.A. (2015). Siberian sources of prose Vs. Ivanova of the early 1920s. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 17–26. (In Russ.)

Savenko E.N. (2017). Free speech: essays on the history of samizdat Siberia (1920–1990). State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, 480 p. (In Russ.)

(2005). Samizdat // Alternative culture: encyclopedia. Yekaterinburg, 2005. (In Russ.)

Serebrennikov N.V. (2004). Experience in the formation of regional literature. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 308 p. (In Russ.)

Sokolov A.V. (2002). General theory of social communication. Saint Petersburg: Izd-vo Mikhaylova. (In Russ.)

Sorokin A.S. (1919). Tyun-Boot: [Collection of stories]. Omsk, 76 p. (In Russ.)

Sorokin A.S. (2011). Thirty-three scandals to Kolchak. Saint Petersburg, Krasnyy Matros, 148 p. (In Russ.)

Sorokin A.S. (2012). Works. Memories. Letters. Tobol'sk, Vozrozhdenie Tobol'ska, 513 p. (In Russ.)

Trushkin V.P. (1972). Ways and fates. Literary life of Siberia 1900–1917. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. Izd-vo, 440 p. (In Russ.)

(2010). Unknown Vsevolod Ivanov. Materials for biography and creativity. Moscow, IMLI RAN, 784 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.04.2023

Дата рецензирования 08.07.2023

Статья принята к публикации 13.07.2023

ОСВОЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИИ

DOI: 10.15372/HSS20230310
УДК 930.2+94(570)"19/20"+91
EDN: KWAQZQ

Т.А. КЕБАК

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКИХ ОТДЕЛОВ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В МЕМУАРАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28

В статье анализируются мемуары политических ссыльных, отбывавших ссылку в Сибири во второй половине XIX в. и принявших активное участие в работе местных отделов Императорского Русского географического общества. Большинство привлеченных текстов воспоминаний было написано и опубликовано в 1920–1930-х гг. в Советской России по инициативе Общества политкаторжан и ссыльных-поселенцев. «Общим местом» для мемуаров политссыльных стало упоминание участия в работе отделов Географического общества, а также описание возможностей, которые это давало: занятия общественной и научной деятельностью, вопреки правительственным запретам, финансирование экспедиций и доплаты к скудным выплатам вышедшим на поселение революционерам, право передвижения по Сибири. Определены чаще всего встречающиеся в текстах «герои» – члены местных отделов Географического общества.

Ключевые слова: Императорское Русское географическое общество, политические ссыльные, мемуары, народники.

Для цитирования: Кебак Т.А. Деятельность сибирских отделов Императорского Русского географического общества в мемуарах политических ссыльных второй половины XIX – начала XX века // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 74–79.

Т.А. КЕБАК

THE ACTIVITY OF THE SIBERIAN BRANCHES OF THE IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY IN THE MEMOIRS OF THE POLITICAL EXILES IN THE SECOND HALF OF 19TH–EARLY 20TH CENTURY

Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilyuiskaya str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation

In the second half of 19th – early 20th century, the Imperial Russian Geographical Society (IRGS) was one of the most influential scientific societies of the empire, to enter which one needed the recommendations from other members of the organization. However, in Siberia, where the branches of the IRGS were also opened, there were many political exiles who were formally forbidden to engage in social and scientific activities. The local administration, represented by the governors and the governors-general, who were at the same time the patrons of the branches, looked tolerantly on the participation of the political exiles in scientific activities due to a lack of qualified specialists. The authorities were interested in studying the expanses of Siberia in geographic, ethnographic, geological and other respects. However, the opportunities which the political exiles got due to the participation in the work of the Siberian branches of the IRGS, and the ways they described the activities of the geographical society in

Татьяна Анатольевна Кебак – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Новосибирский государственный педагогический университет, e-mail: kta_06@list.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4279-8310>.

Tatyana A. Kebak – Candidate of Historical Sciences, Associate professor at the Department of the National and Foreign History, Novosibirsk State Pedagogical University.

their memoirs has not yet become the subject of a special study of historians. The texts analysis of the memoirs of the political exiles made it possible to determine the time of their writing and publication. Most of them were published in 1920s – 1930s through the activities of the Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers. The range of the opportunities, which the Siberian branches of the IRGS provided to the “involuntary settlers” was significant: involvement in social and scientific activities, bypassing government restrictions; getting funding for research trips and additional payments to meager payouts to the revolutionaries on the settlement; the right to travel across Siberia and the empire as a whole, as well as participation in expeditions to the neighboring border countries. The article characterizes the interaction of the local authorities with the settlers-researchers and the factors that influenced it. The texts of the memoirs revealed a variety of significant people for the authors, whose choice was influenced by the social, political and national identity of the political exile. In addition, the most frequently encountered “heroes” were identified in the texts – the scientists of the local branches of the geographical society (G.N. Potanin, D.A. Klements and A.K. Kuznetsov), who abandoned revolutionary work for the sake of scientific and social activities, but continued to provide all possible assistance to the political exiles.

Key words: *Imperial Russian Geographical Society, political exiles, memoirs, Narodniks.*

ВВЕДЕНИЕ

Императорское Русское географическое общество (далее – ИРГО) – одно из старейших научных обществ России (организовано в 1845 г.). Уже через несколько лет после открытия столичного отдела (Санкт-Петербург) начали возникать филиалы на окраинах империи, в том числе Сибирский отдел ИРГО (с 1877 г. Восточно-Сибирский отдел ИРГО) и Западно-Сибирский отдел ИРГО. Основная масса трудов дореволюционных и советских исследователей, писавших о деятельности ИРГО, представляла собой юбилейные сборники, в которых находила отражение история научного общества, а также освещались биографии и вклад выдающихся сотрудников в работу отделов. В современной историографии продолжается выпуск публикаций, приуроченных к очередной годовщине отдела или подотдела ИРГО, исследователи обращаются и к таким темам, как, например, организация научными обществами полярных экспедиций [Сухова, 2021, с. 523–541], изучение транспортных путей [Дергачев, 2018, с. 5–9] и др.

Давнюю традицию имеют исследования по истории сибирской политической ссылки. Первыми к этому сюжету обратились сами политические ссыльные, привлекая внимание общественности к тяжелому положению «невольных поселенцев». В советской историографии «ссыльная тема» была продолжена и стала одной из ключевых в исторической науке, что нашло подтверждение прежде всего в защищенных диссертациях, публикации статей в специализированных сборниках. История ссылки на восточных окраинах Российской империи также интересует современных гуманитариев, однако изменились исследовательские подходы, появились новые области исследований, пересматриваются некоторые выводы, сделанные в советский период. Центральным изданием с 2000 г. стал обновленный сборник «Сибирская ссылка» (до 1991 г. он выходил под названием «Ссыльные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.)»), объединивший современных российских историков, интересующихся политический и уголовной ссылкой. Одним из признанных специалистов в этой области является профессор Иркутско-

го государственного университета А.А. Иванов, который охарактеризовал историю и историографию уголовной и политической ссылки в Сибири [Иванов, 2016, 2021].

Среди массива трудов гуманитариев, посвященных истории сибирских отделов ИРГО и политической ссылке, еще не было обнаружено работ, в которых обращалось бы внимание на отражение в мемуарах политических ссыльных деятельности филиалов Географического общества, находившихся на восточной окраине империи.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ – СОТРУДНИКИ ИРГО

В сибирских отделах ИРГО, в отличие от столичного научного общества, примерно треть сотрудников составляли политические ссыльные. Объяснить такую ситуацию можно несколькими причинами. Здесь отмечался сильный недостаток людей, способных к серьезным аналитическим исследованиям, а не только к работам описательного характера. Политические ссыльные в рассматриваемое время в большинстве своем имели высшее или незаконченное высшее образование. У некоторых из них уже был опыт научной, экспедиционной деятельности, но чаще всего они приобретали такой опыт в Сибири. Практически все они были молоды, в возрасте 20–30 лет, стремились к самообразованию. Многие из поселенцев, ставшие в будущем известными учеными, начинали свою исследовательскую карьеру именно в сибирских отделах Географического общества: например, зоологи В.А. Годлевский и Б.И. Дыбовский, этнографы Д.А. Клеменц, Ф.Я. Кон и Э.К. Пекарский, геологи А.Л. Чекановский, И.Д. Черский и пр.

Местная администрация в лице губернаторов и генерал-губернаторов, которые одновременно являлись покровителями отделов Географического общества, на участие политссыльных в научной деятельности смотрели довольно терпимо в условиях нехватки квалифицированных специалистов. Власти были заинтересованы в изучении пространств Сибири в географическом, этнографическом, геологическом и других отношениях, например, требовались сведения для составления карт, строительства грунтовых и же-

лезных дорог, организации переселения крестьян из европейской части России, разработки полезных ископаемых.

МЕМУАРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ – ЧЛЕНОВ ИРГО

Более трех десятков политических ссыльных принимали участие в работе указанного научного общества в Сибири, однако не у всех удалось найти воспоминания, в которых они описывали бы работу в сибирских отделах ИРГО. В своих мемуарах о деятельности ИРГО писали Б.И. Дыбовский ссыльный поляк, принявший участие в январском восстании 1863 г., также народники С.Я. Елпатьевский, Ф.Я. Кон, М.А. Кроль, Н.А. Чарушин и С.Л. Чудновский. Несколько сотрудников ИРГО весьма коротко упоминали о деятельности научного общества в своих мемуарных текстах – народники М.О. Маркс, Д.А. Клеменц, В.И. Иохельсон, М.П. Овчинников и И.В. Шкловский.

При написании мемуарных текстов некоторые исследователи опирались на свои дневники и записи (например, С.Я. Елпатьевский, Ф.Я. Кон, С.Л. Чудновский), фрагменты которых уже были опубликованы в различных периодических изданиях. Центральным местом во всех воспоминаниях являлась ссылка в Сибирь, причем особое внимание уделялось деятельности местных отделов ИРГО: даются характеристики покровителям и руководителям Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского отделов ИРГО, упоминаются имена сотрудников общества (чаще всего, это другие политические ссыльные), раскрывается процесс организации и проведения экспедиций.

Половина текстов воспоминаний принадлежит представителям народнического движения, они написаны в начале и середине 1920-х гг. при активной поддержке Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Массив мемуаров народников, написанный и опубликованный в 1920–1930-х гг., был, по мнению историков Т.А. Сабуровой и Б. Эклофа, попыткой защитить наследие народничества от атак молодых большевиков, благодаря созданию «коллективного воспоминания» о своей активной революционной деятельности [Сабурова и др., 2016, с. 357–358].

Мемуары Соломона Лазаревича Чудновского «Из дальних лет: воспоминания» (годы ссылки: 1878–1893) были написаны в 1906 г., и, как указывает автор в предисловии, «по настоянию друзей и товарищей». Фрагменты этих воспоминаний публиковались при его жизни в журнале «Былое», полный текст мемуаров С.Л. Чудновского вышел в 1934 г. по инициативе Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных-поселенцев.

Феликс Яковлевич Кон написал свои воспоминания «За пятьдесят лет» (годы ссылки: 1884–1904) в

середине 1920-х гг. Их отдельные фрагменты печатались на страницах журнала «Каторга и ссылка», редактором которого он был. В 1930-х гг. его воспоминания публикуются дважды: в первой половине 1930-х гг. издательством Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных-поселенцев, и в 1936 г. – издательством «Советский писатель» – к тому времени Общество было уже ликвидировано [Кон, 1936].

Народоволец Сергей Яковлевич Елпатьевский (годы ссылки: 1884–1891) написал мемуары в начале 1920-х гг. Скорее всего, автор намеревался опубликовать их в журнале «Былое» в 1926 г., но издание было закрыто из-за финансовых проблем. Корректурные оттиски последних номеров сохранились и вышли в начале 1990-х гг. В 1929 г. воспоминания народника были изданы отдельной книгой, а в 1980-х гг. переизданы в Уфе [Елпатьевский, 1984].

Текст своих мемуаров народоволец Николай Аполлонович Чарушин (годы ссылки: 1878–1895) начал писать в первой половине 1920-х гг. по просьбе В. Фигнер с целью создания «коллективных воспоминаний» о народничестве 1870-х гг. Текст его воспоминаний выходит отдельной книгой в 1926 г. в издательстве Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных-поселенцев [Чарушин, 1931].

На фоне указанных мемуаров выделяются два текста, которые были написаны за пределами России – воспоминания ссыльного поляка Б.И. Дыбовского и народника М.А. Кроля [Дыбовский..., 2021; Кроль, 2008].

Бенедикт Иванович Дыбовский (ссылка в 1863–1877 гг.) написал свои мемуары в конце 1920-х гг., в 1930 г. они вышли во Львове на польском языке, в СССР они попали во многом случайно [Дыбовский, 2021, с. 10]. В начале XXI в. фрагменты его мемуаров были опубликованы на русском языке дважды – в 2000 и 2021 гг.

Воспоминания Моисея Ароновича Кроля были написаны в эмиграции в 1930-е гг. (ссылка в 1887–1895 гг.). Как указывают в предисловии редакторы мемуаров М.А. Кроля, он писал текст на основе дневников, которые вел продолжительное время, но к моменту написания мемуаров они были утрачены, и автор вынужден был восстанавливать многие моменты своей жизни по памяти, что привело к некоторым искажениям в повествовании. Первый том был опубликован в США в 1944 г., второй том так и не вышел. Рукопись была обнаружена в 1994 г. в Гугеровском институте войны, революции и мира российским историком Н.Л. Жуковской и опубликована в 2008 г.

ССЫЛЬНЫЕ ОБ УЧАСТИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИРГО

В текстах воспоминаний, как уже отмечалось, написанных и опубликованных примерно в один хронологический период, важным сюжетом невольного

своего пребывания в Сибири авторы выделяют работу в местных отделах Географического общества. Ссыльнопоселенцы в целом положительно отзывались о деятельности отделов ИРГО, отмечая возможности, которые они давали ссыльным.

Во-первых, ссыльные могли заниматься общественной и научной деятельностью вопреки Положению о полицейском надзоре 1882 г., согласно которому, политическим ссыльным это было запрещено. Принятие законодательного акта ухудшило ситуацию во многих местах политической ссылки и ограничило для ссыльных участие в местной общественной жизни. Об этом Ф.Я. Кон упоминал в мемуарах: «до десяти процентов долгосрочных политических ссыльных погибало от алкоголя, огромный процент кончал самоубийством, огромный процент разлагался» [Кон, 1936, с. 239–240]. Ссыльнопоселенцы сами писали в научные отделы с предложением заняться исследованиями, в ответ не встречали никаких препятствий со стороны руководителей и членов ИРГО. Ссыльным оказывалось содействие со стороны правителей дел и сотрудников Географического общества, начиная от формулировки ходатайств для местной власти и заканчивая обращением к руководству Географического общества с просьбой снять полицейский надзор и разрешить переезд в европейскую часть России. Ссыльные участвовали в научных экспедициях в качестве специалистов-исследователей, писали отчеты и статьи о результатах своих путешествий, публиковали их, выступали с докладами, организовывали музеи и отделы ИРГО. Вот как описывает Ф.Я. Кон необходимость участия ссыльных в какой-либо общественной деятельности: «многие из заброшенных в то время на далекий северо-восток политических ссыльных уцелели только благодаря тому, что им удалось зацепиться за жизнь, найти хоть бы только суррогат содержания в изучении окружающих и в оказании им хотя бы крохотной помощи в их тяжелой борьбе за существование» [Кон, 1936, с. 258–259].

Во-вторых, сибирские отделы ИРГО могли оказывать финансовую поддержку своим сотрудникам – политическим ссыльным. В условиях отсутствия заработка или его незначительного размера небольшие выплаты от научного общества позволяли «невольным поселенцам» поддерживать свое существование и продолжать свои «научные изыскания» [Дыбовский, 2021, с. 71]. ИРГО и его отделы финансировали экспедиции политических ссыльных, давая возможность последним заняться научными исследованиями и общаться с представителями сибирской интеллигенции.

В-третьих, покровительство ИРГО делало достижимым для политических ссыльных передвижение по Сибири, России, а иногда и по соседним вос-

точным странам. Ограниченные в правах, ссыльные не имели права самостоятельно покидать места поселений, только с разрешения местной администрации, а участие в научной работе РГО и отделов давало такую возможность. В своих воспоминаниях М.А. Кроль пишет, что достаточно было подать докладную записку губернатору о необходимости научных исследований и в большинстве случаев ссыльный право передвижения получал. По мнению сибирских властей, исследовательская работа «отвлекает мысли ссыльных от революционных планов и фантастических проектов о побегах» [2008, с. 146]. Такого рода предположения были небезосновательными. Некоторые политические ссыльные во время пребывания в сибирском регионе полностью прекращали свою революционную деятельность, увлекшись наукой так, что «даже волны революции 1905 г. не смогли снять их с этой научной мели» [Кон, 1936, с. 359].

Ссыльные отмечали в своих воспоминаниях, что вопреки статусу центра генерал-губернаторства, где политические преступники не имели права проживать, в Иркутске сформировалась «большая колония политических ссыльных», активно занимавшихся научной, журналистской и педагогической деятельностью [Там же, с. 368–369]. Авторы мемуаров, бывшие поселенцы восточного края, объясняли лояльность властей необходимостью изучения и развития сибирского региона, ключевая роль в этом принадлежала ссыльным из-за недостатка необходимых кадров [Кроль, 2008, с. 224–225]. Однако в Омске, где располагался Западно-Сибирский отдел ИРГО, ситуация была другая. С.Л. Чудновский упоминает, что во время его проживания в Омске ссыльных в городе практически не было, так как «здесь избегали поселять крамольников» [1934, с. 269]. Автор подчеркивал, что в столице Степного генерал-губернаторства основу населения составляли чиновники и военные, общество без «высших жизненных интересов» с «малокультурной обстановкой» и потому непривлекательное для мыслящих людей [Чудновский, 1934, с. 269]. Ф.Я. Кон, который также заезжал в Омск, но в следующее десятилетие (1890-е гг.) после С.Л. Чудновского, уже отмечал присутствие ссыльных и их прямое влияние на «лучшую газету Сибири» «Степной край» [Там же, с. 459].

В некоторых случаях политические ссыльные даже получали возможность поехать в соседние страны для продолжения своих исследований или для участия в экспедициях. Например, народник Н.А. Чарушин сопровождал в научной поездке Г.Н. Потанина в Монголию в 1888 г. в качестве фотографа, но для того, чтобы это путешествие состоялось, Григорию Николаевичу пришлось обратиться за помощью к вице-председателю РГО П.П. Семенову-Тянь-Шанскому.

Экспедиция Ф.Я. Кона в 1899 г. в Китай состоялась, поскольку генерал-губернатор не обладал необходимыми сведениями о населении Сибири и соседних государств.

«ГЕРОИ»-УЧЕНЫЕ ИРГО

В текстах политических ссыльных освещаются не только общие темы, связанные с Географическим обществом и его отделами, но уделяется также внимание «героям». Например, это областник и известный исследователь Г.Н. Потанин, представители народнического движения этнограф Д.А. Клеменц и организатор Читинского музея А.К. Кузнецов. Все они также были политическими ссыльными, только в отличие от народников, Г.Н. Потанин отбывал больший срок своей каторги в европейской части империи из-за участия в деле об «отделении Сибири от России».

В характеристике личности Г.Н. Потанина мемуаристы были единодушны: известный ученый и путешественник, «страстный сибирский патриот» [Кроль, 2008, с. 257; Чарушин, 1931, с. 161], один из «столпов сибирской печати» [Чудновский, 1934, с. 270], ставший «живым символом духовной независимости, чистейшего идеализма и жертвенной любви к Сибири» [Кроль, 2008, с. 257]. Однако в описании внешности и черт характера известного областника авторы расходились, что зависело от длительности знакомства с ним. В воспоминаниях С.Л. Чудновского Г.Н. Потанин предстает как человек немолодой, но моложавый, ниже среднего роста, коренастый, с «инородческими (киргизскими) чертами лица». Народник отмечает, что Григорий Николаевич был интересным собеседником, начитанным и наблюдательным. В описании Н.А. Чарушина, помимо внешности Г.Н. Потанина (небольшого роста, крепкий, с выразительным лицом), основной акцент сделан на черты характера: энергичный и настойчивый в достижении целей, неприязнительный в быту, неутомимый в своих исследовательских изысканиях. Автор отмечал, что несмотря на скромность, Г.Н. Потанин сумел очаровать «кяхтинское общество» и потеснить образ «блестящего и шумного Пржевальского», также проезжавшего через город во время путешествия в Китай. Н.А. Чарушин знал областника лучше других авторов воспоминаний, так как имел опыт совместной работы в этнографической экспедиции [Чарушин, 1931, с. 161–162].

Важной фигурой для авторов был народник Д.А. Клеменц, который в ссылке отказался от революционной деятельности и увлекся научными исследованиями, став известным ученым в России. Народник Н.А. Чарушин знал Дмитрия Александровича еще до ссылки, в период его увлечения революци-

онными идеями, поэтому в текстах сравнивает свои впечатления от встречи с ним в Сибири. По мнению автора, энергичный характер бывшего революционера не поменялся, изменилась только сфера деятельности – наука [Чарушин, 1931, с. 177].

М.А. Кроль и С.Я. Елпатьевский познакомились с Д.А. Клеменцем в ссылке и были единодушны в его характеристике. Во-первых, они обратили внимание на контрастность в его внешности: «с немецкой фамилией и полукалмыцким лицом» [Елпатьевский, 1984, с. 161], «он был настоящим монголом», но «его глубокий взгляд и манера себя держать явно говорили об его настоящей высокой европейской культуре» [Кроль, 2008, с. 210]. Во-вторых, выделяли его качества как рассказчика, оригинального ученого, не признающего спокойного образа жизни. В-третьих, высказывали сожаление, что крупных работ Д.А. Клеменц так и не написал: «он умер, не прочитавши ни одной лекции и не опубликовавши своих главных работ» [Елпатьевский, 1984, с. 163].

Еще один упоминаемый в мемуарах герой – политический ссыльный А.К. Кузнецов, участник «Народной расправы» С.Г. Нечаева. Ф.Я. Кон и М.А. Кроль отмечали его активную деятельность после каторги в Чите, что проявилось прежде всего в создании по его инициативе местного музея и отдела РГО. Мемуаристы, касаясь биографии А.К. Кузнецова, подчеркивают, что вопреки демонизации членов «Народной расправы», в их среде оказался «высокообразованный, благородный, полный самопожертвования» человек [Кон, 1936, с. 222], который стал «общепризнанным заступником политических ссыльных» [Кроль, 2008, с. 235].

Каждый мемуарист выделял в своих текстах многих значимых для него людей, которых он встречал на том или ином этапе своей жизни. Каторга и ссылка повлияли на привычный образ жизни авторов, изменив не только окружение, но и мировоззрение, представления о самих себе, своем будущем и «героях», которые могли стать примерами для подражания. Находясь на далекой окраине империи, авторы воспоминаний отмечали, что, не имея возможности заниматься революционной деятельностью, они искали другие способы принести пользу обществу, например, занимаясь научной работой, что отразилось в выборе и характеристике людей, ставших «героями» их повествования. Каждый мемуарист выделял «своих» значимых людей из окружения. Так как большинство авторов были народниками, в центре их внимания находились «соратники по духу» на свободе и в ссылке, например, Е.К. Брешко-Брешковская, С.Л. Перовская, П.Ф. Якубович и др. Невольное нахождение в Сибири и просветительская работа среди местного населения делали для авторов текстов важным обращение к декабристскому наследию.

М.А. Кроль и С.Л. Чудновский отмечали благотворное влияние декабристов на сибирское население в вопросах «культуры, развития и просвещения этой отдаленной окраины, и недаром благодарная память об этих предтечах наших свежо еще сохранилась ... в местном населении» [Чудновский, 1934, с. 185; Кроль, 2008, с. 124].

Однако на выбор «героев» воспоминаний колоссальное влияние оказывала не только общественно-политическая, но и национальная идентичность. Например, в текстах М.А. Кроля и Ф.Я. Кона встречается постоянная отсылка к еврейскому происхождению и окружению, а у Дыбовского – к польскому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, из анализа текстов мемуаров следует, что научная деятельность политических ссыльных в сибирских отделах РГО становилась важной частью их жизни, позволяла ослабить вынужденную изоляцию и включиться в общественную или исследовательскую работу. Сибирские отделы охотно принимали в свои ряды «нежелательные элементы» с молчаливого, а порой и официального согласия региональной власти, которая курировала местные научные общества. В условиях нехватки квалифицированных кадров изучение края политическими ссыльными стало компромиссным решением как для сибирской администрации, так и для самих исследователей. Общим местом в текстах мемуаров являлась положительная характеристика не только сибирских отделов ИРГО, но и «героев»-ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дергачев А. Ю. Научные общества и изучение транспортных путей в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. Сиб. гос. ун-та путей сообщения. Гуманитарные исследования. 2018. № 1(3). С. 5–9.

Дыбовский на Байкале: сб. трудов / сост. А.С. Асеева, Н.Г. Репина, С.В. Снопков. Иркутск: Изд. «Графика+», 2021. 221 с.

Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1984. 360 с.

Иванов А.А. Политическая ссылка Иркутска конца XIX в. в мемуарном наследии И.И. Попова // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. С. 495–505.

Иванов А.А. «Далеко в стране Иркутской...». Очерки истории политической и уголовной ссылки XVI – начала XX века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. 261 с.

Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. М.: Сов. писатель, 1936. Т. 1–2. 519 с.

Кроль М.А. Страницы моей жизни. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Gerharim, 2008. 734 с.

Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х гг. М.: Нов. лит. обозрение, 2016. 444 с.

Сухова Н.Г. Русское географическое общество и полярные исследования в XIX столетии // Полярные чтения – 2020: История научных исследований в Арктике и Антарктике. М.: Паулсен, 2021. С. 523–541.

Чарушин Н.А. О далеком прошлом на Каре. М.: Изд-во Всерос. о-ва политкаторжан и ссылопоселенцев, 1931. 231 с.

Чудновский С.Л. Из давних лет: Воспоминания. М.: Изд-во Всерос. о-ва политкаторжан и ссылопоселенцев, 1934. 302 с.

REFERENCES

Aseeva A.S., Repina N.G., Snopkov S.V. (comps.) (2021). Dybovsky on Baikal: coll. of works. Irkutsk, Grafika+, 221 p. (In Russ.)
Charushin N.A. (1929). About the distant past on Kara. Moscow, Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 112 p. (In Russ.)

Chudnovsky S.L. (1934). From long ago: memories. Moscow, Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 302 p. (In Russ.)

Dergachev A.Yu. (2018). Scientific societies and research of transportation routes in Siberia (the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries). *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: gumanitarnye issledovaniya*. No. 1, pp. 5–9. (In Russ.)

Ivanov A.A. (2021). "Far away in Irkutsk Land...". Essays on the history of political and criminal exile in the 16th – early 20th centuries. Irkutsk, Izd-vo IGU, 261 p. (In Russ.)

Ivanov A.A. (2016). Political exile of Irkutsk of the end of the 19th century in memoirs heritage of I.I. Popov. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik*: Irkutsk, pp. 495–505. (In Russ.)

Kon F.Ya. (1936). For fifty years. Moscow, Sov. pisatel', vol. 1/2, 519 p. (In Russ.)

Krol' M.A. (2008). Pages of my life. Moscow, Mosty kul'tury; Jerusalem, Gesharim, 734 p. (In Russ.)

Saburova T., Eklof B. (2016). Friendship, family, revolution: Nikolai Charushin and the generation of populists in the 1870s. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 444 p. (In Russ.)

Sukhova N.G. (2021). The Russian Geographical Society and polar research in the 19th century. *Polyarnye chteniya – 2020. Istoriya nauchnykh issledovaniy v Arktike i Antarktike: materialy Vos'moy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 18–21 maya 2020 g.)*. Moscow, Paulsen, pp. 523–541. (In Russ.)

Yelpatyevsky S.Ya. (1984). Memories for fifty years. Ufa, Bashkirskoe kn. izd-vo, 357 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.05.2023

Дата рецензирования 11.06.2023

Статья принята к публикации 19.06.2023

DOI: 10.15372/HSS20230311

УДК 908(571.16) "18"

EDN: EVYLKB

М.В. ШИЛОВСКИЙ

**П.П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ И Г.Н. ПОТАНИН:
РОЛЬ НАСТАВНИКА В СТАНОВЛЕНИИ УЧЕНОГО**Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Актуальность предпринятого исследования в преддверии 200-летнего юбилея П.П. Семенова-Тян-Шанского (1827–1914) очевидна. Его целью является реконструкция основных этапов многолетнего знакомства и сотрудничества руководителя Императорского Русского географического общества (ИРГО) и выдающегося исследователя Центральной Азии. Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач: установление обстоятельств знакомства ученых и общественных деятелей; определение уровня их взаимоотношений в ходе подготовки, проведения и обобщения результатов экспедиционных работ, предпринятых Г.Н. Потаниным в Центральной Азии; характеристика основных направлений взаимодействия П.П. Семенова и Г.Н. Потанина в общественно-политической сфере, их вклада в развитие науки.

Ключевые слова: П.П. Семенов-Тян-Шанский, Г.Н. Потанин, Центральная Азия, Сибирь, экспедиции, география.

Для цитирования: Шиловский М.В. П.П. Семенов-Тян-Шанский и Г.Н. Потанин: роль наставника в становлении ученого // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 80–85.

M.V. SHILOVSKIY

**P.P. SEMYONOV-TYAN-SHANSKY AND G.N. POTANIN:
THE MENTOR'S ROLE IN THE FORMATION OF A SCHOLAR**Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Grigory Nikolaevich Potanin (1835–1920) made an outstanding contribution to the comprehensive study of Central Asia (geography, ethnography, botany, folklore studies), organizing a number of long term expeditions to the region in 1876–1878, 1879, 1884–1886, 1892–1893. P.P. Semyonov, then not yet Tyan-Shansky, played the decisive role in his choice of scientific specialization. The young Cossack officer met P.P. Semyonov in Omsk in 1856. As a vice-chairman of the Imperial Russian Geographic Society (IRGS), the latter managed to include his protégé in an expedition to explore the area of the Lake Zaysan in 1863–1864. Thanks to him, G.N. Potanin also got amnesty in the case of the Siberian separatists. Later P.P. Semyonov kept patronizing G.N. Potanin in the preparation and conduct of the expeditions, publication of reports, and promoted his contribution to science. At the suggestion of G.N. Potanin, the head of geographical research in the Russian Empire attracted N.M. Yadrintsev and M.V. Pevtsov to the exploration of the vast expanses of Central Asia. On P.P. Semyonov's initiative and with his personal participation, Grigory Nikolaevich received the highest award of the Geographical Society – a Big Gold Constantine Medal. One of the IRGS chairmen also greatly promoted the development of the Siberian periodical press, applying for the permission to publish the newspaper "Vostochnoye obozreniye". This periodical was the first all-Siberian newspaper that advocated the Siberian regionalists' views and presented topical issues of the region's social, economic and political life, including materials on G.N. Potanin's expeditions. Upon G.N. Potanin's request, P.P. Semyonov repeatedly "interceded for persons who came into conflict with the authorities of the old regime".

Together, the described facts make this study relevant in advance of the 200th anniversary of P.P. Semyonov-Tyan-Shansky (1827–1914). The purpose of research is to reconstruct the key milestones of a long-term acquaintance and partnership of the head of the IRGS and an outstanding explorer of Central Asia. To achieve this goal, the following tasks were solved: finding out the circumstances under which these two scholars and

Статья выполнена по теме госзадания «Сибирь в XVII – начале XX в.: освоение и интеграция в социально-экономическое и культурное пространство России» (FWZM-2021-0002).

Михаил Викторович Шиловский – д-р ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: istorik.novosib@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9447-1983>.

Mikhail V. Shilovskiy – Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Institute of History SB RAS.

public figures met each other; determining the level of their cooperation in preparing, conducting and summarizing the findings of expeditions undertaken by G.N. Potanin; describing the key areas of interaction between P.P. Semyonov and G.N. Potanin in the social and political sphere.

Key words: *P.P. Semyonov-Tyan-Shansky, G.N. Potanin, Central Asia, Siberia, expedition, geography.*

ВВЕДЕНИЕ

В изучение Центральной Азии большой вклад внесли П.П. Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914) и Г.Н. Потанин (1835–1920). Их заслуги отмечены в многочисленных исследованиях по истории отечественных географических открытий. Они активно занимались помимо чисто научной деятельности научно-организационной деятельностью, в основном в рамках Русского Императорского географического общества (ИРГО). П.П. Семенов-Тянь-Шанский был избран председателем Отделения физической географии, а с 1873 и до 1904 г. – вице-председателем ИРГО. Г.Н. Потанин с апреля 1864 г. являлся членом-сотрудником ИРГО, а в 1887–1890 гг. правителем дел Восточно-Сибирского отдела ИРГО (ВСО ИРГО). С 1856 г. и до смерти Петра Петровича продолжалось их творческое сотрудничество, в рамках которого последний выступал в качестве наставника, руководителя и коллеги. В предлагаемом исследовании попытаемся реконструировать отдельные наиболее важные фрагменты их взаимоотношений.

Впервые мои герои встретились в Омске весной 1856 г. Ко времени их знакомства за плечами двадцатилетнего сотника Сибирского казачьего войска была учеба в Омском кадетском корпусе, служба в линейном казачьем полку в Семипалатинске, участие в походе из Копала в предгорья Заилийского Алатау в составе отряда полковника С.М. Абакумова, командование сотней на Алтае в станицах Антоньевской и Чарышской, перевод в Омск для разбора архива войскового правления Сибирского казачьего войска. Он участвовал в закладке укрепления Верного (Алматы), в конце 1853 г. был командирован в качестве начальника конвоя, доставившего в китайский город Кульджу (Инин) груз серебра для русского консульства.

Корни казачьего рода Потаниных уходят к городским казакам из Тары, возможно, к конному казаку «литовской роты» Якуне Потанину [Служилые люди..., 2020, с. 712], переведенным в начале XVIII в. на Иртышскую укрепленную линию. Его отец хорунжий Николай Ильич в 1829 г. в качестве начальника почетного конвоя сопровождал посольство кокандского хана, возвращавшегося из Петербурга домой от Семипалатинска через Чимкент, Ташкент, Ходжент. Составленные им «Записки о Кокандском ханстве» привлекли внимание специалистов, читающей публики и неоднократно переиздавались [1831, с. 102–139]. Путешествие Н.И. Потанина получило высокую оценку ученых [Мушкетов, 1886, с. 81; Катанаев, 1916, с. 194; Марков, 1973, с. 225–227]. Кстати, из

томских и тюменских, кузнецких городских казаков на оборонительных линиях юга Западной Сибири образовались казачьи династии, из которых вышли генералы и ученые Г.Е. Катанаев, Л.Г. Корнилов, Д.М. Карбышев и др.

П.П. Семенов-Тянь-Шанский окончил школу гвардейских подпрапорщиков и гвардейских юнкеров, а затем университет, в 1853–1855 гг. в качестве слушателя обучался в Берлинском университете. В 1849 г. его избрали членом-сотрудником ИРГО, а затем Совет ИРГО дает согласие на проведение им экспедиции до Алтая и Тянь-Шаня. Весной 1856 г. он выехал на восток и 1 июня прибыл в Омск, где встретился с генерал-губернатором Западной Сибири – генералом от инфантерии Г.И. Гасфортом, оформил открытые листы для местных гражданских и военных чиновников и получил топографические карты. Как вспоминал путешественник: «...Гасфорт **обещал немедленно исполнить мое желание и предписать местным властям** оказывать самое широкое содействие моим исследованиям и давать мне достаточный конвой для поездки в горы Заилийского края, а также посылать вслед за мной топографов для съемки по возможности всех моих маршрутов» [Семенов-Тянь-Шанский, 2020, с. 70].

Кратковременное пребывание в Омске (два дня) ознаменовалось знакомством путешественника с Г.Н. Потаниным (1835–1920) и его другом и однокашником по учебе Ч.Ч. Валихановым (1835–1865), служившим адъютантом при Гасфорте. «Но особенное внимание мое обратили на себя двое талантливых молодых офицеров, – вспоминал Семенов-Тянь-Шанский, – незадолго перед тем окончивших курс в Омском кадетском корпусе, которые сами искали случая познакомиться со мной» [2020, с. 71]. По всей видимости, встреча произошла благодаря инициативе Валиханова, состоявшего в свите всемогущего начальника края.

Семенов заинтересовался любознательным казачьим офицером, выписывавшим, несмотря на свое скудное жалование в 72 руб. в год, «Вестник Императорского Русского географического общества». Григорий Николаевич много рассказывал петербургскому гостю о Семиречье, Алтае, Заилийском Ала-Тау. Петру Петровичу стало ясно, насколько талантливая, незаурядная личность этот молодой сотник. «Один из них, – заметил он, – родом казак, поразил меня не только своей любознательностью и трудолюбием, но и необыкновенной, совершенно идеальной душевной **чистотой** и честностью своих стойких убеждений;

это был прославившийся впоследствии как путешественник и исследователь Сибири и Центральной Азии Григорий Николаевич Потанин» [Семенов-Тянь-Шанский, 2020, с. 71]. В 1910-х гг. Г.Н. Потанин следующим образом описал встречу с Семеновым: «...Он все говорил мне, что мне нужно выбраться в Петербург в университет, а если останусь в Сибири, то из меня ничего не выйдет, что так и останусь простым казачьим офицером. ... Семенов разбудил во мне аппетит, который ранее был заглушен сознанием моего крепостного положения. Я тоже начал мечтать об университетской аудитории и о берегах Хуху-Нора» [Литературное наследство..., 1983, с. 95–96].

Перезимовав в Барнауле и посетив Омск, Петр Петрович весной 1857 г. снова отправился в Заилийский край, а осенью прибыл в Омск. Прощаясь с Гасфортом, он «ходатайствовал перед ним по двум частным вопросам». Во-первых, просил командировать поручика Чокана Валиханова, «переодетым в его национальный костюм в Кашгар». На рубеже 1858–1859 гг., пробыв пять месяцев в закрытом для европейцев Кашгаре, Чокан Чингисович вернулся в Верное [Ермекбай, 2020, с. 114–132]. Во-вторых, он ходатайствовал об «освобождении сотника Потанина от обязательных лет военной службы с целью дать ему возможность получить высшее образование в Петербурге. На оба мои ходатайства Гасфорт с удовольствием согласился, объяснив мне, что он всегда подавал руку помощи всем талантливым людям, ему встречавшимся» [Семенов-Тянь-Шанский, 2020, с. 292]. Потанину Семенов обещал содействие в поступлении в университет. Так начались многолетняя дружба и сотрудничество между этими впоследствии видными учеными. После отъезда Петра Петровича у Потанина твердо созрело желание выйти в отставку и получить высшее образование.

Покидая Омск, П.П. Семенов договорился с затем генерал-губернатора полковником Я.А. Случким о шефстве над своим новым знакомым. Расставшись на несколько лет, мои герои не теряли из виду друг друга. Семенов помог Потанину устроиться переводчиком и натуралистом в экспедицию астронома К.В. Струве, организованную ИРГО, по изучению оз. Зайсан и Восточного Тарбагатая. В 1863–1864 гг. были обследованы и это озеро, и речная область Черного Иртыша [Шиловский, 2009, с. 86]. Кроме того, как вспоминал Г.Н. Потанин, «до моего отъезда из Петербурга П.П. Семенов нашел нужным познакомиться меня с государственными людьми: с графом Николаем Павловичем Игнатьевым¹ и с Егором Петро-

вичем Ковалевским². Эти два государственных человека, которых очень занимал Восток, интересовались русскими предприятиями на Ближнем и Дальнем Востоке. ... Может быть, оба они, и Игнатьев и Ковалевский, сами пожелали видеть меня: они хотели видеть всякого русского, отправлявшегося на Восток для расширения наших знаний и сношений с ним» [Литературное наследство..., 1983, с. 183]. Отправляясь из Петербурга в Сибирь в 1862 г., Потанин пошел к П.П. Семенову сказать ему, что уезжает в Сибирь, и попросил его «дать мне письмо к генерал-губернатору Западной Сибири, Дюгамелю³, не с просьбой устроить меня на место, а только к его сведению, что в управляемом им крае будет жить преданный науке и просвещению человек. Вице-председатель Географического общества пристроил меня к экспедиции астронома Карла Васильевича Струве...» [Там же, с. 185].

Отбывая ссылку по делу сибирских сепаратистов в Вологодской губернии (Никольск, Тотма)⁴, 1 августа 1872 г. Григорий Николаевич сообщил своему другу и сподвижнику Н.М. Ядринцеву (1842–1894) о том, что П.П. Семенов предложил ему составить «популярное описание Сибири (он обещает достать денег на [это] издание, чтобы книга доставила мне хлеб)» [Письма Г. Н. Потанина, 1987, с. 116]. Позднее, 28 августа 1872 г., он уточнил, что речь идет о популярном статистическом описании Сибири [Там же, с. 125].

В конечном счете, в 1878 г. занятый научными делами Потанин переадресовал предложение, дополненное просьбой Л.Ф. Пантелеева написать популярную «Историю Сибири», Н.М. Ядринцеву, одновременно сформулировав основные концептуальные подходы интегрированного издания. «Мне кажется, – делился он своими соображениями с другом и единомышленником, – что в последнее время Сибирь отмечена многими явлениями, которые в совокупности составляют для нас эпоху агитации по открытию портов на Ледовитом океане и экспедиция Норденшельда; занятие Амура; вопрос о колонизации на Амуре, Алтае и в Киргизской степи; стремление развернуть торговые сношения на юге... наконец, сибирский университет и возбуждение вопроса о штрафной колонизации. Все это, вместе взятое, представляет задатки развития в будущем, и этой картиной будет хорошо закончить свой томик» [Письма Г.Н. Потанина, 1989, с. 139]. Тем самым Потанин подал Николаю

² Е.П. Ковалевский (1809–1868) – дипломат, путешественник, с 1856 г. – директор Азиатского департамента МИД, подготовил текст Айгунского договора 1858 г., с 1861 г. – сенатор.

³ А.О. Дюгамель (1801–1880) – западносибирский генерал-губернатор в 1861–1866 гг.

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 1. 1874. Д. 28.

¹ Н.П. Игнатьев (1832–1908) – дипломат, добился в 1860 г. подписания Пекинского договора с Китаем, руководил российской делегацией при подписании Сан-Стефанского мира в 1878 г.

Михайловичу идею написания обобщающего труда о Сибири, реализованную им в виде издания в 1882 г. «Сибирь как колонии».

Благодаря П.П. Семенову Г.Н. Потанин был амнистирован. В конце февраля 1874 г. он подал прошение о помиловании на высочайшее имя, сопроводив его обращением к шефу корпуса жандармов графу П.А. Шувалову. Докладывая императору Александру II, всесильный начальник III отделения отметил, что им получено ходатайство от вице-председателя ИРГО П.П. Семенова с просьбой об освобождении Потанина и свидетельством, что он знает последнего «как честного труженика и талантливого ученого». Окончательно решение о помиловании состоялось в начале июня 1874 г. «На меня и теперь [1912 г. – М.Ш.] производит сильное впечатление эта память обо мне П.П. Семенова, – отмечал Григорий Николаевич. – В круговороте государственной, общественной и научной деятельности он не забыл молодого человека, который еще не ознаменовал свое вступление в ряды путешественников никаким солидным трудом, реноме которого пока покоилось на одних надеждах. Шесть лет я был за бортом русской жизни, и в течение всего этого времени он не забывал обо мне и все выжидал благоприятного случая, чтобы завести разговор о моей судьбе с графом Шуваловым» [Литературное наследство..., 1983, с. 291]. Перебравшись с женой в Петербург, в августе того же года он сообщил Л.С. Гацисскому: «Семенов меня принял отлично и обещал исхлопотать сначала небольшую сумму денег, на которую я мог бы прожить год в Петербурге и подготовиться к путешествию в определенную местность, именно в северный Китай между меридианами озер Косогола и Зайсана» [Письма Г.Н. Потанина, 1983, с. 133].

Потанин активно включился в общественно-политическую жизнь, отстаивая в легальных временных изданиях областнические представления в сфере культуры. Непременными атрибутами провинциальной жизни, по его мнению, должны стать периодическая печать, театр и университет [Шиловский, 2004, с. 122–126]. Активизация общественной деятельности молодого коллеги вызвала опасения П.П. Семенова в части повторения репрессий в отношении его по сценарию 1865 г. Научный руководитель и фактический глава ИРГО предпринимает превентивные действия. В письме Н.Я. Агафонову в апреле 1875 г. Потанин сообщает: «Семенов говорил обо мне с Казнаковым⁵, и тот берется отправить меня в Среднюю Азию, но предварительно хочет написать куда следует, что берет меня под свое ручательство. Семенов

взял с меня слово, что я не предприму ничего компрометирующего. Я [такое слово] дал. При этом я заявил, со своей стороны, что я не могу не любить свою Сибирь и что только желал получить возможность разрабатывать возможно полнее несколько местных сибирских вопросов» [Письма Г.Н. Потанина, 1988, с. 159]. Иными словами, Потанин обещал не участвовать в деятельности революционного подполья, а сосредоточиться исключительно на научной работе.

В последующем П.П. Семенов постоянно опекал в плане подготовки, проведения, публикации отчетов основных экспедиций Г.Н. Потанина в Центральную Азию 1876–1878, 1879, 1884–1886 гг. Так, 9 февраля 1878 г. из Омска он информирует вице-председателя ИРГО: «Ехать снова в Монголию я, разумеется, готов. Но очень хочется побывать в Петербурге. Кроме разбора коллекций, нужно снова приобрести инструменты, переменить старые, увидеть ученых, поговорить с ними насчет коллекций и осмыслить собранный сырой материал, хотя бы путем поверхностного обзора специалистами» [Письма Г.Н. Потанина, 1989, с. 117]. Буквально через две недели Григорий Николаевич просит его обратиться к западносибирскому генерал-губернатору с просьбой откомандировать для проведения экспедиционных работ «офицера Генерального штаба Михаила Васильевича Певцова, уже совершившего поездку на Кукухоту» [Там же, с. 117].

Вице-председатель ИРГО активно пропагандировал вклад Потанина в изучение Центральной Азии. «Уступая настояниям сибиряков, – вспоминал И.И. Попов, – я пошел в Географическое общество, где Потанин делал доклад о своем путешествии в Монголию. Аудитория была переполнена, много студентов и курсисток, конечно, большинство сибиряки. За столом вице-президент П.П. Семенов, тогда еще не Тянь-Шанский, оживленно беседовал с женщиной высокого роста, с коротко постриженными волосами. Это была жена Потанина, Александра Викторовна, спутница и товарищ по работе во всех экспедициях. Семенов, открывая собрание, указал на важное значение путешествия Потанина, сообщил, что ему присуждена большая золотая Константиновская медаль, а его спутникам – золотые и серебряные медали...» [Попов, 1986, с. 296].

Внес Петр Петрович определенный вклад и в развитие сибирской периодической печати. В октябре 1881 г. идеолог сибирских областников, видный публицист Н.М. Ядринцев обратился в Главное управление по делам печати МВД с ходатайством: «Имея в виду ознакомить русское общество с делами Азиатского Востока и в тоже время сообщить жителям окраин новости русской государственной жизни, – я желаю издавать в С.-Петербурге, под личную ответ-

⁵ Н.Г. Казнаков (1824–1882) – западносибирский генерал-губернатор в 1875–1882 гг.

ственность, без предварительной цензуры, газету под названием «Восточное обозрение», с выпуском таковой, смотря по количеству материала, один, два, три раза в неделю» [Гольдфарб, 1997, с. 14]. Как вспоминал Г.Н. Потанин: «Ходатайство о разрешении газеты перед главным управлением по делам печати взял на себя П.П. Семенов. Во избежание лишних затруднений Семенов придумал для газеты скромное название: «Восточное обозрение». «Сибирское обозрение» [предполагавшееся название периодического органа. – *М.Ш.*] – Семенов боялся – вызовет раздражение в чиновниках. Это будет пахнуть сепаратизмом» [Литературное наследство..., 1986, с. 39].

Отдельная область взаимоотношений моих героев связана хлопотами за лиц, имевших столкновения «с властью старого режима. ...». Для подобного рода хлопот и ходатайств у Григория Николаевича были два пути: через А.И. Деспот-Зеновича, члена Государственного совета, служившего когда-то в Сибири, и через П.П. Семенова, вице-председателя Географического общества, который в свое время сыграл такую крупную роль в политической судьбе самого Григория Николаевича» [Мендельсон, 1986, с. 312]. Так, в декабре 1896 г. Потанин обращается к П.П. Семенову по поводу арестованного журналиста, народника, а впоследствии эсера В.В. Леоновича-Ангарского с просьбой «исходатайствовать ему разрешение остаться в одном из университетских городов. ...Когда последует окончательное присуждение наказания, г. Леонович уведомит Вас своим письмом» [Письма Г.Н. Потанина, 1990, с. 306]. В ноябре 1898 г. Потанин просит старшего товарища содействовать политическому ссыльному К.Р. Качоровскому получить разрешение на временное пребывание в Петербурге для занятий в Императорской публичной библиотеке [Письма Г.Н. Потанина, 1990, с. 326].

Часто Григорий Николаевич просил не только за репрессированных, но и стремящихся получить образование. Например, 27 января 1897 г. он пишет П.П. Семенову: «Не будете ли столь любезны дать девице Вере Федоровне Меркурьевой карточку с рекомендацией для допущения ее к занятиям по статистике по народной переписи. Ей в Комитете народной переписи сказали, что ее примут, если она доставит рекомендацию, заслуживающую доверия. Мне рекомендовал девицу с хорошей стороны мой хороший приятель, которому я не имею основания не верить» [Там же, с. 308–309].

Взаимоуважение двух выдающихся ученых отчетливо проявилось в кратких характеристиках и поздравлениях, в их формулировках. В связи с празднованием 25-летнего юбилея работы П.П. Семенова в ИРГО его сибирский коллега направил 10 января 1898 г. письмо юбиляру: «Я стесняюсь принять лич-

ное участие в торжественном чествовании Вас 17 января, поэтому я решил выразить Вам свои чувства в письме, надеясь, что Вы поймете мое поведение и не увидите тут признака равнодушия. Два раза извлеченный Вами из духовного небытия и направленный к деятельности на пользу науки, я более, чем многие другие, могу ценить те Ваши невидимые и несознаваемые современниками заслуги перед русским обществом, которые сделаются известными только на страницах “Русской старины” впоследствии» [Там же, с. 316]. Незадолго до смерти П.П. Семенова-Тян-Шанского 3 февраля 1910 г. Потанин направил ему письмо, в котором еще раз поблагодарил своего наставника и покровителя «...за старое добро, которое Вы сделали мне, за ту интересную, завидную для других и, сознаю, не заслуженную мною жизнь, которую Вы мне создали; за то, что Вы доставили мне великое счастье работать в ряду русских путешественников в светлую эпоху необыкновенного разгара среднеазиатской деятельности руководимого Вами Географического общества» [Письма Г.Н. Потанина, 1991, с. 99]. В свою очередь, касаясь научного дарования моего героя, его старший товарищ и ангел-хранитель отмечал: «Г.Н. Потанин соединил в себе редкие для путешественника по внутренней Азии качества: закаленное трудами и лишениями здоровье, неимоверную неприхотливость и выносливость, достаточное знакомство с местными языками и умение ладить с туземцами, очень хорошие познания в обширной области географических и естественных наук..., но более всего – любовь к делу и полнейшую самоотверженную преданность науке» [Семенов, 1896, с. 282].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С 1856 г. и до смерти П.П. Семенова-Тян-Шанского продолжалось творческое сотрудничество его с Г.Н. Потаниным. При содействии одного из руководителей ИРГО Потанин совершил ряд длительных экспедиций в Монголию, Северо-Восточный Китай, Туву, Тибет. Их пятидесятилетние контакты стали продолжением традиций первых академических экспедиций. Помимо научного взаимодействия, будучи членом Государственного совета, председателем Статистического совета МВД, П.П. Семенов-Тян-Шанский по просьбе сибирского коллеги и лидера областников пропагандировал его научные достижения, «пробил» в правительственных инстанциях разрешение на издание газеты «Восточное обозрение», придумав для нее нейтральное название. Неоднократно Потанин просил Петра Петровича выступить в качестве ходатая в плане оказания помощи репрессированным, а также желающим получить образование в столичных учебных заведениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» 1882–1906. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997. 376 с.
- Ермекаев Ж.А. Судьба и наследие Чокана Валиханова. Нур-Султан: Изд-во НАО «Казахстанский институт общественного развития «Рухани Жангыру», 2020. 276 с.
- Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н.И. Потанина // Военный журнал. 1831. № 4. С. 102–139.
- Катанаев Г.Е. Н.И. Потанин и его предшественники по разведке в Средней Азии, с приложением путевых журналов Н.И. Потанина // Зап. ЗСО ИРГО. Омск, 1916. Т. 38. С. 178–199.
- Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 6: Григорий Николаевич Потанин: воспоминания. 336 с.
- Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1986. Т. 7: Григорий Николаевич Потанин: воспоминания: окончание; статьи, очерки, рецензии. 342 с.
- Марков С.Н. У кокандского хана // Марков С.Н. Вечные следы. Книга о землепроходцах и мореходах. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 225–227.
- Мендельсон Н.М. [Сибирский патриот] // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. Т. 7. С. 304–318.
- Мушкетов И.В. Туркестан. СПб., 1886. Т. 1, ч. 1. 654 с.
- Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.
- Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. Т. 2. 344 с.
- Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. Т. 3. 296 с.
- Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. Т. 4. 426 с.
- Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Т. 5. 272 с.
- Попов И.И. Из воспоминаний // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1986. Т. 2: Григорий Николаевич Потанин: воспоминания: окончание; статьи, очерки, рецензии. С. 294–304.
- Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. СПб., 1896. Т. 1. 486 с.
- Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань [с приложением очерков «Небесный хребет и Заилийский край» и «Сибирь»]. М.: Эксмо, 2020. 480 с.
- Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: библиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 992 с.
- Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск: Сова, 2004. 244 с.
- Шиловский М.В. Вклад Г.Н. Потанина в изучение Верхнего Прииртышья // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: сб. науч. стат. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 85–92.

REFERENCES

- Goldfarb S.I. (1997). The Newspaper “Vostochnoye obozreniye” (1882–1906). Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 218 p. (In Russ.)
- Potantin G.N. (1831). Notes on the Khanate of Kokand by horunzhy N.I. Potantin. *Voennyi zhurnal, izdavaemyi Voennno-uchenyim komitetom*. No. 4, pp. 102–139. (In Russ.)
- Katanaev G.Ye. (1916). N.I. Potantin and his predecessors in explorations in Central Asia, with the application of N.I. Potantin's travel journals. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Omsk, bk. 38, pp. 178–199. (In Russ.)
- Kamenetsky I.P. (ed.) (2020). Service men of Siberia in the late 16th – early 18th centuries: biobibliogr. dict. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 988 p. (In Russ.)
- Potantin G.N. (1987). Letters of G.N. Potantin. In 5 vol. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, vol. 1, 277 p. (In Russ.)
- Potantin G.N. (1988). Letters of G.N. Potantin. In 5 vol. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, vol. 2, 343 p. (In Russ.)
- Potantin G.N. (1989). Letters of G.N. Potantin. In 5 vol. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, vol. 3, 295 p. (In Russ.)
- Potantin G.N. (1990). Letters of G.N. Potantin. In 5 vol. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, vol. 4, 425 p. (In Russ.)
- Potantin G.N. (1992). Letters of G.N. Potantin. In 5 vol. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, vol. 5, 272 p. (In Russ.)
- (1983). Literary heritage of Siberia. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, vol. 6: Memoirs by Grigory Nikolaevich Potantin, 336 p. (In Russ.)
- (1986). Literary heritage of Siberia. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, vol. 7: Memoirs by Grigory Nikolaevich Potantin: ending; articles, essays, reviews. Memories of G.N. Potantin, 342 p. (In Russ.)
- Markov S.N. (1973). At the Khan of Kokand. *Vechnye sledy. Kniga o zemleprokhodtsakh i morekhodakh* by S.N. Markov. Moscow, pp. 225–227. (In Russ.)
- Mendelson N.M. (1986). [Siberian patriot]. *Literaturnoye nasledstvo Sibiri*. Novosibirsk, vol. 7, pp. 304–318. (In Russ.)
- Mushketov I.V. (1886). Turkestan. Geological and orographic description based on data collected during travels from 1874 to 1880. Vol. 1. Saint-Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, XXVI, 742 p. (In Russ.)
- Popov I.I. (1986). From the memoirs. *Literaturnoye nasledstvo Sibiri*. Novosibirsk, vol. 7, pp. 294–304. (In Russ.)
- Semyonov P.P. (comp.) (1896). The history of the half-century activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845–1895. Pt. 1. Saint-Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K°, XXX, 468 p. (In Russ.)
- Semyonov-Tyanshansky P.P. (2009). Travel to Tien Shan: with the suppl. of essays “The Heavenly Ridge and Trans-Ili Region” and “Siberia”. Moscow, Eksmo, 479 p. (In Russ.)
- Shilovskiy M.V. (2004). Complete self-sacrificing dedication to science. G.N. Potantin: biogr. essay. Novosibirsk, Sovo, 241 p. (In Russ.)
- Shilovskiy M.V. (2009). G.N. Potantin's contribution to the study of Upper Irtysh area. *Verkhneye Priirtyshye v XVII–XXI vv.: natsional'no-gosudarstvennoe i etnokul'turnoe vzaimodeystvie: sb. nauch. st.* Novosibirsk, pp. 85–92. (In Russ.)
- Yermekbai Zh.A. (2020). The fate and heritage of Chokan Valikhanov. NurSultan, Kazakhstanskiy in-t obshchestv. razvitiya «Rukhani Zhangyru», 276 p.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023

Дата рецензирования 18.05.2023

Статья принята к публикации 28.05.2023

DOI: 10.15372/HSS20230312

УДК 94+908(470)"18/19"

EDN: FUQAQL

Е.В. ПШЕНИЧНАЯ, И.В. ЛИЗУНОВА

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ Н.К. РОМАНОВА И ЕГО ЛИЧНЫЙ ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЕ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье рассматривается вклад великого князя Н.К. Романова в научное изучение Туркестанского края на рубеже XIX–XX вв. На основе архивных документов раскрывается роль Н.К. Романова в экспедиционном исследовании Туркестанского края, развитии сельского хозяйства, ирригации и хлопководства. Впервые анализируется его вклад в научной и общественной сферах деятельности, принципы формирования им личной библиотеки. Находясь в ссылке, он собрал богатый материал по флоре, фауне, географии и этнографии края. Рассматриваются научные работы Н.К. Романова: «О выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги», «Пески Кара-кум по отношению к Среднеазиатской железной дороге», «Опыт облесения песков Каракума», «Аму и Узбой». Благотворительная деятельность князя снискала ему заслуженное уважение в среде ученых.

Ключевые слова: Туркестанский край, великий князь Н.К. Романов, научная деятельность, Среднеазиатская железная дорога, Аму, Узбой, хлопководство, ирригация.

Для цитирования: Пшеничная Е.В., Лизунова И.В. Научная деятельность великого князя Н.К. Романова и его личный вклад в исследование Туркестанского края на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 86–93.

E.V. PSHENICHNAYA, I.V. LIZUNOVA

SCIENTIFIC ACTIVITY OF GRAND DUKE N.K. ROMANOV AND HIS PERSONAL CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE TURKESTAN REGION AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The article is devoted to the study of the contribution of Grand Duke Nikolay Konstantinovich Romanov in the scientific research of the Turkestan region at the turn of the XIX–XX centuries. Based on archival documents, the article outlines the role of N.K. Romanov in the expeditionary study of the Turkestan region, the development of agriculture, irrigation and cotton growing. After his return from the Khiva campaign, Grand Duke N.K. Romanov became seriously interested in orientalism and joined the Russian Imperial Geographical Society as an honorary member. In 1874, by decree of the Emperor, N.K. Romanov was expelled from the imperial capital, stripped of all ranks, awards and was struck off the lists of the military regiment. The role of the personality of the Grand Duke in the formation of his personal library, as well as his scientific and social activities' impact on this book collection, is considered for the first time. Grand Duke N.K. Romanov collected his personal library to improve his own cultural and educational level, research interests, educational, leisure and even commercial tasks. The library contained books and manuscripts written by N.K. Romanov on the results of scientific expeditions to the Turkestan region. Acquaintance with the heritage of N.K. Romanov reveals a wide range

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.», №122041100088-9.

Евгения Владимировна Пшеничная – младший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: pshenichnaya@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0010-0002-1334-0376>.

Ирина Владимировна Лизунова – д-р. ист. наук, главный научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: lizunova@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7761-9459>.

Evgenia V. Pshenichnaya – Junior Researcher, State Public Scientific and Technical Library SB RAS.

Irina V. Lizunova – Doctor of History, Chief Researcher, State Public Scientific and Technical Library SB RAS.

of scientific problems that interested him. Being in the exile, he collected extensive material on the flora, fauna, geography and ethnography of the region. The results of the expeditions initiated by the Grand Duke at his own expense were so significant, that they attracted the attention of wide scientific and public communities as well as the Russian Imperial Geographical Society. The article considers the scientific works of N.K. Romanov: "On the choice of the shortest direction of the Central Asian railway", "The sands of the Kara-Kum in relation to the Central Asian railway", "The experience of afforestation of the sands of the Karakum", "Amu and Uzboy". The charitable activities of N.K. Romanov earned him well-deserved respect among scientists. The materials were presented at the XVIII All-Russian (with international participation) Scientific Conference "Man, Communities, States in Social and Humanitarian Research", which was held on April 19–21, 2023 at the Tomsk State University.

Key words: *Turkestan region, Grand Duke N.K. Romanov, scientific activity, Central Asian Railway, Amu, Uzboy, cotton growing, irrigation.*

ВВЕДЕНИЕ

Романовы вошли в отечественную историю как правящая династия, которая владела царской короной Российской империи на протяжении более 300 лет: с февраля 1613 г. до марта 1917 г. В памяти многих поколений наших соотечественников правление дома Романовых тесно связано с представлением о России как крупнейшем европейском государстве своего времени.

Среди представителей династии Романовых встречается немало ярких и талантливых личностей – военачальники, дипломаты, поэты, живописцы, ученые. Среди них следует отметить историка и зоолога великого князя Николая Михайловича Романова (1859–1919), а также организатора науки великого князя Константина Константиновича Романова (1858–1915). Они внесли значительный вклад в развитие российской науки. Н.М. Романов оставил неоспоримый след в зоологии: ввел в научный оборот 10 новых видов животных, издал свой научный труд «Чешуекрылые Закавказья» с описанием 1125 видов бабочек. К.К. Романов – талантливый поэт К.Р.¹ и президент Российской Академии наук (1889–1915), который за годы служения отечественной науке многое сделал для укрепления ее материальной и финансовой базы, расширения сети музеев и организации экспедиций [Пчелов, 2014, с. 69–70; Морачевский, Фирсова, 2018, с. 199].

Одним из самых незаслуженно обойденных вниманием ученых из Дома Романовых был великий князь Николай Константинович Романов (1850–1918). Вместе с тем о нем можно найти немало любопытных сведений в печатной публицистике, мемуаристике, исторических исследованиях, а также на просторах сети Интернет. Информация о нем чаще всего носит скандальный характер или вообще недостоверна. Тем не менее встречаются фактические сведения о том, что этот «изгой Дома Романовых» являлся одной из прижизненно ярких и известных фигур не только в России, но и за ее пределами. Из наследия великого князя широкую известность получили его бесценная коллекция произведений живописи и предметов старины, вошедшая в состав Музея искусств

Республики Узбекистан, а также ирригационные проекты по освоению Голодной степи [Гударзи-Наджафов, 2018, с. 138–139].

БИОГРАФИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ Н.К. РОМАНОВА

Николай Константинович Романов – старший сын великого князя Константина Николаевича (1831–1892), генерал-адмирала, председателя Государственного совета и крупнейшего реформатора российского морского флота. Великий князь Константин пользовался безграничным доверием своего царственного брата – императора Александра II, и его по праву считают основным вдохновителем либеральных реформ, которые проводились в России в 1860-х гг. [Антонова, 2010, с. 22–31].

Ученик замечательного русского поэта и переводчика В.А. Жуковского Константин Николаевич продолжил в своей семье педагогические традиции своего наставника и дал своему первенцу Николаю Константиновичу блестящее образование [Казанина, 2017, с. 39–46]. Со своей будущей супругой Александрой Иосифовной (1830–1911), урожденной принцессой саксен-альтенбургской, великий князь Константин познакомился в Германии на свадьбе своей сестры Ольги Николаевны². Опираясь на дневники князя Константина, можно предположить, что в семье царила теплая обстановка любви и благополучия. Вместе с тем в записях Константина Николаевича порой проскальзывает сожаление о недостаточном внимании со стороны Александры Иосифовны к своему старшему сыну Николаю, что также подтверждает фрейлина императрицы А.Ф. Тютчева в своих воспоминаниях. Это, возможно, объясняет то отчуждение, которое возникло между матерью и сыном в дальнейшем [Дневники, 2019; Тютчева, 2002, с. 205].

В возрасте 10 лет юный Николай вместе с четвертым сыном императора Александра II Алексеем Александровичем³ проходит обучение на флоте. Это

² Великая княжна Ольга Николаевна (1822–1892) – дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, жена Карла I – короля Вюртембергского.

³ Великий князь Алексей Александрович (1950–1908) – главный начальник флота и Морского ведомства, председатель Адмиралтейств-совета, последний генерал-адмирал Российской империи, адмирал, генерал-адъютант, почетный член Императорского православного палестинского общества.

¹ Творческий псевдоним К.К. Романова.

событие стало предметом гордости его отца. Он пишет о больших успехах Николая в учебе: «Был за математическим уроком Николы, который шел очень хорошо. Он вообще отлично учится» [Дневники, 2019, с. 598, 604].

В 1868 г. великий князь Николай Константинович по собственной инициативе поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. В детстве у него выявилась морская болезнь, в связи с чем его службу на флоте заменили на гвардейскую кавалерийскую. Тем не менее он стал первым из Романовых, окончившим высшее учебное заведение в числе лучших выпускников – с серебряной медалью [Третьякова, 2003, с. 31–32].

В 1873 г. Николай Константинович становится участником Хивинского похода. В этом походе он проявил личное мужество и стал примером для других. За участие в походе великий князь был награжден императором Александром II золотой саблей и получил звание полковника [Туркестанские, 1873].

В Хивинском походе великий князь познакомился с российским этнографом Д.И. Романовым (1828–1873), которого первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман пригласил участвовать в экспедиции для проведения научных исследований. Романов разглядел в великом князе исследовательский потенциал и посоветовал ему вести путевые записки во время всего их путешествия. Судьба самого Д.И. Романова, мечтавшего об исследовании русла р. Амударьи для заведения на ней пароходства, оказалась трагичной: в ночь с 17 на 18 апреля 1873 г. он покончил жизнь самоубийством. Это событие оказало «ужасно тяжелое впечатление» на великого князя, в своем письме отцу он пишет: «Трудно было ожидать от человека с его спокойным взглядом на вещи, умом и образованием подобного события»⁴.

После возвращения из Средней Азии великий князь серьезно заинтересовался ориенталистикой и присоединился к работе Императорского Русского географического общества. В феврале 1874 г. он был назначен начальником Амударьинской экспедиции, в задачи которой входило исследование сухого русла реки. Но в связи с событиями, произошедшими в семье Романовых в апреле 1874 г., и последующей за ними ссылкой Н.К. Романова эта экспедиция состоялась без его участия [Журнал Общего собрания..., 1874, с. 110; Журнал заседания..., 1874, с. 237].

СКАНДАЛ И ССЫЛКА

В апреле 1874 г. великий князь Николай Константинович был обвинен в краже бриллиантов с оклада одной из икон, подаренных его матери в день

ее свадьбы императором Николаем I. В официальном заключении полицейского расследования, которое проводилось под руководством шефа тайной полиции князя П.А. Шувалова, значилось, что украденные бриллианты были сданы в ломбард личным адъютантом великого князя Е.П. Варнаховским по приказу самого Николая Константиновича. Участие Н.К. Романова во всей этой истории до сих пор является предметом спора у исследователей. Известно, что своей вины великий князь не признавал. Это событие стало большим ударом для великого князя Константина и всей его семьи. Об этом событии имеется запись в его дневнике: «Никакого раскаяния, никакого сознания, кроме, когда уже отрицание невозможно, и то пришлось вытаскивать жилу за жилой. Ожесточение и ни одной слезы. Заклинали всем, что у него осталось святым, облегчить предстоящую ему участь чистосердечным раскаянием и сознание! Ничего не помогло!» [Радзинский, 2015, с. 320–322].

Во избежание дальнейших пересудов в обществе императорская семья приняла решение признать великого князя Николая Константиновича душевнобольным. Затем по указу императора он был выслан из столицы империи. Николай Константинович лишился всех званий, наград и был вычеркнут из списков военного полка. С 1874 г. изгнанник проживал в Самаре и Оренбурге, только летом 1881 г. он получил разрешение окончательно поселиться в Ташкенте [Костецкий, 2008, с. 126; Радзинский, 2015, с. 324].

В русской части города опальный князь приобрел участок земли и выстроил особняк, в возведении которого по его приглашению участвовали знаменитые архитекторы В.С. Гейнцельман и А.Л. Бенуа, проживавшие в то время в Туркестанском крае. Внутреннее убранство дворца поражало роскошью. Николай Константинович выписал мебель и фарфор, картины известных художников и скульпторов из Европы, России и других стран. Привез он также в Ташкент свою личную библиотеку из 5 тыс. томов [Костецкий, 2008, с. 126].

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ Н.К. РОМАНОВА

Судьба личной библиотеки великого князя до сих пор остается загадкой. Часть этой библиотеки в количестве 1289 названий в настоящее время хранится в Национальной библиотеке Узбекистана им. А. Навои. Она была подарена библиотеке самим Николаем Константиновичем в 1896 г. Единственным известным источником о репертуаре личной библиотеки Николая Константиновича является каталог, составленный специалистами библиотеки в 1906 г. Несмотря на то, что этот каталог описывает лишь часть библиотеки Н.К. Романова, он дает определенное представление о составе библиотеки и чи-

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 722. (Константин Николаевич). Оп. 1. Д. 806. Л. 125–128 об.

тательских интересах ее владельца [Гударзи-Наджафов, 2018, с. 131; Каталог, 1906].

Личная библиотека великого князя Н.К. Романова формировалась в соответствии с его интересами, информационными потребностями, вкусами и предпочтениями. Она собиралась им с целью повышения собственного культурно-образовательного уровня, удовлетворения научно-исследовательских интересов, решения просветительских, досуговых и коммерческих задач.

Библиотека была универсальной: здесь представлены издания по философии, истории, географии, праву, педагогике, экономике, математике, естественным наукам, сельскому хозяйству, технике, медицине, военно-морским наукам, искусствоведению, а также художественная, учебная и справочная литература. Среди описанных книг 204 наименования содержатся в разделе «Азия» и 150 наименований в разделе «История», в числе которых немало редких изданий, таких как труды М.С. Бекчурина, Н. Муравьева, Н.В. Ханькова, работы иностранных авторов – К. Риттера, Г.У. Беллью, П. Бержерона, А. Борнса, Я. Мак-Гахана, Д. Кера, Р. Шоу, Г.М. Эллиота и др. [Каталог, 1906].

Кроме того, личная библиотека Н.К. Романова содержала художественные произведения – издания российской и зарубежной беллетристики, выходившие в XIX в. Коллекция насчитывала 513 наименований на русском и европейских языках.

Его библиотека представляет большую ценность для воссоздания жизненного пути владельца и его становления как исследователя. Изучение книг с автографами, биографиями дарителей благодаря анализу архивных материалов из Государственного архива Российской Федерации, Государственного центрального архива Республики Узбекистан, а также переписки Н.К. Романова позволяет проследить не только историю формирования им личной библиотеки, но и более подробно осветить круг интересов и общения владельца.

В составе библиотеки находились книги и рукописи самого Н.К. Романова, написанные им по результатам научных экспедиций в Туркестанский край.

ВКЛАД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ Н.К. РОМАНОВА В НАУКУ

Знакомство с наследием Н.К. Романова раскрывает широкий круг научных проблем, которые его интересовали. В ссылке он собрал богатый материал по флоре, фауне, географии и этнографии Туркестанского края. В Оренбурге Н.К. Романов присоединился к работе местного отдела Географического общества. В рамках этого сотрудничества с 1877 по 1879 г. он принял участие в трех научных экспедициях, целью

которых было всестороннее изучение Туркестанского края и тщательный научный анализ его потенциала [Некролог..., 1918, с. 142–144].

В 1870-х гг. перед учеными стояла практическая задача – отыскать кратчайшее направление для железной дороги от Оренбурга в Ташкент, которое бы отвечало административным и стратегическим целям, а также обеспечивало сокращение таможенных расходов. Инженерами Министерства путей и сообщений рассматривалась возможность сооружения железной дороги через Киргизскую степь, в то время как Николай Константинович, захваченный идеей постройки железной дороги из России в Туркестан еще Хивинского похода, находил это направление неверным. В его проекте железная дорога должна была пройти наиболее коротким путем – через песчаную степь Кара-Кум, которую в то время считали непроходимой пустыней. Н.К. Романов выдвинул предположение о неподвижности каракумских песков и в ходе экспедиции намеревался это доказать, разрешив тем самым вопрос о доступности средней части Кара-Кумов для строительства железной дороги. В состав экспедиции 1877 г. работали ученые топографы, которые занимались химическими, качественными и механическими исследованиями песков пустыни. Выяснилось, что пески действительно были не сыпучими, а почвенными, что согласно наблюдениям Н.К. Романова допускало возможность проведения железной дороги. В Оренбурге в 1878 г. по итогам экспедиции великим князем Н.К. Романовым были опубликованы две научные работы – «О выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги» и «Пески Кара-Кум по отношению к Среднеазиатской железной дороге» (рис. 1). Опираясь на проведенные исследования, он представил веские доказательства (рис. 2) в пользу проведения Оренбурго-Ташкентской железной дороги через степь Кара-Кум и выполнил предварительную оценку затрат на ее строительство [Романов, 1878, с. 23].

Результаты экспедиций, инициированных великим князем на его собственные средства, были настолько значительны, что привлекли внимание широких научных и общественных кругов и получили высокую оценку Русского географического общества. На заседании Оренбургского отдела Географического общества 19 января 1878 г. члены комиссии под председательством А.К. Гейнса единогласно признали труд Н.К. Романова «весьма серьезным и не только удовлетворяющим предвзятой цели, но и возбуждающим ряд других важных вопросов» [Романов, 1878, с. 51–53].

Спустя некоторое время Н.К. Романов продолжил изучение проблемы освоения пустыни Кара-Кум. Среди неопубликованных исследований Николая Константиновича имеется работа «Опыт облесения

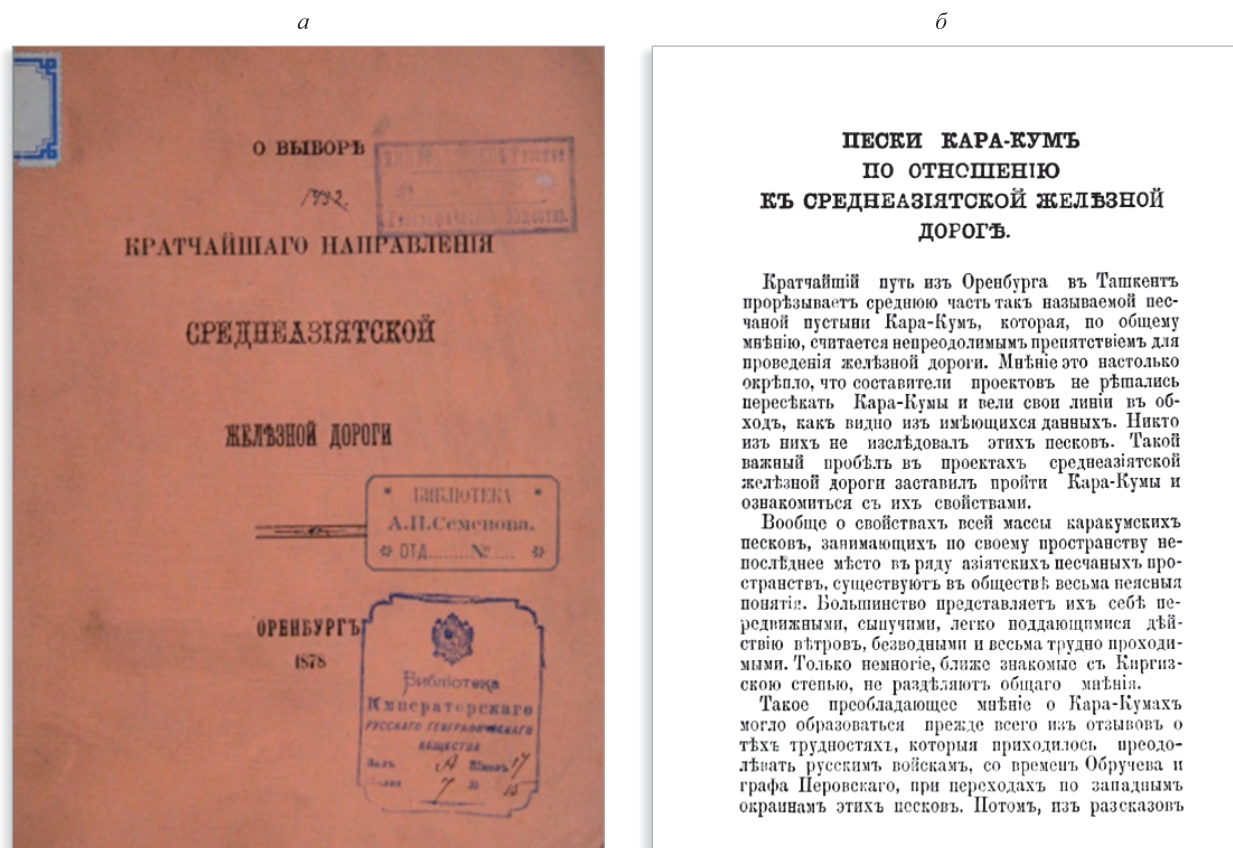

Рис. 1. Брошюра Н.К. Романова (а – обложка; б – образец текста), опубликованная в 1878 г.

Fig. 1. Brochure published by N.K. Romanov in 1878.

песков Каракума» (список растений с посадок растений)». В этой его рукописи, дано описание опыта посадки растений вблизи Иргиза (северо-запад пустыни Кара-Кумы) под руководством профессора Казанского университета, доктора естественных наук Н.В. Сорокина в ноябре – декабре 1878 г. Великий князь описывает виды саженцев и способы их посадки. Он зафиксировал, что к ноябрю 1880 г. только два вида посаженных деревьев – таль и верба – дали ростки. К рукописи прилагаются детальный план посадки и список растений⁵.

Другая научная идея великого князя была связана с проектом восстановления «старого тока» Амударьи в Каспий. Весной 1879 г. в Самаре он организовал общество для изучения среднеазиатских путей. Перед обществом стояла цель – исследовать судоходность Амударьи и выяснить возможность ее поворота в русло р. Узбой. Путешествуя по Средней Азии, великий князь объехал Туркестан, Бухару, низовья Сурхана и Кафирнагана. По итогам путешествия он опубликовал брошюру под названием «Аму и Узбой»

(рис. 3). Эта книга вышла без указания имени автора. В ней он, опираясь на греческие, римские, хивинские и туркменские источники, доказывал, что река неоднократно меняла свое направление по воле человека. Он писал: «Известно, какое сильное влияние оказывает человек в Средней Азии на природные условия местности, с какой легкостью жители Турана направляют по произволу воды среднеазиатских рек» [Романов, 1879, с. 7].

Благотворительная деятельность Н.К. Романова, направленная на поддержку научных исследований в Туркестанском крае, а также его собственные научные достижения снискали ему заслуженное уважение в среде ученых. Об этом свидетельствует признание автором книги «Туркестан. География и история края» М.В. Лавровым значительного вклада Н.К. Романова в создание данного учебного пособия. Николаем Константиновичем были предоставлены уникальные фотографии из его личного собрания с целью включения их в книгу [Лавров, 1916, с. 4]. Кроме того, в предисловии к книге А. Чайковского «Важная нивелировка в Туркестане: проект восстановления прежнего течения речной системы этого края в Кас-

⁵ ГАРФ. Ф. 664. Д. 6. Л. 8.

Рис. 2. Рукопись Н.К. Романова.

Fig. 2. N.K. Romanov's manuscript.

пийское море» автор отмечает личный вклад Н.К. Романова в изучение местности, прилегающей к оз. Иссык-Куль, и говорит о том значении, которое имеет эта работа для научного сообщества. Он писал: «работа эта была исполнена по поручению и на средства великого князя Николая Константиновича Романова. Полученные показания интересны и важны тем, что могут поставить на практическую почву решение того старого недоумения, относительно известного поворота Амударьи, которое давно не выходит из области гадательных предположений под названием амударьинского вопроса» [Чайковский, 1908, с. 1].

Основоположник русской школы геологической картографии, академик Императорской Петербургской академии наук Г.П. Гельмерсен (1803–1885) в своем письме Н.К. Романову от 3 марта 1878 г., касаясь его брошюры «Пески Кара-Кум по отношению к Среднеазиатской железной дороге», писал: «...читал не только с любопытством, но также полным сочувствием к верному взгляду на изложенный в ней предмет. Пески Кара-Кум, считавшиеся непроходимыми для железных дорог, благодаря полезному труду Вашего Императорского Высочества, оказываются проходимыми и безопасными. Обстоятельство это

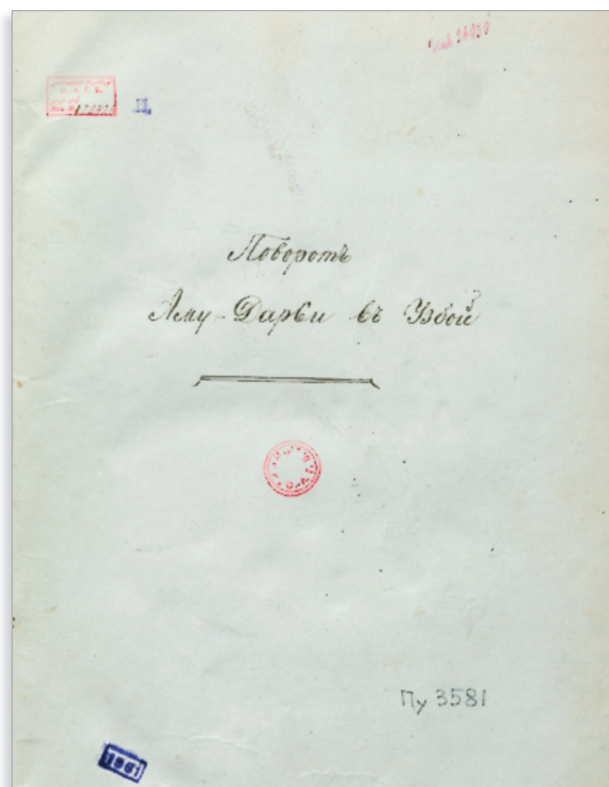

Рис. 3. Рукопись Н.К. Романова «Аму и Узбой», 1879.

Fig. 3. N.K. Romanov's Manuscript "Amu i Uzboy", 1879.

должно существенно повлиять на определение кратчайшей линии железной дороги от Оренбурга в Туркестан» [Романов, 1878, с. 59–60].

НАСЛЕДИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Оценивая историческое наследие Н.К. Романова, следует сделать вывод, что великий князь не был праздным прожигателем жизни. В Туркестане он активно занимался также предпринимательской и благотворительной деятельностью. Он возводил каналы, строил новые поселки и городские улицы, больницы для бедных, первые в Ташкенте водопровод и кино-театр, а также несколько домов для ветеранов-туркестанцев.

В своем завещании от 1917 г. Н.К. Романов остался верен себе и пожелал, чтобы его дворец перешел в полную собственность Ташкентского университета после смерти его супруги Надежды Андреевны Искандер⁶.

Николай Константинович скончался от воспаления легких в г. Ташкенте в 1918 г. Туркестанский от-

⁶ Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф.10. Оп.13. Д.84. Л.14.

дел Русского географического общества откликнулся на его кончину заметкой следующего содержания: «Николай Константинович Романов (великий князь) скончался января 1918 г. на 67 году жизни. Покойный был пионером и горячим поборником идеи орошения пустынных пространств Русского Туркестана...» [Известия, 1918, с. 142].

После кончины Николая Константиновича в 1918 г. его коллекция была передана в Центральный художественный музей в 1920 г., а в 1935 г. она вошла в состав Музея искусств Узбекистана.

В настоящее время большая часть наследия великого князя хранится в библиотеках, музеях и архивах Республики Узбекистан. Работа по изучению вклада Николая Константиновича Романова в научное исследование Туркестанского края и российскую науку в целом продолжается. На основе изученных архивных документов, научных работ, мемуаров, писем выявлены новые сведения, позволяющие расширить представление о мировоззрении великого князя и его научных интересах. В научный оборот также введены малоизвестные архивные документы о научной деятельности великого князя в Туркестанском крае.

В результате проведенного исследования нами получены первые сведения, способствующие созданию объективного представления о значении научной деятельности великого князя Н.К. Романова в изучении географии Туркестанского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова Т.В. Программа «политической новизны» великого князя Константина Николаевича Романова // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2010. № 1. С. 22–33.
- Гударзи-Наджафов А. Жизнь без мифов. Великий князь Николай Константинович, 1850–1918. Ташкент: Baktria press, 2018. 144 с.
- Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864 гг. / отв. ред. С. В. Мироненко. М.: Полит. энцикл., 2019. 726 с.
- Журнал Общего собрания – 6 марта 1874 г. // Известия Императорского Русского географического общества. 1874. Т. 10, вып. 1–8. С. 108–112.
- Журнал заседания Совета Императорского Русского географического общества- 3-его мая 1874 г. // Известия Императорского Русского географического общества. 1874. Т. 10, вып. 1–8. С. 226–244.
- Казанина Н.В. «Ваш верный друг и ученик» (по переписке великого князя Константина Николаевича с В.А. Жуковским (1838–1850 гг.) // Константиновские чтения – 2017: жизнь, отданная служению России: сб. материалов науч. конф. 25 окт. 2017 г. СПб., 2017. С. 39–46.
- Каталог книг, пожертвованных в Туркестанскую публичную библиотеку Его Императорским Высочеством великим князем Николаем Константиновичем. Ташкент: Тип. при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, 1906. 41 с.
- Костецкий В.А. Россияне в Узбекистане. Ташкент: Нихол, 2008. 336 с.

- Лавров М.В. Туркестан. География и история края. М.; Пг.: В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых, 1916. 203 с.
- Морачевский А.Г., Фирсова Е.Г. Президент Академии наук Константин Константинович Романов (к 160-летию со дня рождения) // Глобальная энергия. 2018. № 2. С. 199–206.
- Некролог 1916–1918 гг. Николай Константинович Романов // Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. 1918. Т. 14, вып. 1. С. 142–144.
- Пчелов Е.В. Ученый из Дома Романовых: великий князь Николай Михайлович: к 95-летию со дня трагической гибели // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: материалы XXVI Междунар. науч. конф. (Москва, 14–15 апр. 2014 г.). М., 2014. С. 67–78.
- Радзинский Э.С. Убийство императора. Александр II и тайная Россия. М.: АСТ, 2015. 576 с.
- Романов Н.К. О выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги. Оренбург, 1878. 60 с.
- Романов Н.К. Поворот Аму-Дарьи в Узбой (рукопись). 1979. 173 с.
- Третьякова Л. Изгнанник из рода Романовых // Вокруг света. 2003. № 4. С. 30–36.
- Тютчева А.Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 416 с.
- Чайковский А. Важная нивеллировка в Туркестане: проект восстановления прежнего течения речной системы этого края в Каспийское море. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1908. 48 с.

REFERENCES

- Antonova T.V. (2010). The program of “political novelty” of Grand Duke Konstantin Nikolaevich Romanov. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, no. 1, pp. 22–33. (In Russ).
- (1906). Catalog of books donated to the Turkestan Public Library by His Imperial Highness Grand Duke Nikolai Konstantinovich. Tashkent, Tip. pri kantselyarii Turkestan. general-gubernatora, 41 p. (In Russ).
- Gudarzi-Najafov A. (2018). Life without myths. Grand Duke Nikolai Konstantinovich, 1850–1918. Tashkent, Baktria press, 144 p. (In Russ).
- (1874) Journal of the General Meeting – March 6, 1874. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 10, no. 1–8, pp. 108–112. (In Russ).
- (1874) Journal of the General Meeting – May 3, 1874. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 10, no. 1–8, pp. 226–244. (In Russ).
- Kazanina N.V. (2017). “Your faithful friend and disciple” (by correspondence of Grand Duke Konstantin Nikolaevich with V.A. Zhukovsky (1838–1850). *Konstantinovskie chteniya – 2017: zhizn', otdannaya sluzheniyu Rossii: sb. materialov nauch. konf. 25 okt. 2017 g.* Saint Petersburg, pp. 39–46. (In Russ).
- Kostetsky V.A. (2008). Russians in Uzbekistan. Tashkent, Nihol, 336 p. (In Russ).
- Lavrov M.V. (1916). Turkestan. Geography and history of the region. Moscow, Petrograd, V. V. Dumnov, nasl. br. Salaevykh, 203 p. (In Russ).
- Mironenko S.V. (ed.) (2019). The diaries of Grand Duke Konstantin Nikolaevich. 1858–1864. Moscow, Polit. entsikl., 726 p. (In Russ).
- Morachevsky A.G., Firsova E.G. (2018). President of the Academy of Sciences Konstantin Konstantinovich Romanov (to the 160th anniversary of his birth). *Global'naya ehnergiya*, no. 2, pp. 199–206. (In Russ).
- Pchelov E.V. (2014). Scientist from the Romanov dynasty: Grand Duke Nikolai Mikhailovich. *Vspomogatel'nye i spetsial'nye nauki istorii v XX – nachale XXI v.: prizvanie, tvorchestvo, obshchestvennoye sluzhenie istorika: materialy XXVI Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 14–15 apr. 2014 g.)*. Moscow, pp. 67–78. (In Russ).

(1918). Necrologue, 1916–1918. Nikolai Konstantinovich Romanov. *Izvestiya Turkestanskogo otдела Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 14, iss. 1, pp. 142–144. (In Russ).

Radzinsky E.S. (2015). The assassination of the emperor. Alexander II and secret Russia. Moscow, AST, 576 p. (In Russ).

Romanov N.K. (1878). On the choice the shortest direction of the Central Asian railway. Orenburg, 60 p. (In Russ).

Romanov N.K. (1979). Amu-Darya's turn into Uzboy: (manuscript). 173 p. (In Russ).

Tchaikovsky A. (1908). Important leveling in Turkestan: a project to restore the former flow of the river system of this region into the Caspian Sea. Moscow, Pechatnya S. P. Yakovleva, 48 p. (In Russ).

Tretyakova L. (2003). Exile from the Romanov family. *Vokrug sveta*, no. 4, pp. 30–36. (In Russ).

Tyutcheva A.F. (2002). Memories. Moscow, Zakharov, 416 p. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 01.06.2023

Дата рецензирования 19.06.2023

Статья принята к публикации 22.06.2023

DOI: 10.15372/HSS20230313
УДК 069+39+908+930(470+571)
EDN: AATTQH

Т.Н. ЗОЛотова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ НАУЧНО-КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРИ

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Сибирский филиал,
РФ, 644077, г. Омск, ул. Андрианова, 28

В статье представлен анализ научно-коммуникационного пространства Сибири, которое формируется благодаря регулярным научным конференциям региона. На них обсуждаются проблемы историко-культурного наследия России: это такие форумы, как «Этнография Алтая и сопредельных территорий» (Барнаул), «Мельниковские чтения» (Новосибирск), «Сибирский исторический форум» (Красноярск), «Ядринцевские чтения» и «Аношинские чтения» (Омск) и др. Соединение научно-теоретического и коммуникативно-практического компонентов в пространстве этих международных и всероссийских форумов становится эффективным способом не только изучения, но и освоения исторического и культурного наследия России, что показано на примере конференции «Аношинские чтения». Здесь ученые представляют результаты своих научных изысканий по проблемам исторической памяти, музеефикации культурного наследия, его цифровизации, презентации и использования в культурно-образовательной, краеведческой и туристской сферах в особой историко-культурной среде музея-заповедника «Старина Сибирская». Погружение в контекст народной культуры, участие в бытовых реконструкциях имеют важное значение для дальнейшего анализа ими объекта изучения, определения новых направлений научных исследований и выработки рекомендаций органам власти и управления.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, научно-коммуникационное пространство, региональные конференции, «Аношинские чтения», исследование, актуализация.

Для цитирования: Золотова Т.Н. Историко-культурное наследие России в региональном научно-коммуникационном пространстве Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 94–101.

T.N. ZOLOTOVA

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA IN THE REGIONAL SCIENTIFIC AND COMMUNICATION SPACE OF SIBERIA

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Siberian Branch,
28, Andrianova str., Omsk, 644077, Russian Federation

In modern conditions of aggravation of contradictions between Western and Russian civilizations, the preservation and actualization of the national historical and cultural heritage is of particular importance for the integration of the space of the Russian world. The effectiveness of its research is significantly increased in the context of the creation of a single scientific and communication space due to the integration of two components – scientific-theoretical and communicative-practical, which is relevant in the light of the theory of social communications. In Siberia, such a scientific and communication space is formed by regular international and all-Russian scientific conferences (“Ethnography of Altai and adjacent territories” in Barnaul, “Melnikov readings” in Novosibirsk, “Siberian historical forum” in Krasnoyarsk, “Yadrintsev readings” and “Anoshin readings” in Omsk). At these conferences, the scientists immerse themselves in the atmosphere of unique cultural and landscape complexes (Barnaul, Krasnoyarsk) or become participants in reconstructed customs and rituals (Omsk region). The Siberian branch of the Heritage Institute and the museum-reserve “Antiquity Siberian” (“Starina Sibirskaia”) in Bolsherechye regularly organize the All-Russian scientific and practical conference “Anoshin readings”. The experience of its holding testifies to the effectiveness of combining scientific discussion of topical problems, such as historical memory, museumification of cultural heritage, its digitalization, presentation and use in the cultural, educational, local history and

Татьяна Николаевна Золотова – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, e-mail: zolotovat2012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7884-281X>.

Tatiana N. Zolotova – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Siberian Branch of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

tourism sphere, with a communicative and practical component, which is the immersion of scientists in the rural, close to authentic, historical and cultural environment of the museum-reserve through participation in household reconstructions and reconstructed traditional rituals. Such a communicative practice allows scientists to present the object of study more fully and determine new areas of scientific activity more effectively. Holding such regional conferences is necessary to coordinate the work on the study and preservation of historical memory, museumification and actualization of the historical and cultural heritage, since the scientific and communication space created by them contributes to the intensification of humanitarian research and the formation of the historical consciousness of the population.

Key words: *historical and cultural heritage, scientific and communication space, regional conferences, Anoshin readings, research, actualization.*

ВВЕДЕНИЕ

Культурное наследие России сегодня становится не только важным фактором современного развития общества, но и залогом безопасности и культурного суверенитета страны. В указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в числе стратегических национальных приоритетов названо «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России»¹.

Культурное наследие понимается как часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передающаяся следующим поколениям как нечто ценное и почитаемое. В наследии большую роль играют нормы, ценности, правила и традиции, исторический опыт, сохраняющийся в коллективной памяти. Именно культурное наследие, базирующееся на исторической памяти, является основой российской самобытной цивилизации, базисом для интеграции пространства Русского мира в условиях обострившихся противоречий со странами Запада.

Эффективность исследования культурного наследия, на наш взгляд, значительно повышается в условиях создания единого научно-коммуникационного пространства. Создающие такое пространство конференция, семинар, симпозиум, конгресс становятся разновидностью коммуникативных практик. Сегодня они активно изучаются специалистами в теоретической области социальных коммуникаций, которая является методологической основой для анализа социальных явлений и процессов [Зотов, Лысенко, 2010, с. 53; Ламин, Шелегина, 2020, с. 65]. Такого рода научно-коммуникационное пространство создается в Сибирском регионе благодаря регулярным международным и всероссийским научным форумам.

В г. Барнауле Алтайским государственным педагогическим университетом проведено уже десять международных научных конференций «Этнография Алтая и сопредельных территорий», посвященных различным аспектам этнической культуры, идентичности, устной истории музееведения и краеведения, антропологии советскости. В 2023 г. Алтайский государственный институт культуры при поддержке

Министерства культуры РФ¹ в третий раз провел всероссийскую (с международным участием) научно-практическую конференцию, посвященную культурному наследию Евразийского региона с акцентом на духовно-нравственные ценности. Для участников конференции организовывается посещение достопримечательностей Алтайского края, в том числе знаменитой Денисовой пещеры. Межрегиональная научно-практическая конференция «Мельниковские чтения» состоялась в 2023 г. в Новосибирске в одиннадцатый раз, основное внимание уделялось изучению традиционного фольклора и его актуализации в современности. Организаторы ежегодного Международного сибирского исторического форума, который проводится в Красноярске с 2014 г., на различных тематических платформах практикуют обсуждение самого разного рода научных проблем – от археологических исследований культурного наследия до цифровой антропологии и киберэтнографии. Вопросы публичной истории и мифотворчества, взаимодействия профессионального и любительского краеведения, сохранения исторической памяти и наследия в музейном пространстве рассматриваются на всероссийских научно-практических конференциях «Ядринцевские чтения», регулярно организуемых Омским государственным историко-краеведческим музеем на протяжении десяти лет.

Особую роль в создании научно-коммуникационного пространства, сочетающего одновременно изучение и освоение историко-культурного наследия, играет Всероссийская научно-практическая конференция «Аношинские чтения», которая регулярно (один раз в три года) проводится в Большереченском районе Омской области с 2016 г. Интегративный подход к наследию проявляется уже в составе организаторов конференции, среди которых представлены органы власти, учреждения науки, культуры и образования, а именно: Министерство культуры Омской области, Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская», Сибирь-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/?doc=7&rangeSize=1> (дата обращения: 07.07.2023).

ский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Институт истории СО РАН, Омская лаборатория Института археологии и этнографии СО РАН, Алтайский государственный педагогический университет.

На этой конференции обсуждаются актуальные проблемы исторической памяти, изучения, музеефикации, цифровизации и презентации историко-культурного наследия России, а также культурно-образовательной деятельности музеев, краеведческой деятельности, использования наследия в туристской сфере. Мероприятие посвящается конкретным юбилейным датам, актуализируя их в общественной памяти. Так, III Всероссийская научно-практическая конференция «Аношинские чтения», состоявшаяся 12–14 октября 2022 г. была посвящена 200-летию Омской области, 90-летию со дня основания Центрального НИИ методов краеведческой работы и 30-летию Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. По итогам работы первой и второй конференций были опубликованы сборники материалов [Аношинские чтения, 2017, 2019], а к началу третьей конференции уже был издан сборник, что стало хорошей основой для дальнейшей работы и дискуссий [Аношинские чтения, 2022].

ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАДИЦИЙ В АУТЕНТИЧНОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

«Аношинские чтения» – одна из немногих, если не единственная в России «сельская» конференция, она проводится в старейшем поселке Омской области – Большеречье, ведущем свою историю с 1627 г. Поселок известен своими культурными традициями, популярным в регионе музеем-заповедником и единственным в Сибири сельским зоопарком. Крупнейший на территории Западной Сибири Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская» избран местом проведения конференции не случайно, а именно с учетом эффективного воссоздания историко-культурной среды (близкой к аутентичной) и возможности полного «погружения» в нее участников мероприятия. «Сохранение культурной среды, – считал Д.С. Лихачев – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы... Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» [Лихачев, 1980, с. 8].

Музей-заповедник состоит из пяти зон: архитектурно-этнографического комплекса (11 объектов показа, 5 из которых представлены памятниками истории и архитектуры регионального значения), краеведческого музея (6 выставочных залов и фонды, насчитывающие более 20 тыс. единиц хранения), картинной галереи (более 300 картин), национального археологического и природного парка «Батаково» (150 археологических памятников, 395 видов растений), гостевого дома для посетителей музея. Создавался музейный комплекс с целью использования на научной основе богатого культурного наследия региона. Консультантами стали археологи и этнографы из Омского филиала (ныне – лаборатории) Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева [Золотова, 2021, с. 154]. Инициативность и заинтересованность сотрудников музея, использующих интерактивные методы работы и средства театрализации, позволили участникам конференции погрузиться в воссозданную культурно-историческую среду начала XX в. Поскольку мероприятие проходило в дни, когда православный мир отмечал праздник Покрова Пресвятой Богородицы, участники конференции принимали активное участие в уличных русских народных играх, осваивали мастерство вязания ковриков, участвовали в обряде выкупа невесты со свадебным поездом, одеванием в традиционную праздничную одежду, с песнями, шутками и прибаутками, выносом сундука с приданым и благословением «молодых» родителями и в других мероприятиях. Было организовано посещение также усадьбы крестьянина Дроздова с избой, амбаром и омшаником, осмотрен рубленый пятистенник ямщика Копьева, в котором, следуя в Илимскую ссылку, останавливался А.Н. Радищев. Интерес у посетителей вызвали также дома купцов Николая и Павла Гладковых, церковь Святого Благоверного князя Александра Невского. Здесь они поднялись на колокольню, сфотографировались у памятника Святому Георгию Победоносцу. Участники конференции познакомились также с искусством гончара, ткачихи, кузнеца, берестяника в ремесленных мастерских, были приглашены на новоселье в дом казачьего сотника, распахнувшего свои двери в день открытия конференции, а на казачьем подворье для гостей был устроен праздничный пир с зажаренным на вертеле бараном, блюдами и напитками традиционной русской кухни, с плясками, частушками и «осенскими» песнями.

Такое погружение в местный культурно-исторический контекст способствует большей эффективности проводимой научно-практической конференции, которая носит имя Василия Семеновича Аношина (1898–1996) – известного в регионе краеведа,

создателя первого в Омской области районного краеведческого музея, почетного гражданина Большеречья. О растущей популярности «Аношинских чтений» свидетельствует расширение географии и рост числа участников конференции: если на первой конференции в 2016 г. присутствовало около 100 чел. из Омска, Новосибирска, Кемерово, Барнаула и нескольких районов Омской области, то на третьей (2022 г.) – участниками очных и он-лайн выступлений стали более 140 докладчиков из Омска, Москвы, Новосибирска, Барнаула, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Краснодара, Кемерово, пос. Волжский Волгоградской области и ряда районов Омской области. В работе конференции приняли участие представители органов власти, ученые-гуманитарии, преподаватели высших учебных заведений, специалисты музеев, архивов, библиотек, педагоги среднего и средне-специального образования, краеведы, члены различных общественных объединений, учащиеся школ и колледжей.

На пленарных и секционных заседаниях участникам конференции было предложено 62 доклада в формате очных и онлайн-выступлений, а также видеопрезентаций. Помимо пленарного заседания и работы четырех секций проводился круглый стол «Информационные войны, культурная и историческая память в истории России», а также подготовлены презентации издания «Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.» и научно-популярной книги «Тайны Оби и легенды Иртыша».

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Изучение культурного наследия и сохранение исторической памяти в современном мире все больше становятся одними из источников социального, экономического, культурного и политического прогресса человечества. Следование этой парадигме демонстрируют исследования ученых-гуманитариев – историков, философов, культурологов, музеологов, этнологов, что было отражено в докладах на конференции. Докладчики обращались в своих исследованиях к работам Я. Ассмана, П. Нора, М. Хальбвакса и других ученых по проблемам культурного наследия и исторической памяти. В современном обществе актуальность этой проблемы определяется тем, что «прошлое перестало быть гарантией будущего, а потому память превратилась в движущую силу, в обещание преемственности» [Нора, 2005]. Такая «преемственность» сохраняется в культурном наследии, которое тесно связано с социальной памятью, что подчеркивалось в докладе Т.К. Щегловой. Она рассмотрела вопросы изучения историко-культурного наследия методами устной истории с опорой на социальную память и пришла к выводу о необходимости создания

архивов устной истории об исторических и культурных событиях прошлого, используя аудио- и видеоинтервью, графические и иллюстративные материалы, коллекции фото- и видеодокументов. В частности, начало этому процессу может положить информационный банк исчезнувших сел.

Трагические события в мирное время и события военной истории более всего запечатлеваются в памяти поколений, но требуют критического и вместе с тем бережного отношения со стороны исследователей. Об этом говорилось в выступлениях Д.А. Алисова о славном боевом пути 308-й стрелковой дивизии под руководством Л.Н. Гуртьева и об усилении информационных войн. Докладчик убедительно показал значение фейков как инструмента подготовки военных конфликтов и их инкорпорировании в историческую память для оправдания прошлого. Культурная память наиболее ярко отражается в национальных символах (доклад Т.Б. Смирновой), они преобладают в общероссийском контексте исторической памяти, относящейся к советской эпохе. Исследования Т.Б. Смирновой среди студенческой молодежи Уральского, Сибирского и Дальневосточного округов подтвердили данный тезис.

Изучение культурного наследия методами археологии было представлено в докладах М.Н. Опалева, Ф.С. Татаурова и С.Ф. Татаурова по результатам раскопок Безродненского городища Золотой Орды, памятников саргатской культуры в Большереченском Прииртышье и раскопок острожной части г. Тары. В докладе М.Л. Бережновой, Н.В. Кабаковой, С.Н. Корусенко на примере Дозорной книги Тарского уезда 1701 г., публикация которой была осуществлена авторами в 2021–2022 гг. и презентация которой состоялась на конференции, показаны возможности письменных источников для историков. В дозорной книге содержатся историко-географические, социально-экономические, демографические и многие другие материалы рубежа XVII–XVIII вв. по Тарскому уезду Тобольского разряда. Это прежде всего многочисленные свидетельства о населенных пунктах и исчезнувших из употребления топонимах, а также факты для дальнейших генеалогических изысканий. В докладе Е.А. Коляскиной были рассмотрены методы сбора воспоминаний участников гражданской войны членами Военно-исторического общества при Новосибирском доме офицеров в экспедициях на Алтай на рубеже 1950–1960-х гг. Новые научные подходы к изучению и представлению достопримечательных мест России, одним из которых является новосибирский Академгородок, предложены в докладе Г.М. Запорожченко. Вклад сотрудников Сибирского филиала Института наследия в научное исследование культурной среды сибирских городов проанализирован Ю.Р. Гореловой.

Важную роль в сборе сведений по истории и культуре отдельных мест играют краеведы, среди которых известный омский историк П.П. Вибе выделяет краеведов-любителей и краеведов-профессионалов [2021, с. 35]. Работа над издательским научно-краеведческим проектом, который посвящен формированию и преобразованию территории с административным центром в Омске (в течение 200 лет), а также изучение биографии государственных деятелей, стоявших во главе региона с 1822 г. [Омская область..., 2022], была отражена в докладе А.В. Ремизова.

Одной из эффективных форм изучения и популяризации истории отечественного краеведения являются разработка и экспонирование книжных выставок. О такой выставке, организованной в Омской государственной областной научной библиотеке (ОГОНБ) им. А.С. Пушкина и посвященной 100-летию Центрального бюро краеведения (ЦБК), а также развитию краеведческого движения в Омском Прииртышье, поведали в своем докладе А.Я. Адам и А.П. Сорокин. Они проинформировали об основных моментах истории советского краеведения 1920–1930-х гг., в том числе его структурных преобразованиях, что отражено устроителями выставки. Здесь же были представлены портреты, книги и статьи краеведов, внесших значительный вклад в изучение Омского Прииртышья: Г.Е. Катанаева, А.Н. Седельникова, И.Н. Шухова, П.Л. Драверта, А.Ф. Палашенкова, С.Р. Лаптева, Н.В. Горбаня, В.С. Аношина, А.Д. Колесникова, М.Е. Бударина и др. Доклад был дополнен интересными исследованиями И.А. Махнановой, О.Б. Бокаревой и В.Н. Демешко, посвященными биографиям и значению культурного вклада краеведов В.С. Аношина, А.А. Виноградова, А.Ф. Палашенкова в изучение наследия. Удачными формами исследовательской и презентационной работы стали краеведческие съезды и форумы, об опыте организации и проведения которых Омским государственным историко-краеведческим музеем рассказала Д.В. Ерошевская.

Опытом работы студенческого научно-исследовательского кружка «Нити краеведения» в Алтайском государственном педагогическом университете поделились его руководители А.А. Гоппе и Н.В. Люля. Занимаясь научно-исследовательской и общественной деятельностью, связанной с изучением, сохранением и популяризацией истории и культуры края, работая в команде, будущие педагоги получают полезные навыки, у них формируются активная жизненная позиция.

О появлении в современном публичном пространстве феномена «нового краеведения» рассказала П.Р. Платонова, обращаясь к творчеству современных художников, которые, интересуясь историей края, реконструируют народные практики. Так работает Евгений Стрелков, используя фонды библиотек,

фотоархивов родной Нижегородской области, стремясь актуализировать события локальной истории художественно-выразительными средствами XXI в. Творчеством художников, писателей и поэтов интересуются Т.С. Полякова и А.А. Тихонов, считающие, что обращение представителей творческой интеллигенции к сюжетам местной истории обогащает духовную культуру края. Трансляции исторической и культурной памяти способствует также макетная визуализация: так, доклады Е.А. Марченко, Е.В. Поповой, Е.В. и Т.В. Чекмаревых, посвященные макетной визуализации крепостей Омского региона, вызывают, по их свидетельству, неизменный интерес со стороны молодежи к своему культурно-историческому наследию. Актуальная тема изучения семейных генеалогий освещена в докладе А.С. Дрозд.

ИССЛЕДОВАНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, МУЗЕИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Государство, осознавшее ценность этнокультурного наследия в современных реалиях, предпринимает важные шаги в плане юридического закрепления в законодательстве понятий, связанных с таким наследием. Конференция проводилась в октябрьские дни 2022 г., когда был принят Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», согласно которому нематериальным этнокультурным достоянием Российской Федерации признается «нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения»¹. Носителями этого достояния (наследия) являются этнические общности, а хранителями – «физические и юридические лица, имеющие отношение к выявлению, изучению, использованию, актуализации, сохранению и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния (дома/центры) народного творчества и учреждения культурно-досугового типа, профессиональные и самодеятельные творческие коллективы, культурные объединения), а также библиотеки, музеи, архивы, научные, образовательные и иные организации»². Тем самым в законе обо-

² Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405406217/> (дата обращения: 07.07.2023).

значена особая роль культурных, образовательных и научных организаций в сохранении духовного наследия при всемерной государственной поддержке в его выявлении, изучении и актуализации. Проблемы выявления, учета и цифровизации нематериального культурного наследия обсуждались участниками на конференции после докладов И.А. Селезневой и А.В. Крюкова, рассмотревших теоретические и практические вопросы изучения, сохранения и популяризации нематериального культурного наследия, в том числе благодаря его преобразованию в цифровую форму. При этом требуется «наведение порядка» в этом направлении на общегосударственном уровне.

Государственную поддержку по сохранению и популяризации наследия, использованию его ресурса в туризме на примере Омского региона рассмотрела в своем докладе С.Д. Бакулина. Региональным Министерством культуры в год 200-летия Омской области была создана карта этнокультурного ландшафта Омского Прииртышья, отразившая объекты регионального культурного наследия: украинские традиции росписи пасхальных яиц (Азово), технологию изготовления на дощечках поясов (Большеречье), рецепты чалдонской кухни (Большие Уки), народную драму «Лодка» (Горьковский район), «выкладные» ковры (Крестики Оконешиковского района) и т.п.

Стремление человека обратиться к своим корням и определить свою этнокультурную идентичность нередко связано с проявлениями фольклоризации. Одним из способов актуализации в этом направлении являются фестивали народной культуры (о них шла речь в докладе Т.Н. Золотовой). Анализ всероссийских и сибирских фестивалей (фестиваль русской традиционной культуры «Егорий Хоробрый», фестивали сибирской культуры «Слетье» и национальных культур «Единение», Международный фестиваль этнической музыки и ремесел «МИР Сибири») подводит к выводу, что фольклорные фестивали и праздники – это современная форма существования и представления народных традиций, а также обмена опытом представителей разных регионов по воспроизведению механизма преемственности этих традиций. Благодаря фестивалям запускается механизм культурной трансмиссии, формируется благоприятная для сохранения народной культуры среда, актуализируется нематериальное культурное наследие, улучшается межэтническая коммуникация, усиливается процесс этнокультурной идентификации. Фестивали выполняют важную интегрирующую роль, формируя у россиян чувство национального единства и возвращения к своим духовным истокам [Золотова, 2022, с. 363].

Вопросам сохранения источников народной культуры и живого бытования элементов этнической культуры посвящалось несколько докладов. Н.К. Коз-

лова представила слушателям материалы рукописного сборника фольклориста Н.Ф. Чернокова «Сибирские песни и игры. Дневники и письма». Материалы еще одного известного сибирского фольклориста – М.Н. Мельникова, собранные на территории Алтайского края и хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области, стали предметом исследования А.В. Рыкова. О.В. Голубкова на основе полевых материалов западносибирских переселенцев из Полесья проанализировала традиционные сюжеты рассказов о демонологических персонажах (домовых, русалках, «заложных покойниках»), которые на протяжении более сотни лет продолжали воспроизводиться на новой территории с целью облегчения лучшей адаптации к новым условиям. СобираТЕЛЬСКАЯ и научно-исследовательская деятельность музеев были отражены в докладах В.С. Станиславских (о домовой и прялочной росписи в коллекциях Алтайского краеведческого музея), а также О.Г. Кирьяновой (о репрезентации сибирских святых в экспозициях церковных музеев Сибири) и др. Отражению этнической культуры в пространстве Интернета посвящен доклад К.Ю. Смирных.

В настоящее время пристальное внимание уделяется музеефикации культурного наследия, что является основной формой его сохранения. Известный музеевед М.Е. Каулен определяет музеефикацию как «направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности» [2012, с. 13]. Наиболее эффективно это происходит, по мнению О.Н. Шелегиной, выступившей с докладом о месте музея в социокультурном пространстве Сибирского федерального округа, на особо охраняемых природных и историко-культурных территориях, в музеях под открытым небом (музеях-заповедниках), которые помимо научного значения оказывают большое влияние на экономическую стабильность, благополучие, брендинг и туристическую привлекательность региона. О музеефикации водяных и ветряных мельниц Большереченского района в музее-заповеднике «Старина Сибирская» сообщил его директор А.Д. Гулько, анализируя процесс воссоздания мельницы-столбовки «на раме» из д. Боровянка. Об активной деятельности Козьмодемьянского музейного комплекса по социально-культурному развитию прилегающих территорий рассказал В.Л. Шерстнев. По его мнению, сохранение культурного наследия г. Козьмодемьянска основано на государственно-партнерских отношениях с церковью, частным сектором и общественными организациями, в первую очередь с ВООПИиК. Тема партнерских отношений была затронута и в докладе О.А. Безродной на примере взаимодействия музейно-

выставочного комплекса «Моя история» г. Омска с социально ориентированными некоммерческими организациями (Союзом художников, Омским обществом корейцев, Семейным ресурсным центром «Радость», Российским военно-историческим обществом и др.). Благодаря этому музей расширяет целевую аудиторию, стремится к разнообразию мероприятий, становится центром консолидации разных социальных групп.

Музейные практики в условиях динамичного изменения жизни, усиления социальной дифференциации, появления новых форматов общения и функционирования цифровых технологий также претерпевают изменения и становятся интерактивными. «Культура участия» (participatory culture) является современным направлением музейной деятельности, вовлекающим посетителей в конструирование исторической памяти и трактуется как «свободное, деятельное и осознанное участие людей в культурных и социальных процессах, возможность для них быть не только «потребителями» или объектами воздействия, но вносить свой собственный вклад в принятие решений и создание культурных событий (например, выставок или образовательных программ), а стало быть, в процесс осмысления и актуализации культурного наследия» [Музей как пространство..., 2012, с. 8]. Об этом говорилось в докладах И.Н. Дониной и О.Н. Шиховой, считающих, что интерактивные формы работы музея с посетителями сегодня в большой степени носят зрелищный, потребительский характер, поэтому следует выстраивать «культуру участия» как совместный исследовательский процесс освоения культурного и природного наследия – от собирания и изучения предметов до их экспонирования и хранения. «Культура участия» в деятельности музеев реализуется в культурно-образовательных практиках, благодаря которым происходит первое знакомство посетителя с культурным наследием. «В отличие от других видов деятельности музея культурно-образовательные практики предполагают непосредственную передачу знаний, переживаний, эмоций от интерпретатора культурного наследия, то есть музейного сотрудника, посетителю» [Мастеница, 2020, с. 19]. Своим опытом использования культурно-образовательных практик в представлении культурного наследия региона поделились сотрудники музея-заповедника «Старина Сибирская» Л.А. Амосова, Л.А. Иванова и А.Н. Пресаяннюк. В массовых праздниках и народных играх, которые проводятся в музее-заповеднике для детей, молодежи и взрослых, в работе ремесленных мастерских, в театрализованных экскурсиях сотрудниками музея используются местные традиции русского старожильского населения, выстраивается «культура участия», что позволяет в

полной мере реализовать информационно-познавательную, коммуникативную, эстетическую, воспитательную и рекреационную функции культурного наследия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт проведения региональных научных конференций, подобных «Аношинским чтениям», показывает, что научно-коммуникационное пространство таких форумов можно и должно использовать как площадку для изучения, освоения и актуализации культурного наследия России. Представление учеными своих научных изысканий в культурно-исторической среде музея-заповедника позволяет присутствующим участвовать в бытовых реконструкциях, воспроизведении обычаев и обрядов, получать новые знания посредством погружения в традиционную культуру, испытывая на себе действие «культуры участия».

Участники конференции призвали ученых, деятелей культуры, преподавателей, всех представителей научно-технической интеллигенции активно включиться в защиту «Русского мира» и «мира русской культуры», подчеркивая их особую ответственность за представление общественности научных знаний. Так, участники «Аношинских чтений» выразили поддержку борьбе России против неонацизма и посчитали остро необходимым усиление роли исторического образования в патриотическом воспитании и обеспечении информационной безопасности страны. Ученые-историки должны всемерно противостоять «войнам памяти» Запада, использующего исторические события для продвижения своих интересов, в том числе путем фальсификации истории или изменения акцентов в освещении фактов из прошлого. Повышению уровня знаний будет способствовать проведение на федеральном и региональном уровнях, в том числе во всех образовательных учреждениях, цикла ТВ-передач и лекций по теме «Методы и приемы современной информационной войны».

Практическим вкладом в актуализацию культурно-исторического наследия стали конкретные рекомендации конференции органам власти и научным организациям, в том числе возобновление издания уникальной научной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях Сибири», публикация методических рекомендаций Российским этнографическим музеем по музейной инклюзии в духе «Культуры участия», повышение квалификации сотрудников краеведческих музеев благодаря использованию новационных российских образовательных площадок (в частности, Крымской музеологической школы). В связи с развитием внутреннего туризма региональному правительству было рекомендовано создать

инфраструктуру туристических маршрутов (в частности, Омск – Большеречье, Большеречье – Уленкуль); разработать информационную схему «Музейный ландшафт Омской области» с обозначением государственных и наиболее репрезентативных школьных и частных музеев; провести научно-практический семинар по организации сотрудничества музеев и НКО на базе мультимедийного исторического парка «Россия – моя история».

Проведение региональных конференций необходимо для дальнейшей координации и расширения работы по изучению и сохранению исторической памяти, музеефикации и актуализации историко-культурного наследия. Научно-коммуникационное пространство таких краеведческих конференций способствует интенсификации гуманитарных исследований, активному освоению культурного наследия России, формированию исторического сознания населения и в конечном счете – сохранению пространства Русского мира и культурного суверенитета страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аношинские чтения: материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. (р. п. Большеречье Омской области, 12–13 окт. 2016 г.) / гл. ред. Т.Н. Золотова; отв. ред. И.А. Селезнева, Г.М. Патрушева, О.Н. Шелегина. Омск: Наука, 2017. 322 с.

Аношинские чтения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (р. п. Большеречье Омской области, 10–11 окт. 2019 г.) / отв. ред. Т.Н. Золотова. Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. 382 с.

Аношинские чтения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (р. п. Большеречье Омской области, 12–14 окт. 2022 г.) / отв. ред. Т.Н. Золотова. Омск: Издатель-Полиграфист, 2022. 408 с.

Вибе П.П. Краеведение в XXI веке: структурный анализ, задачи и место «самого массового вида науки» в публичном пространстве // VI Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (28–30 окт. 2021 г.). Омск: ОГИК музеев; СПб.: Любавич, 2021. С. 11–40.

Золотова Т.Н. Изучение, сохранение и актуализация культурного наследия в музее-заповеднике «Старина Сибирская» // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 154–165. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-13.pdf>.

Золотова Т.Н. Фольклор и устное народное творчество как объекты нематериального наследия России // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. М.: Ин-т Наследия, 2022. С. 355–367.

Зотов В.В., Лысенко В.А. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества // Теория и практика общественного развития. 2010. Вып. 3. С. 53–55.

Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.

Ламин В.А., Шелегина О.Н. Современные подходы к изучению и популяризации отечественной истории: актуальные коммуникативные практики // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2020. Т. 33. С. 63–69.

Лихачев Д.С. Экология культуры // Памятники Отечества. 1980. № 2. С. 8–10.

Мастеница Е.Н. Интерпретация истории как процесс и результат музейной деятельности // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22–23 окт. 2020 г.). Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2020. С. 7–23.

Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / отв. ред. А. Щербакова; сост. Н. Копелянская. М., 2012. 176 с.

Нора П. Всемирное торжество памяти / пер. с фр. М. Сокольской // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3 (40–41) // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.

Омская область. 200 лет. Первые лица. Омск: Манифест, 2022. 292 с.

REFERENCES

Zolotova T.N., Selezneva I.A., Patrusheva G.M. et al. (eds.) (2017). Anoshin readings: proceedings of the I Interregional scientific and practical conference (Bolsherechye settlement of the Omsk Region, October 12–13, 2016). Omsk, Nauka, 322 p.

Zolotova T.N. (ed.) (2019). Anoshin readings: proceedings of the II Interregional scientific and practical conference (Bolsherechye, Omsk Region, October 10–11, 2016). Omsk: "Izdatel-Poligrafist", p. 382. (In Russ.)

Zolotova T.N. (ed.) (2022). Anoshin readings: proceedings of the II Interregional scientific and practical conference (Bolsherechye, Omsk Region, October 12–14, 2016). Omsk: "Izdatel-Poligrafist", p. 408. (In Russ.)

Kaulen M.E. (2012). Museumification of historical and cultural heritage of Russia. Eterna. 432 s. (In Russ.)

Lamin V.A., Shelegina O.N. (2020). Modern approaches to the study and popularizing the national history: relevant communicative practices // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. T. 33. S. 63–69. (In Russ.)

Likhachev D.S. (1980). Ecology of culture // Pamyatniki Otechestva. № 2. S. 8–10. (In Russ.)

Mastenitsa E.N. (2020). Interpretation of history as a process and result of museum activities // Sovremennyye tendentsii v razviti muzeev i muzeeyevdeniya: Mat-ly IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novosibirsk. 22–23 oktyabrya 2020 g.). Novosibirsk: Institut istorii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. S. 7–23. (In Russ.)

Museum as a space of education: game, dialogue, culture of participation (2012). Ed. by A. Shcherbakova; comp. N. Kopelyanskaya. Moscow, 176 p. (In Russ.)

Nora P. (2005). Global triumph of memory / P. Nora; transl. by M. Sokolskaya // Neprikosnovenny zapas: debaty o politike i kulture. № 2–3 (40–41) // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html>. (In Russ.)

Omsk Region. 200 years. Top figures. (2022). Omsk: izd-vo «Manifest». 292 s. (In Russ.)

Vibe P.P. (2021). Regional studies in the XXI century: structural analysis, tasks, and the place of the "Most massive type of science" in public space. VI Yadrintsevskie chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (28–30 oktyabrya 2021 g.). Omsk, OGIK muzei; Saint Petersburg, Lyubavich, 2021, pp. 11–40. (In Russ.)

Zolotova T.N. (2021). The study, preservation and actualization of cultural heritage in the reserve museum "Antiquity Siberian". Istoricheskiy kuryer. № 2 (16). S. 154–165. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-13.pdf> (In Russ.)

Zolotova T.N. (2022). Folklore and oral folk arts as objects of non-material heritage of Russia. Entsiklopediya nematerialnogo kulturnogo naslediya Rossii. Posvyashchayetsya Godu kulturnogo naslediya narodov Rossii. M.: Institut Naslediya. S. 355–367. (In Russ.)

Zotov V.V., Lysenko V.A. (2010). Communicative practices as a theoretical construct of the study of society. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Vol. 3, pp. 53–55. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.03.2023

Дата рецензирования 10.05.2023

Статья принята к публикации 18.05.2023

DOI: 10.15372/HSS20230314

УДК 338:001.895 (4/8)

EDN: PBNVSA

Е.Е. ЕРМАКОВА

**ПОЧИТАЕМЫЕ ВОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ САКРАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ:
КРИЗИС ВЕРЫ, ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА**

Тюменский государственный университет
РФ, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6

В статье рассматриваются основные функции почитаемых водных источников как части сакрального ландшафта. Отметим, что сегодня мы являемся свидетелями процессов сакрализации, ресакрализации и десакрализации культурных ландшафтов, в связи с этим обозначим задачи исследования: кому необходимы новые сакральности? какие интерпретации сакрального актуальны в настоящем? от каких групп они исходят? Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, обратимся к православным сакральным местам и объектам, расположенным в Тюменской области. Главное внимание уделялось сведениям, полученным из бесед с информаторами, которые посещали водные святыни. Сакрализация рассматривается как управляемый процесс в широком историческом контексте. Паломниками вода воспринимается как социально-экономическое благо. Наконец, святыни рассматриваются в контексте поиска идентичности сельского социума в меняющемся мире.

Ключевые слова: сакральный ландшафт, святой источник, ценность сакрализованной святыни, исцеления святой водой, значение в обществе, причины почитания.

Для цитирования: Ермакова Е.Е. Почитаемые водные источники в региональном сакральном ландшафте: кризис веры, проблемы здравоохранения и последняя надежда // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 102–109.

Е.Е. ERMAKOVA

**REVERED WATER SOURCES IN THE REGIONAL SACRED LANDSCAPE:
CRISIS OF FAITH, HEALTH PROBLEMS AND LAST HOPE**

Tyumen State University,
6, Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russian Federation

Currently, we are witnessing the processes of sacralization, resacralization and desacralization of cultural landscapes, the study of which should answer the questions: Who needs new sacralities? What functions of the sacred are relevant in the present? What groups do they come from? Orthodox sacred places located in the Tyumen region will be the material for answers. The article considers revered water sources in several aspects. Firstly, it examines them through the prism of their functioning as a controlled process. Etiological legends about the origin of holy places clearly demonstrate this attitude. The presence of a legend contributes to the formation of a resource of trust in places designed to indicate a person's contact with higher forces. The legend ideologically endows the shrine with legitimacy, proclaiming its rootedness and sustainability in this territory. Secondly, the article examines the sacred landscape through the prism of health. For most pilgrims, water springs are one of the main shrines, where they strive to turn contact with higher forces into vital dividends. Holy water is a socio-economic benefit in the form of medicine that is affordable and inexpensive. Often, being out of sight of the official «free» medicine and not having the opportunity to use the services of other medical systems, a person tries to take care of health in his own way, in accessible, understandable and proven ways. Thirdly, pilgrimage to the springs is a path in search of lost solidarity and community. Pilgrimage provides an opportunity to be nostalgic about the lost community, which a person can situationally reconstruct «here and now» and feel protected in the face of the rigid individualized framework of the new social reality.

Key words: Sacred landscape, holy spring, the value of a sacralized shrine, healing with holy water, importance in society, reasons for veneration.

Елена Евгеньевна Ермакова – канд. филол. наук, доцент кафедры сервиса, туризма и индустрии гостеприимства, Тюменский государственный университет, e-mail: e.e.ermakova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9003-4922>.

Elena Y. Ermakova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Service, Tourism and Hospitality Industry, Tyumen State University.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к сакральному демонстрирует его значимость в общественных процессах современности, главным образом в поле социально-культурных смыслов. Почему это происходит? Обратимся, прежде всего, к интерпретации базового понятия статьи. Как отмечает В.И. Харитонова, сакральное – священное, посвященное Богу, это все то, что «создает, восстанавливает или подчеркивает связь человека с потусторонним» [2016, с. 189]. Понимание сакрального тесно связано с социально-культурным механизмом, с помощью которого определенными силами (актерами) формируется идеология группы, транслируемая в повседневных ритуализированных практиках через моменты воздействия высших сил и подразумевающая веру в них и веру в их помощь. М. Элиаде называет момент контакта иерофанией, «присутствием Божиим», «вторжением священного», благодаря чему «из окружающего космического пространства выделяется какая-либо территория, которой придаются качественно отличные свойства» [1994, с. 25]. Данные практики предполагают разную степень свободы в обращении с сакральным, в зависимости от степени жесткости структурирования той или иной группы. Ее идентичность может быть шире религиозной среды, ибо сакральное – один из элементов всеобъемлющей категории духовного (духовности), рассматриваемой исследователями как многоплановая конструкция, отражающая проблемы людей независимо от специфических конфессиональных традиций («*specific faith traditions*») [Emmons and Paloutzian, 2003, pp. 377–402]. Сверхзадача исследователя сакрального – зафиксировав форму, понять идею и сформулировать идеологию с учетом локальной группы, национального сообщества или человечества, произведя ее корреляцию с научным дискурсом, анализирующим те или иные общественные процессы. Сакральное предстанет в этой картине элементом целостной системы состояния и функционирования общества и структурирующих его механизмов.

Сакральное – это социальный конструкт, имеющий как свое содержание, идею, так и форму, материальное выражение. В таком состоянии человеку свойственно не просто верить в Бога и божественные, потусторонние силы, но и подтверждать эту веру вне себя находящимися материальными реалиями. Данная коммуникация может происходить с помощью определенных действий (ритуалов, обрядов) и предметов (объектов, веществ), в некоторых случаях в специально предназначенных для этого местах. Человеку необходимо не просто знать, еще и подтверждать знание сенсорными каналами восприятия, которые позволили бы увидеть или услышать, а также в некоторых случаях потрогать, попробовать, поню-

хать, т.е. сконструировать сакральный объект, через который происходит коммуникация с высшими силами. При конструировании легенд о святых местах чаще используются два канала – визуальный и звуковой (слуховой). Однако если речь идет о воде, то добавляются еще и вкусовые особенности: святую воду пробуют на вкус, идентифицируя ее и отличая от «подделки». Один из информаторов (женщина, 1967 г.р.) рассказала о случае, произошедшем на Криванковском колодце (Юргинский р-н, Тюменская обл.): «Когда ее дядя родной умирал, лежал уже при смерти, попросил привезти с Криванковского колодца воды. К его словам не прислушались, потому что далеко, несколько километров нужно было идти. Сходили к соседям, принесли оттуда, из колодца набрали воды. Он попробовал, говорит: “Нет, ну зачем же, – говорит, – я хочу криванковской воды”. Сходили, принесли ему воды, он напился, вот, вдоволь напился буквально и умер. Тихо, спокойно, без каких-то мучений».

Взаимодействие человека с сакральным – это связь, а значит, коммуникация. В процессе акта сакральной коммуникации адресант получает информацию от адресата посредством определенных символов или действий, приводящих к тому, что некое место и объект становятся сакральными. Чаще всего в этой цепочке присутствует фигура(-ы) посредника(-ов), который и передает волю высших сил или замещающие его символ или действие. В некоторых случаях он заменяет собой фигуру сакрального демиурга. Такой материал во множестве версий записан мной на святых источниках, и в частности на Криванковском колодце. Один «пастух пас коров, прилег отдохнуть и услышал, что из-под земли пение раздастся. И решили, что это место святое, стали все сюда ходить» (женщина, 1991 г.р.). «Из тюрьмы сбежал заключенный, и это место его спасло, он здесь увидел какой-то свет. И это место считается спасением вот этого человека, и так стало святым. Это было очень-очень давно, колодец очень старый» (женщина, 1995 г.р.).

Фигура всевластного и всемогущего демиурга устраняется, а сакрализованный ландшафт гипотетически функционирует по-иному и решает новые задачи, которые ставят перед ним новые паломники. Именно такой «инструменталистский», или «конструктивистский», подход к материалу в последнее время все чаще встречается в российском научном дискурсе. Пожалуй, пионером этого видения сакрального еще в 2000-е гг. стал А.М. Лидов. Он посвятил свои работы категории и процессу иеротопии – созданию сакральных пространств как виду творчества на материале византийского искусства [Лидов, 2009а, 2009б]. Продолжением этого подхода в 2010-е гг. стали не только отдельные публикации [Адаев, 2013; Се-

лезнев, 2013], но и целые разделы в ведущих профильных научных журналах. В «Уральском историческом вестнике» вышла серия статей в разделе «Сакральные пути и пространства», где на широком материале рассматриваются сакральная коммуникация и выстраивание сакральных коммуникативных связей (2012, № 2). В «Этнографическом обозрении» специальная тема номера была посвящена конструированию сакрального пространства новыми религиозными движениями (2014 г., № 5). Тематическая подборка статей в «Сибирском историческом журнале» вышла под названием «Сакральность и сакрализация» (2016, № 4). Важной теоретической рамкой для многих исследователей стала также концепция культурного и сакрального ландшафта, которая определяет методологию и методику исследования почитаемых объектов (см., напр.: [Любимова, 2021; Иванова, Калуцков, Фадеева, 2009; Бубнова, Арманд, Кайданова, 2018 и др.]).

Кому же необходимы новые сакральности? какие интерпретации сакрального актуальны в настоящем? от каких групп они исходят? какие идентичности формируют? Ответить на эти вопросы помогут сакральные места и объекты, расположенные в Тюменской области. Основные наши выводы опираются на беседы с информаторами в ходе многочисленных полевых выездов на святые места.

ЛЕГИТИМНОСТЬ СЯТЫНЬ: ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ЦЕНТРОВ

Почитаемые водные источники рассматриваются в нескольких аспектах. Во-первых, через призму их функционирования как *управляемого процесса*. Демонстрируют это отношение этиологические легенды о происхождении святых мест и объектов (или истории, которые претендуют на такой статус). Наличие легенды способствует формированию ресурса доверия к местам, которые призваны обозначать контакт человека с высшими силами. Легенда здесь выступает как подтверждение сакральности святыни и знак ее статусности благодаря древности и отношению к предкам, которые, как известно, всегда лучше, чем современники. То есть легенда идеологически наделяет святыню легитимностью, провозглашая ее укорененность и устойчивость на данной территории. Если легенда отсутствует, ее нужно придумать, конструируя тот или иной сакральный ландшафт.

Технология сакрального имиджмейкинга была использована руководителем религиозной общины с. Рафайлово для конструирования нового сакрального ландшафта (частично см.: [Ермакова, 2016]). Она полагает, что в Рафайлово долгое время функционировало четыре источника, причем все они появились после того, как в этих краях в середине XVII в. посе-

лился старец Рафаил. Истории о них рассказаны Е.Г. Швецовой мне лично, но похожая информация повторяется в сети Интернет, правда, уже со ссылкой на «старожилов села»: «Как рассказывают старожилы, источников в Рафайлово было четыре. Один, почитаемый особо, исцеляющий от парши (псориаза), богоборцы залили бетоном, и где он находился, сейчас никто точно сказать не может. Второй источник находился на западном краю села. Рядом с ним поставили ферму, а на месте самого источника сделали выгребную яму. Это старожилы помнят хорошо. Третий источник находился на территории Свято-Успенской женской общины, созданной перед самой революцией в память о Рафайловом монастыре, в трех верстах от самого Рафайлово. Этот источник есть и сейчас, но пользоваться им нельзя, поскольку он в собственности предприимчивых хозяев, разливающих целебную водичку с брендом “Рафайлов монастырь” и торгующих ею. Четвертый источник тоже не раз за советский период подвергался различным экзекуциям (его засыпали, а он пробивался в другом месте), но поскольку советской власти удалось-таки убедить людей, что в ключике вода не особая, а просто чище, источник оставили в покое»¹.

Риторика приведенного текста явно противопоставляет «богоборческую» советскую власть, а также бизнесменов и верующих местных жителей, старожилов. Вероятно, замысел автора заключался в том, чтобы у читателей возникло сочувствие к данной ситуации – «гонимым» властью родникам. Оно формируется и за счет использования соматических маркеров, точно расставленных по тексту («экзекуция»). Все это в совокупности «давит на жалость» и направлено на то, чтобы сделать новые святыни еще более близкими и любимыми, принять сторону, пострадавшую в борьбе с очевидной несправедливостью и злом. Насколько соответствует истине то, что представлено в этом тексте? Как показывают мои материалы, в сибирской глубинке все же и в советское время власти не были столь одиозными в борьбе с верующими, святые источники существовали и тогда на полуправильном положении. Полагаю, источники в Рафайлово, скорее всего, не считались ранее святыми, тем более знаменитыми. Старожил села (женщина, 1927 г.р.) вспоминает, что «бежал ручеек, речка еще не запружена была. Кто знал, что он святой источник?». После информационной работы Е.Г. Швецовой один из родников с. Рафайлово был освящен архиепископом Тобольским и Тюменским Димитрием в честь иконы «Живоносный источник». Стали функционировать и туристические маршруты в село, а значит, появились паломники, так необходимые бед-

¹ Живоносный источник в Рафайлово // Сибирская православная газета. 2011. № 11. Ноябрь. С. 8.

ному приходу. Впрочем, Церковь хоть и покровительствует новым водным святыням, но не помещает их в ряд «официальных». На сайте Тобольской митрополии, в разделе «Святые и святыни», не найти упоминания ни об одном святом источнике региона, хотя благословение на их освящение дается высшей местной духовной властью².

Действительно, не все так однозначно с легитимизацией святынь институтом Церкви. Очевидно, что святые места приносят прибыль, к ним тянутся паломники, но они же представляют опасность в плане самостоятельной интерпретации со стороны невоцерковленных, которые не обязательно затем войдут в здание храма, пойдут на исповедь и примут причастие³. Если для Церкви и воцерковленных сакрализованные святыни обретают высокий и положительный смысл благодати и чистоты (но только на пути духовной работы над собой – в течение всей жизни человека), то для невоцерковленных и прочих рядом со святынями или с их помощью происходят чудеса – исполняются желания и происходят исцеления.

Позицию Церкви по поводу восприятия святынь большинством паломников только как средства лечения заболеваний воспроизводит архиепископ Егорьевский – главный редактор журнала «Православный паломник» отец Марк: «Такое восприятие паломничества является “в корне неверным” и представляет собой “опасное явление, способное нанести человеку серьезный духовный урон”⁴. Душевное для Церкви – важнее телесного, предшествует ему и его сопровождает⁵.

Полагаю, опасность чрезмерного прельщения святостями не только в том, что они интерпретируются как только телесное средство исцеления, но и в том, что многие из них неподконтрольны институту Церкви, находясь вне здания храма или вне поля зрения священников. Особую опасность представляют «природные» сакральные места или объекты. Настоятель храма Св. Троицы в с. Юргинском Андрей Тимошенко затрудняется определить суть верований у па-

ломников на почитаемом месте – Криванковском колоде (интервью от 2011 г.): «Что удивительно, вот с ними общаешься, и вот какое-то может быть языческое, не языческое представление. <...> Конечно, Церковь это никогда не поощряла, но знаете, если людям помогает, и если человек в это уж сильно верит и берет... Ну что теперь, ну пускай берет»⁶.

Причин такого компромисса множество, но, пожалуй, самая главная заключается в том, что сакрализованные источники – это ресурс доверия к духовной власти, а вслед за этим возможность управления большой группой паломников через трансляцию нужной информации с четко заданной иерархией ценностей и смыслов. Сакральное – это один из сегментов социальной практики, контролируемый религиозным институтом, в свою очередь, представляющий один из институтов/параинститутов государства [Кастельс, 2017, с. 61]. Этот контроль в настоящее время за всей кажущейся лояльностью довольно жесткий и даже жестокий, исключаящий из процесса маргинальное сообщество защитников сложившихся в советское время «старых» традиций (ходить с личными иконами, забирать пожертвования себе и т.д.). В итоге вокруг святынь формируется строго централизованная и однотипная клерикальная идентичность, не привязанная к тому или иному локальному сообществу. Она опирается на общецерковные правила, нормы и документы (один из важнейших – «Основы социальной концепции РПЦ»), где признается в частности, что «попечение о человеческом здоровье – душевном и телесном – искони является заботой Церкви»⁷.

САКРАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ ЗДОРОВЬЯ

Для большинства паломников водные источники – одна из главных святынь, где они стремятся превратить контакт с высшими силами в жизненно важные дивиденды. Для деревенских жителей, занятых в наше время проблемами выживания [Любимова, 2012, с. 154], вода – это социально-экономическое благо в форме лекарства, доступного и недорогого, насущного и необходимого. Можно сказать, что святыни – это своеобразные индикаторы социального самочувствия общества, ведь обращаются к ним с «бедами», т.е. в кризисных ситуациях (эта функция святых мест была отмечена еще Т.Б. Щепанской в 1995 г.). Вероятно, чем больше таких сакральных точек – тем с большим числом кризисов сталкивается большее число людей.

² Святые и святыни [Электронный ресурс] // Тобольская митрополия: официальный сайт. URL: <http://www.tobolsk-eparhia.ru/pages.php?id=t04> (дата обращения: 11.09.2023).

³ По опросу ИСПИ РАН, в нашей стране к православному вероисповеданию относят себя 82 % опрошенных (на 2012 г.). Вместе с тем принимающих причастие раз в месяц и чаще, а также соблюдающих все посты, а также среду и пятницу, – по 2 % [Синелина, 2013, с. 105, 111].

⁴ Епископ Егорьевский Марк предостерегает от восприятия паломничества как средства оздоровления [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/167225.html> (дата обращения: 11.09.2023).

⁵ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 11.09.2023).

⁶ Криванковский колодец: документальный фильм // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oUBSZv2REu4> (дата обращения: 11.09.2023).

⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви...

Проблема со здоровьем наших граждан является индикатором проблем в системе здравоохранения. Зачастую, оказавшись вне поля зрения официальной медицины и не имея возможностей воспользоваться услугами иных медицинских систем, человек пытается заниматься здоровьесбережением по-своему, доступными, понятными и апробированными способами. Многие – с помощью святой воды из почитаемых водных источников.

Социологи отмечают, что «индивидуализированный человек религиозен в большинстве своем потому, что и с религией он непосредственно связывает представления о своем здоровье (физическом и духовном), безопасности и успешности» [Каргина, 2010, с. 57–58]. Это условие комфортного существования человека идеально «предоставляют» современные православные сакральные места. Святая вода, в представлении паломников, лечит болезни и способствует поддержанию физического и духовного здоровья, социальной безопасности и успешности. Именно вода стала в наши дни одной из главных целей паломников во время их посещения сакрализованных святынь и тем самым «подтверждением» их религиозности, причем не только на колодцах в день паломничества к ним, чаще всего летний и теплый, но и на иорданиях в сибирские морозы. Вода – это безусловное благо и сакральное «предложение», на которое охотно откликаются повсеместно и в любое время года. Как отметила информатор на Криванковском колодце, «люди-то старые верили и по сей день, потому что болеют народ-то, и все приходят сюда. <...> Все равно люди верят, какая-то, может, польза есть»⁸ (женщина, 1948 г.р.).

Не случайно в связи с этим изменился ландшафт сакральных комплексов, которые теперь включают помимо водного источника, оформленного как капитальный колодец, еще и кабинки для обливания или купели; их благоустройство в некоторых случаях напоминает коттеджи с удобствами «все включено». Раньше самым частым строением рядом с источником была часовня. Хронологическую границу этой перемены провести сложно. И в середине 1990-х гг., во время процесса реконструкции старых сакральных мест, их обустройство начиналось с возведения именно часовни. Примечательный пример: во время возрождения Криванковского колодца рядом с ним в 1995 г. была поставлена часовня. Однако она не была достроена, и богослужения проводились перед ней.

Со временем сруб разобрали, а его бревна использовались для костра, чтобы дымом отпугивать насекомых. В 2007 г. на ее месте поставили купальню, в которой паломники обливаются водой. В настоящее время при каждом действующем почитаемом колодце построены купальни, где можно облиться водой.

Оформился и ритуал обливания святой водой. Например, на Криванково во время посещения колодца на Девятую пятницу желающих обливаться всегда много. По сообщению одной паломницы, «обливаться водой нужно три раза – ковшиком или ведром, со словами “Во имя Отца и Сына и Святого Духа”» (женщина). Так же считают паломники на святом источнике в с. Черемшанка, отмечая, что нужно обязательно облиться водой из трех ведер. В то же время информаторы говорят, что раньше традиции обливаться не было – только «сбрызгивали голову и ноги» (женщина, 1972 г.р.). Возможно, это местный вариант, так как здесь просто не было особого помещения для обливания, а обнажаться было не принято. В настоящее время желание облиться водой приводит к тому, что некоторые паломники, молодые и пожилые, снимают верхнюю одежду, оставаясь в исподнем (женщины в рубашках, купальниках или комбинациях, мужчины в трусах или плавках). Все эти примеры свидетельствуют, скорее, не об утраченной нравственной границе, перейдя которую, можно обнажать свое тело, и не о десакрализации места, а о популярности обряда обливания у «новых» паломников и их пути к желаемой цели быть здоровыми.

Интересно, что говорят сами паломники о своих целях посещения водных святынь (опрос проводился на Криванково, но аналогичные ответы можно встретить и на других водных святынях): «Молиться, просить здоровье своим родным и близким» (женщина). «Молились да просят, чтобы здоровье было, чтобы жить хорошо было, чтобы войны-то не было» (женщина, 1932 г.р.). Информатор (мужчина, 1938 г.р.) пьет криванковскую воду, «чтобы организм был нормальный, <...> бодрый, и все прекрасно все было». «Криванково – это было всегда святое место. Всегда сюда шли люди – со своим горем, с болезнями, со всем шли. И людям помогало. И люди верили – и мы сейчас в это верим все. Все верим, потому что когда идешь вот сейчас – у меня больные ноги, мне кажется, я уже чиста душой, пойду, хорошо дойду до дома» (женщина, 1952 г.р.).

Однако даже из этих фраз следует, что паломники говорят не только о здоровье как о главной цели посещения святого места, да и о здоровье говорят не все. В многоголосии религиозных дискурсов можно услышать и иные высказывания о целях паломничества. Они частично пересекаются (например, почти все говорят о здоровье), частично остаются актуальными только для одной группы. Впрочем, в этом слу-

⁸ Эта фраза свидетельствует о разном понимании причин болезни: одно существует в «официальной» медицинской среде, а другое – в народной практике здоровьесбережения, чему до обидного мало уделяется внимание при рассмотрении проблем современного здравоохранения на разных уровнях [Харитоновна, Янева-Балабанска, 2017].

чае нужно говорить о целевых аудиториях, так как процесс целеполагания на сакральных местах управляемый. Новые цели выступают маркерами групповой идентичности, конструировать и транслировать которую удобно именно на сакральной территории – том месте, где особенно ярко проявляется и повышается эмоциональность человека. С ее помощью происходит «подключение» к наиболее сложно транслируемым идеям и идеологиям, стоящим на повестке дня у регулирующих процесс паломничества структур.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЕДИНСТВА

Социологи полагают, что, возможно, самая «догодостоящая» причина религиозности современного индивидуализированного человека – «*возможность принадлежать к сообществу, к утраченной общинности, которую можно локально и на время реконструировать*» [Каргина, 2010, с. 57–58]. Как отмечает новосибирский исследователь Г.В. Любимова, «будучи одним из главных факторов, определяющих специфику местного ландшафта и локальные особенности народного календаря, они (водные святыни. – Е.Е.) остаются символами «малой» родины, которые аккумулируют в себе историческую память и формируют локальную идентичность местного населения» [Любимова, 2021, с. 121]. О важности этнокультурной памяти для картины мира сибиряка пишет и А.Ю. Майничева [2023, с. 40–47]. Считаю, что посещение святынь, и в частности водных источников, предоставляет возможность ностальгировать об утраченной общинности, которую возможно ситуативно реконструировать «здесь и сейчас» и почувствовать свою защищенность перед жесткими индивидуализированными рамками новой социальной действительности, которую пока еще не принял маргинальный, «другой» сельский мир и те слои населения, которые испытывают трудности с коммодификацией своего жизненного продукта. Однако, в связи с тем, что все почитаемые водные источники находятся в сельской местности нашего региона, сакральная святыня для проживающих в ней людей – это поиск себя, своей идентичности, своего лица хотя бы в прошлом и зыбком настоящем перед «наступлением» мегаполисов, агломераций и «больших городов», которым этот мир пока проигрывает. Обладание «своей» сакральной точкой должно продемонстрировать социальную «включенность» сельского мира в коммуникативный контакт с акторами, участвующими в процессе управления сакральным, обеспечить его защиту и придать относительное и временное социальное равновесие. В этом вряд ли заинтересован институт Церкви, а вот чиновникам из местных администраций эта идея должна понравиться. Мои предположе-

ния демонстрирует пример возрожденного колодца в д. Большие Чирки Голышмановского района.

После выхода в свет моей статьи «Почитаемый ключ в деревне Большие Чирки» в краеведческом альманахе «Коркина слобода» [Ермакова, 2013, с. 24–26], где я описывала когда-то почитаемый, а ныне заброшенный ключ, глава Среднечирковского сельского поселения А.И. Григорьева, ознакомившись с публикацией, решила возродить это место. Благодаря поддержке районного конкурса социальных проектов, а также спонсоров место было благоустроено: очищена территория, извлечен старый сруб, установлен новый сруб с капитальным навесом, изготовлено ограждение, поставлены скамейки, заказан химический анализ воды, установлена система указателей (с трассы и внутри деревни) и информационные баннеры. На одном из них читаем: «Ивановский ключ. Обнаружен в конце 18 века. К нему ходили на престольный праздник Рождество Иоанна Предтечи. Служили службу, брали воду, использовали ее в целях лечения от различных болезней людей и животных». Этот баннер – тот же фрейм, используемый местными властями для конструирования у общест-венности определенных ценностей.

В итоге место до неузнаваемости изменилось. Проект имел название «Возрождение Ивановского ключа», и в качестве ожидаемых результатов были указаны «вторая жизнь Ивановского ключа, оживление жизни в д. Большие Чирки»⁹. 13 октября 2014 г. состоялось торжественное открытие ключа под названием «Святые родники – народная ценность», при этом «светская» часть (приветственные слова представителей администрации, выступления творческих коллективов, конкурсы и викторины, угощение чаем и выпечкой, ярмарочная торговля продукцией с личных подворий) была совмещена с обрядом освящения колодезной воды о. Анатолием – настоятелем храма Вознесения Господня в с. Средние Чирки.

Если первая цель проекта – «вторая жизнь Ивановского ключа» достигнута, то наивно полагать, что благодаря ему произойдет «оживление жизни в д. Большие Чирки». Однако ее и не обещают, но локальная и временная реконструкция общинности все же в момент самого праздника, возможно, происходит. Деревню «услышали» как руководители местного «быта» – муниципальные власти районного центра, распределяющие финансирование, так и те, кто отвечает за «бытие», – духовная власть в лице священника и епископа, которые легко присоединились к тому, что было сделано без их участия. Местные

⁹ На 2014 г. в д. Большие Чирки зарегистрировано 42 чел.; Реализация социального проекта «Возрождение Ивановского ключа»: папка с документами и информацией // Личный архив (фотокопия).

жители, в свою очередь, «подключились» к заложенным смыслам и вспоминают здесь о былой красоте и многолюдности деревни, задумываются о своей «духовной памяти», о «продолжении традиций» (реплика информатора, мужчина), пытаюсь «простыми словами» осмыслить социально-культурные координаты, важные для человека. Приведу еще фразы из полевых интервью: информаторы, отвечая на мой вопрос о цели посещения святого ключа поясняют: «Душой отдохнуть, пообщаться с народом. Можно сказать, день выходной получается» (мужчина, 1959 г.р.). «Духовная память, крестьяне. Предки преклонялись, походы делали. Продолжить традиции надо» (мужчина). «Ну мы на пенсии, да и так че-то по жизни, как-то сколько в районе у нас есть праздников – День пирога, Медовый спас, Яблочный спас, там Ильин день, вот это вот, че-то в Земляной вот будет, не помню что, и мы все время ездим» (мужчина, 1951 г.р.). Последняя реплика показывает, что сакральный локус – это место общения с «народом» – настоящими или бывшими односельчанами, когда-то собиравшимися вместе на престольные или советские праздники вместе: «Привыкли к этому, с детства. Как праздник душе, воздух здесь – не надышишься, тут ни дыму, ни пыли. Для души» (мужчина, 1938 г.р.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Считается, что водные святыни – наиболее распространенные природные почитаемые объекты, главным образом благодаря древности и универсальности представлений человека о свойствах воды [Платонов, 2014, с. 61]. С культом водных святынь не смогли справиться ни различные религиозные войны и конфессии [Элиаде, 2015, с. 179], ни атеистические по своей идеологической сути государства. И если «дух дышит, где хочет», то святой источник бьет там, где в нем существует потребность. Сакральный локус, каким является любой почитаемый водный источник, – это не только то, что «создает, восстанавливает или подчеркивает связь человека с потусторонним». Его понимание как социального конструкта и культурной универсалии должно отталкиваться от тех задач, которые ставят перед ним и решают с его помощью те или иные сообщества и их акторы здесь и сейчас, объясняя тем самым, с какой целью и в какой форме устанавливается этот контакт с потусторонним: для одних – это эксклюзивный бренд в борьбе за умы и кошельки паломников, для других – он функционирует как часть института здравоохранения, для третьих – день паломничества к водной святыне является общинным праздником и возможностью ностальгировать о прошлом в кругу единомышленников. В итоге сакральное – это конструкт,

используемый человеком в целях оптимального функционирования в пределах определенного социального круга и безопасного выхода из него для удовлетворения своих потребностей. Это «настройка» и проверка тех сил, которые призваны и призываются защитить человека в самый сложный момент его жизни, в кризисной ситуации последней надежды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаев В.Н. Сакрализация пространства как текущий процесс в культуре юганских хантов-переселенцев // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7. С. 296–301.
- Бубнова А.Р., Арманд А.Д., Кайданова О.В. Сакральные ландшафты как фактор формирования этнического экологического сознания (на примере горных марийцев Республики Марий Эл) // Изв. Рос. Акад. наук. Сер. географическая. 2018. № 6. С. 115–127.
- Ермакова Е.Е. Почитаемый ключ в деревне Большие Чирки // Коркина слобода: краеведческий альманах российского Приишья. Ишим, 2013. Вып. 12. С. 24–26.
- Ермакова Е.Е. Конструирование религиозного ландшафта в селе Рафайлово Тюменской области // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 2. С. 58–61.
- Иванова А.А., Калущков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М.: ОГИ, 2009. 512 с.
- Каргина И.Г. Новые формы сакрализации светского и секуляризации сакрального в христианских обществах // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 52–62.
- Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2017. 591 с.
- Лидов А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009а. 362 с.
- Лидов А.М. Иеротопия: создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исследования // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009б. № S2. С. 60–77.
- Любимова Г.В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 208 с.
- Любимова Г.В. Почитаемые источники в сибирской народно-православной традиции: трансформация сакральных пространств в XX – начале XXI вв. // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2021. № 6. С. 115–122.
- Майничева А.Ю. Этнокультурная память в конструировании картины мира: сибирские православные церкви в XX – первой четверти XXI в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 40–47.
- Платонов Е.В. К вопросу о почитании родников в XIX веке: модели поведения и практика принятия решений // Традиционная культура. 2014. № 1. С. 61–70.
- Селезнев А.Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2. С. 111–119.
- Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах ее изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104–115.
- Харитонова В.И. Сакральность и сакрализация: социокультурные контексты современности (введение к специальной теме номера) // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 185–190.
- Харитонова В.И., Янева-Балабанска И. Интеграция медицинских систем – желаемое и действительное (российско-болгарские параллели) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 181–209.

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 143 с.
Элиаде М. Трактат по истории религий. М.: Академический проект, 2015. 394 с.

Emmons R.A., Paloutzian R.F. The psychology of religion // Annual Review of Psychology. 2003. Vol. 54. P. 377–402.

REFERENCES

Adaev V.N. (2013). Sacralization of space as a current process in the culture of the Yugan Khanty-settlers. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 12, iss. 7, pp. 296–301. (In Russ.)

Bubnova A.R., Armand A.D., Kaidanova O.V. (2018). Sacred landscapes as a factor in the formation of ethnic ecological consciousness (on the example of mountain Mari people of the Republic of Mari El). *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, no. 6, pp. 115–127. (In Russ.)

Castells M. (2017). The power of communication. Moscow, Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 591 p. (In Russ.)

Eliade M. (1994). The Sacred and the Profane. Moscow, Izd-vo MGU, 143 p. (In Russ.)

Eliade M. (2015). A treatise on the history of religions. Moscow, Akadem. proekt, 394 p. (In Russ.)

Emmons R.A., Paloutzian R.F. (2003). The psychology of religion. *Annual Review of Psychology*, vol. 54, pp. 377–402.

Ermakova E.E. (2013). The revered key in the village of Bolshye Chirki. *Korkina sloboda: kraevedcheskii al'manakh rossiiskogo Priishim'ya*. Ishim, iss. 12, pp. 24–26. (In Russ.)

Ermakova E.E. (2016). Construction of the religious landscape in the village of Rafailovo, Tyumen region. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 23, no. 2, pp. 58–61. (In Russ.)

Ivanova A.A., Kalutskov V.N., Fadeeva L.V. (2009). Holy places in the cultural landscape of Pinezhye (materials and comments). Moscow, OGI, 512 p. (In Russ.)

Kargina I.G. (2010). New forms of sacralization of the secular and secularization of the sacred in Christian societies. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 52–62. (In Russ.)

Kharitonova V.I. (2016). Sacredness and sacralisation: sociocultural contexts of modernity (introduction to the special topic of the issue). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 185–190. (In Russ.)

Kharitonova V.I., Yaneva-Balabanska I. (2017). Integrating medical systems – the desired and the actual (drawing parallels between Russia and Bulgaria). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 181–209. (In Russ.)

Lidov A.M. (2009 a). Hierotopia. Spatial icons and images-paradigms in Byzantine culture. Moscow, Dizain. Informatsiya. Kartografiya, 362 p. (In Russ.)

Lidov A.M. (2009 b). Hierotopia: the creation of sacred spaces as a type of creativity and the subject of research. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. S2, pp. 60–77. (In Russ.)

Lyubimova G.V. (2012). Essays on the history of interaction between the rural population of Siberia and the natural environment. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 208 p. (In Russ.)

Lyubimova G.V. (2021). Revered sources in the Siberian folk Orthodox tradition: the transformation of sacred spaces in the XX – early XXI centuries. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6, pp. 115–122. (In Russ.)

Majnicheva A.Yu. (2023). Ethno-cultural memory in constructing a picture of the world: Siberian Orthodox churches in the XX – the first quarter of the XXI centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 30, no. 2, pp. 40–47. (In Russ.)

Platonov E.V. (2014). On the question of the reverence of springs in the XIX century: behavioral models and decision-making practice. *Traditsionnaya kul'tura*, no. 1, pp. 61–70. (In Russ.)

Seleznev A.G. (2013). Islamic Siberian cult complexes of Astana as hierotopy: sacred spaces and religious identity. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, № 2, pp. 111–119. (In Russ.)

Sinelina Yu.Yu. (2013). Dynamics of Russians' religiousness and some methodological problems of its research (religious consciousness and behavior of Orthodox and Muslims). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 104–115. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.03.2023

Дата рецензирования 28.04.2023

Статья принята к публикации 15.07.2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20230315

УДК 069+908+93(470+571)

EDN: AVIXGT

Н.А. ТОМИЛОВ

КРАЕВЕДЕНИЕ В ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ В КРАЕВЕДЕНИИ

Рец. на кн.: Государственное краеведение в Российской Федерации

в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития.

Сб. науч. тр. / под ред. П.П. Вибе. Омск: Омск. гос. ист.-краевед. музей, 2022. 248 с.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
РФ, 644024, г. Омск, пр. Маркса 15/1

Рецензируя сборник научных трудов «Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития» (2022), включающий 35 статей, рецензент рассматривал только те статьи, в которых освещаются история краеведения или исторические исследования в краеведческих работах. Статьи размещены в трех тематических разделах: «Краеведение в государственных учреждениях: актуализация знаний, проблемы и перспективы их популяризации», «Краеведческие исследования в музеях, архивах, библиотеках» и «Краеведческая научно-исследовательская деятельность в научных и учебных заведениях».

Ключевые слова: краеведение, отечественная история, история науки, краеведческие исследования государственных учреждений, историко-культурное наследие.

Для цитирования: Томилов Н.А. Краеведение в истории и история в краеведении. Рец. на кн.: Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития. Сб. науч. тр. / под ред. П.П. Вибе. Омск: Омск. гос. ист.-краевед. музей, 2022, 248 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 110–112.

N.A. TOMILOV

LOCAL LORE STUDIES IN HISTORY AND HISTORY IN LOCAL LORE STUDIES

Book review: State local history in the Russian Federation

at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries: main problems and development prospects.

Collection of scientific papers / ed. P.P. Vibe. Omsk: Omsk. gos. ist.-kraeved. muzey, 2022, 248 p.

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
Omsk laboratory of archeology, ethnography and museology,
15/1, Marx Ave, Omsk, 644024, Russian Federation

Review of the collection of scientific papers “State local history in the Russian Federation in the late XX – early XXI centuries: the main problems and development prospects” (2022), which includes 35 articles, is presented by reviews of only those articles that cover local history or historical research in local history works. Articles are placed in three thematic sections: “Local History in State Institutions: Updating Knowledge,

Николай Аркадьевич Томилов – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: n.a.tomilov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8105-0573>.

Nikolay A. Tomilov – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

Problems and Prospects for Their Popularization”, “Local History Research in Museums, Archives, Libraries” and “Local History Research Activities in Scientific and Educational Institutions”.

Key words: *local history, national history, history of science, local history studies of state institutions, historical and cultural heritage.*

Интерес к содержанию изданного в 2022 г. сборника научных трудов «Краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития» вызван как новизной ряда теоретических и историографических разработок в отношении краеведения и его вклада в изучение отечественной истории, так и возрастающим значением краеведческих процессов в российском обществе в последние десятилетия, в том числе в связи с активной деятельностью созданного в 1990 г. Союза краеведов России. Сборник был подготовлен к состоявшемуся 27 – 29 октября 2022 г. Всероссийскому омскому краеведческому форуму, посвященному обсуждению темы «Роль государственных учреждений в развитии отечественного краеведения на современном этапе». Часть статей данного сборника была заслушана на этом форуме в виде докладов на пленарном заседании.

В сборнике, подготовленном к печати Омским государственным историко-краеведческим музеем (ОГИКМ) по инициативе его директора, председателя Союза краеведов России П.П. Вибе, опубликовано 35 статей. Они размещены по трем разделам – «Краеведение в государственных учреждениях: актуализация знаний, проблемы и перспективы их популяризации», «Краеведческие исследования в музеях, архивах, библиотеках: основные направления и достижения в реализации проектной деятельности» и «Краеведческая научно-исследовательская деятельность в научных и учебных заведениях». В большинстве статей освещается краеведческая деятельность конкретных научно-исследовательских институтов, вузов, архивов, библиотек и музеев. Включены работы и более общего плана – по истории российского краеведения (в том числе регионального), изучению историко-культурного наследия и его популяризации, по истории издательских проектов. В данной рецензии внимание уделено тем работам, в которых освещаются темы по истории краеведения и по результатам некоторых исследований в области исторического краеведения.

Книга открывается статьей П.П. Вибе (Омск) «Государственное краеведение: история взаимоотношений и перспективы развития». В ней речь идет об истории взаимоотношений государства и его учреждений с краеведческим сообществом на протяжении XIX – начала XXI в., показана центральная роль государственного краеведения в российском краеведческом поле, включающего также учебное и общественное краеведение. Интерес вызывают методолого-теоретические изыскания ее автора в определении

краеведения, объекта и предмета краеведческих исследований, в изложении своего понимания дефиниций «краевед» и «краеведческое движение». Так, П.П. Вибе отмечает: «...если “краеведение” мы определяем как процесс формирования многоотраслевого знания о том или ином крае, как совокупности действий всех субъектов этого процесса, то под “краеведческим движением”, на наш взгляд, следует понимать лишь общественное самостоятельное краеведческое творчество людей, объединенных любовью к месту, где протекает их жизнь» (с. 10). Поддерживая такой понятийный подход, все же отметим, что краеведение – это прежде всего область многоотраслевых знаний о природе, истории и культуре определенных территорий (мест) и их населения; в ней и происходят процессы формирования таких знаний и использования их в практике жизнедеятельности общества. Глубоко изучив опыт разностороннего взаимодействия государства и краеведческой сферы деятельности в России, автор статьи подчеркнул необходимость более целенаправленного развития государственного краеведения, которое курировало бы все остальные сферы и направления краеведческой деятельности российского общества, что способствовало бы более стабильному развитию России.

Истории сибирского краеведения уделено внимание в статье Н.А. Томилова (Омск) «Краеведы Сибири в монографических изданиях конца XX – первых десятилетий XXI века». С целью определения объема и, главное, значения таких работ на примере изданий в омском историко-краеведческом сообществе в указанный период в статье приведена предложенная ее автором периодизация истории омского краеведения, разработанная в том числе с опорой на труды по сибирскому краеведению П.П. Вибе, А.Д. Колесникова, А.В. Ремизова, О.Н. Шелегиной и других историков. В этой схеме первый период (1730-е – середина 1860-х гг.) представлен работами ученых, чаще всего участников экспедиций, сотрудников образовательных учреждений; второй период (вторая половина 1860-х – 1910-е гг.) характеризуют труды членов Общества исследователей Западной Сибири и Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО); третий период (1920-е – 1980-е гг.) – активно развиваются исследования разных общественных организаций, вузов, музеев и др.; четвертый период (с 1990-х гг. – по настоящее время) – исследования проводятся созданными в Омске научными учреждениями, а также университетами, музеями (особенно ОГИКМ), другими учреждениями, общественными организациями, а также

почти ежегодно проводятся научные форумы в Омской области с краеведческой составляющей, издаются краеведческие журналы и т.п. В статье сделан вывод о значительном увеличении в данный период монографических изданий о краеведах Сибири, их значении в развитии исторической памяти россиян.

История краеведческих исследований и мероприятий одного из ведущих сибирских музеев, расположенного в административном центре Омской области, рассматривается в статье П.П. Вибе и О.В. Блиновой «Омский государственный историко-краеведческий музей: комплексный подход к развитию краеведения в регионе». Комплексный подход в краеведческой деятельности раскрывается авторами через изучение формирования и развития такого подхода в вышеуказанном музее уже с конца 1870-х гг. (тогда музей возник в составе ЗСО ИРГО) и до наших дней. Это история экспедиций, краеведческих и музейных изданий, научно-практических конференций, семинаров и многих других организационных мероприятий в краеведении. Авторы статьи, безусловно, доказали результативность и эффективность применения комплексного подхода к развитию регионального краеведения.

В статье «Когда краеведение больше, чем краеведение: региональные особенности российской исторической культуры (на примере Республики Татарстан)» А.В. Овчинников (Москва), обозначив проблему «профессионал / непрофессионал» в краеведении, рассмотрел ее в плоскости соотношения региональной истории – сферы профессиональной краеведческой истории и локальной истории – в большей степени непрофессиональной краеведческой истории. Изучив материалы по развитию в 1990-х – начале 2020-х гг. профессиональных и непрофессиональных исследований, касающихся прошлого Татарстана, автор статьи, на наш взгляд, правомерно обосновал свое заключение о том, что «... историческое краеведение можно определить одновременно и научной дисциплиной, и очень важным общественным явлением...», связанным с попытками «...создать альтернативные... исторические нарративы, имеющие не столько научное (разве только в роли объекта исследования), сколько прикладное социально-политическое значение» (с. 28).

В статье А.И. Раздорского (Санкт-Петербург) «Роль государственных учреждений и организаций в развитии отечественной региональной энциклопедистики (на примере универсальных энциклопедий о субъектах Российской Федерации)» рассмотрена история создания региональных энциклопедий, которая в России началась с конца 1920-х гг., затем последовал 50-летний «безэнциклопедический» период, а

со второй половины 1980-х гг. наблюдается нарастающая волна энциклопедических изданий в регионах страны. Автор статьи анализирует сведения о 58 изданных с конца 1970-х гг. по настоящее время региональных энциклопедиях, отмечая ведущую роль государственных учреждений в подготовке и публикации этих изданий. Доклад А.И. Раздорского на вышеуказанном краеведческом форуме вызвал повышенный интерес у его участников, особенно на круглом столе, где состоялось обсуждение вопроса о создании «Энциклопедии российского краеведения» и подготовленного к публикации тома «Энциклопедии омского краеведения».

Материалы по истории краеведческой деятельности отдельных государственных учреждений были представлены еще в двух десятках статей, среди них следует отметить работы И.И. Кротта (Омск) «Краеведение в образовании: возможности современного университета», Д.А. Бельюкова (Великие Луки) «Краеведение в вузах города Великие Луки», Т.Н. Золотовой (Омск) «Краеведческие исследования народной культуры в Сибирском филиале Российского института культурологии (1993 – 2014)», В.И. Первушкина (Пенза) «Краеведческие проекты Института регионального развития Пензенской области», С.Ф. Татаурова (Омск) «Историко-краеведческое изучение древнего сибирского города Тары», В.Г. Кокоулина (Новосибирск) «Краеведческие исследования в Сибири по материалам фонда «Общество изучения Сибири и ее производительных сил» Государственного архива Омской области», Н.С. Храповой (Омск) «Основные формы взаимодействия Исторического архива Омской области с краеведческим сообществом», Л.А. Прониной (Тамбов) «Прикладные исследования краеведческой тематики в научной библиотеке», А.В. Ремизова, А.П. Сорокина (Омск) «Краеведческая деятельность Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина», Л.И. Скрипкиной (Москва) «Краеведение и музеи – современные тенденции», Д.В. Ерошевской (Омск) «Краеведение в российских музеях: современные подходы и практики», А.А. Куранова (Астрахань) «Основные направления краеведческой работы Астраханского музея-заповедника в начале XXI в.», М.В. Виноходовой (Оренбург) «Формы совместной краеведческой работы Оренбургского губернаторского музея и образовательных организаций».

Безусловно, настоящий сборник окажется полезным для многих специалистов в областях истории, историографии, источниковедения, археологии, этнографии, архивоведения, библиотековедения, культурологии, музееведения, педагогики, а также для широкого круга читателей, занимающихся краеведческой деятельностью.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022

Дата рецензирования 15.12.2022

Статья принята к публикации 18.05.2023

DOI: 10.15372/HSS20230316

УДК 655.4/.5(47)

EDN: DCSFIQ

В.Н. ЯРАНЦЕВ

ТРИ ВЕКА ЭВОЛЮЦИИ СИБИРСКОГО СБОРНИКА

Рец. на кн.: *Макарова Е.А. Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX вв. в аспекте формирования регионального книгоиздания. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та. 236 с.*

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

Рецензируемая монография посвящена анализу литературно-художественных сборников Сибири в конце XVIII – первой трети XX вв. с позиций сибирского культурного регионализма и книгоиздания. Использование автором понятия «культурный трансфер» позволяет исследовать данный жанр книги сразу в нескольких аспектах – от литературного до книгоиздательского, сочетая теоретические обобщения с анализом конкретных сборников.

Ключевые слова: литературно-художественный сборник, журнал, альманах, регионализм, «культурные гнезда», «культурный трансфер», «Центр и периферия».

Для цитирования: Яранцев В.Н. Три века эволюции сибирского сборника. Рец. на кн.: Макарова Е.А. Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX вв. в аспекте формирования регионального книгоиздания. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та. 236 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 113–116.

V.N. YARANTSEV

THREE CENTURIES OF EVOLUTION OF THE SIBERIAN MISCELLANY

Book review: *Makarova E.A. Literary and art miscellanies of Siberia of the late XVIII – first third of the XX centuries in the aspect of regional book publishing formation. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 236 p.*

State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The article reviews a monograph devoted to the analysis of literary and art miscellanies of Siberia at the end of the XVIII – first third of the XX centuries from the point of view of Siberian cultural regionalism and book publishing. The author's use of the concept of "cultural transfer" allows to explore this genre of book in several aspects at once, from literary to book-making, combining theoretical generalizations with the analysis of specific miscellanies.

Key words: literary and art miscellany, magazine, almanac, regionalism, "cultural nests", "cultural transfer", "Center and periphery".

Исследование феномена литературно-художественных сборников Сибири раскрывается в рецензируемой книге в нескольких аспектах. Помимо истории формирования регионального книгоиздания, означенного в названии книги, рассматривается так-

же жанр «литературно-художественных сборников», и, наконец, проблемы эволюции данного жанра в широких рамках от конца XVIII в. до первой трети XX в. Очевидно, что в такой обширный временной промежуток автор смог убедительно проследить в задан-

Владимир Николаевич Яранцев – канд. филол. наук, младший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: yarantsev@spsl.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3143-0017>.

Vladimir N. Yarantsev – Candidate of Philological Sciences, Junior Researcher, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

ном объеме монографии лишь узко сформулированную тему. И на этом пути исследователя ждут немалые трудности, главная из которых – неровность и неоднозначность развития литературы и печатного, книгоиздательского дела в Сибири.

Обозначая вехи развития книжного дела в крае в пяти главах своего исследования, Е.А. Макарова такую неровность подчеркивает. Первый период, от конца XVIII в. до середины XIX в., охарактеризован скромными результатами деятельности издателя П.П. Сумарокова и типографов отца и сына Корнильевых, а также Г.И. Спасского – издателя журнала «Сибирский вестник» с 1817 по 1825 г. Во втором периоде развития – второй половине XIX в. – происходит оживление литературно-книжной и издательской деятельности, что связано прежде всего с «областничеством». Третий период (начало XX в.) правомерно назвать расцветом сибирской литературы и книгоиздания, а формирование сибирской литературы становится явлением общероссийским. Если первые годы советской власти (четвертый период) показали немалый потенциал, заложенный в литературе огромного сибирского края, то уже в годы первых пятилеток спектр литературных возможностей авторов насильственно суживается, целиком обслуживая интересы официальной идеологии. Пятый период и, соответственно, пятая глава монографии, посвященная эпохе соцреализма, показывает резкий контраст между низким художественным уровнем произведений писателей, в основном пролетарского происхождения, и количеством издаваемых ими сборников. Таким образом, исследователем отмечены колебания в масштабах развития литературно-издательского дела в Сибири, зависящего от разных факторов: влияния ссыльнопоселенцев в различных областях Сибири, появления «областничества» и смерти Н.М. Ядринцева, а также поддержки М. Горьким молодых сибирских писателей – последователей Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина (подробнее об этом см.: [Анисимов, 2005; Очерки..., 1982; Суматохина, 2013]).

Показано, что лишено определенности и понятие жанра, обозначенного в заглавии как «литературно-художественные сборники». Наряду с термином «сборник» здесь используются близкие ему термины «журнал» и «альманах», что отражает ситуацию с состоянием литературы и книгоиздания на протяжении более ста лет в отсутствие сформировавшегося сообщества писателей и наличия необходимого числа издателей и соответствующего форума читателей в Сибири. О ситуации в литературной жизни, особенно в первый период, предопределившей неустойчивость жанра сборника, автор пишет: «По оформлению данное издание («Иртыш, превращающийся в Иппокрену». – В.Я.) представляет собой типичный журнал,

но по внутреннему содержанию, характеру статей и художественных произведений больше напоминает альманах, приближенный к сборнику» [Макарова, 2020, с. 17].

Для решения поставленных проблем автор монографии использует термин, отличающийся широтой толкования и гибкостью применения к самым разным проблемам гуманитарных наук, – «культурный трансфер» (подробнее об этом см.: [Эспань, 2018]). В монографии он понимается как основополагающий подход, позволяющий объединить и теоретический аспект – переосмысление отношений «Центра» и «периферии» как «обмена», процесса двустороннего и творческого (использована цитата М. Эспанья), и прикладной – анализ издательской деятельности, осуществляемой на уровнях «общих тенденций развития книжного дела, процесса складывания книжных форм и на частном, содержательном уровне книгоиздания» [Макарова, 2020, с. 7]. Этот подход подводит Е.А. Макарову к необходимости «локального подхода», близкого известной концепции «культурных гнезд» Н.К. Пиксанова [1928]. Еще одним следствием, вытекающим из основополагающего подхода «культурного трансфера», является междисциплинарный подход, при котором «допускается прямой перенос методов исследования из одной научной дисциплины в другую, исходя из сходства исследуемых предметных областей» [Макарова, 2020, с. 12]. С этой точки зрения, выбор именно сборника как компромиссного жанра между литературным журналом и альманахом [Балашова, 2011] является вполне логичным, поскольку альманах – более продвинутый аналог сборника («разновидность серийного, продолжающегося сборника», [Швецова-Водка, 2009, с. 430]), жанр настолько же синтетический, «представляющий произведения всех родов и жанров художественной литературы», насколько и «форма промежуточная, переходная» [Рейтблат, 1995–1996, с. 167]. Тем самым автор монографии нивелирует сложности в рассмотрении жанра сборника / альманаха на столь протяженном этапе развития литературы Сибири (около 150 лет), не имевшем такой стройности и насыщенности знаменитыми именами писателей и издателей, как за ее пределами.

Анализ конкретных изданий, представляющих данный литературно-книжный жанр, отражает все особенности предложенного подхода трансферности, локальности и междисциплинарности. Очевидно это уже на уровне заглавий глав, особенно первой и второй. Например, из заглавия главы первой следует, что будут рассматриваться «Тобольское «культурное гнездо» и издательская деятельность П.П. Сумарокова». В параграфе 1.4 исследование первых печатных сибирских и столичных сборников дано «в аспекте

проблемы культурного трансфера». В названии одного из параграфов главы второй оба понятия объединены: «Сибирский сборник» Н.М. Ядринцева в аспекте проблемы культурного трансфера». «Идеолог областной сепаратистской доктрины» (т.е. идеи обособленности «гнезд»), поначалу выстраивавший свои издания «на системе оппозиций» русско-европейской и сибирской культур», Н.М. Ядринцев сумел выйти за границы этой доктрины, говоря о «диалогической ситуации Центра и периферии» [Макарова, 2020, с. 63]. Проявилось это и в географическом аспекте – в издании «Сибирского сборника» и газеты «Восточное обозрение» и в Петербурге, и в Иркутске.

Географическая составляющая станет важной и для литературной жизни Томска, где в первые два десятилетия XX в. сформировалось не просто «культурное гнездо», но ядро всей будущей региональной литературы. Причем возросла доля компонента «культурного трансфера», который отвечал за влияние «периферии» на «Центр», в основном за счет «формирования беллетристики» в изданиях и сборниках этих лет, что содействовало вовлечению «сибирской литературной и издательской ситуации» «в общероссийский процесс» [Макарова, 2020, с. 108]. Такая вовлеченность значительно редуцировала феномен «культурных гнезд», усиливая трансферность в идеологическом, в отличие от эстетического, смысле. Две заключительные главы монографии, посвященные советскому времени, когда понятия «культурных гнезд» и «культурного трансфера» в значительной мере теряли свою актуальность, посвящены в основном анализу и характеристике наиболее интересных и заметных сборников и альманахов. Описаны авторы сборника, его рубрики, названия произведений, а также указаны размер книги, переплет, обложки, тиснение и т.п. с минимумом эстетических оценок. Характеризуя сборники и альманахи, Е.А. Макарова обращается и к предисловиям к изданиям («От редакции», «От составителя» и т.д.). Для более глубокого анализа ей пришлось бы, очевидно, пожертвовать хронологическим охватом данного жанра, ограничиться началом 1920-х гг. Вместе с тем ее подход дает возможность не только показать богатство модификаций и трансформаций означенного жанра, но и выявить, насколько «всеядным» оказался жанр сборника / альманаха, обслуживавшего самые разные литературные направления и стили, вплоть до жесткой заданности соцреализма.

В «Заключении» Е.А. Макарова показывает, что данный жанр вполне адекватно отражает процессы, которые происходили в литературе и книгоиздании Сибири в указанный период. Представленные ею указатели – Именной (по разделам) и Указатель литературно-художественных сборников Сибири конца

XVIII – первой трети XX вв., ценные сами по себе, подтверждают масштаб проделанной ею работы, ее выводы об эволюции жанра. Обоснована необходимость использования понятия «культурного трансфера» как важного фактора при исследовании развития литературной Сибири в дополнение к другому, сходному с ним семантически и функционально, термину – «фронтир» (см. выпуски сборника «Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.», подготовленные Д.Я. Резуном, В.А. Ламиним, Т.С. Мамсику, М.В. Шиловским, работы К.В. Анисимова и др.). Е.А. Макаровой дефиниция «фронтира» упоминается эпизодически (как «фронтирная ситуация»). Вышесказанное еще раз убедительно показывает, насколько сложным и интересным было развитие литературы Сибири в ситуации непрерывных контактов и взаимных связей, как межрегиональных, так и внутрисибирских. Е.А. Макаровой благодаря «узости» ее темы удалось воссоздать широту и объемность картины развития сибирской литературы и книгоиздания в годы их становления и бурного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов К.В. Проблемы поэтики Сибири XIX – начала XX вв. Особенности становления и развития литературной традиции. Томск, Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
- Балашова Ю.Б. Эволюция и поэтика литературного альманаха как издания переходного типа. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2011. 363 с.
- Макарова Е.А. Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX вв. в аспекте формирования регионального книгоиздания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020. 236 с.
- Очерки русской литературы Сибири: в 2 т. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1. Дореволюционный период / Глава редкол. А.П. Окладников. 605 с.
- Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар. М.; Л.: Госиздат, 1928. 148 с.
- Рейтблат А.И. Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма // Новые безделки: сб. стат. к 60-летию В.Э. Вацура. М., 1995–1996. С. 167–181.
- Суматохина Л.В. Горький и писатели Сибири. М.: ИНФРА-М, 2013. 235 с.
- Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособ. М.; Киев, 2009. 487 с.
- Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. 816 с.

REFERENCES

- Anisimov K.V. (2005). Problems of poetics of Siberia of the XIX – early XX centuries. Features of the formation and development of the literary tradition. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 304 p. (In Russ.)
- Balashova Yu.B. (2011). Evolution and poetics of the literary almanac as a transitional type of publication. Saint Petersburg, Izd-vo SPb. un-ta, 363 p. (In Russ.)
- Espan M. (2018). The history of civilizations as a cultural transfer. Moscow, NLO, 816 p. (In Russ.)
- Makarova E.A. (2020). Literary and art miscellanies of Siberia of the late XVIII – first third of the XX centuries in the aspect of regional book publishing formation. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 236 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (ed.) (1982). Essays on Russian literature of Siberia. Novosibirsk, Nauka, vol. 1: The pre-revolutionary period, 605 p. (In Russ.)

Pixanov N.K. (1928). Regional cultural nests. Local history seminar. Moscow; Leningrad, Gosizdat, 148 p. (In Russ.)

Reitblat A.I. (1995–1996). Literary almanac of the 1820s–1830s as a socio-cultural form. *Novye bezdelki: sb. statey k 60-letiyu V.E. Vazuro.* Moscow, pp. 167–181. (In Russ.)

Shvetsova-Vodka G.N. (2009). The general theory of the document and the book: a textbook. Moscow, Kiev, 487 p. (In Russ.)

Sumatokhina L.V. (2013). Gorky and the writers of Siberia. Moscow, INFRA-M, 235 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.07.2022

Дата рецензирования 07.08.2022

Статья принята к публикации 18.05.2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям: отечественная история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; археология; этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2021;

- индекс УДК;

- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора, orcid. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;

- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;

- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);

- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков. Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html>

В библиографической ссылке в тексте указываются в квадратных скобках фамилия (фамилии) автора (авторов) или первые слова названия публикации без автора, год, страница (страницы). В списке литературы дается полное библиографическое описание работы.

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или определенной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.